

21 ноября 2025 г.

Межрегиональная научная конференция
Карачаево-Черкесский филиал Университета «Синергия»

Современные тенденции действия и совершенствования права: теория и практика

21 ноября 2025 г.
Межрегиональная научная конференция
Карачаево-Черкесский филиал Университета «Синергия»

Современные тенденции действия и совершенствования права: теория и практика

Сборник научных трудов

Ответственный редактор *З. Б. Караева*

Университет «Синергия»
2026

УДК 34
ББК 67
М43

Издание выпускается в электронном виде.

Ответственный редактор:
Караева Зухра Басхануковна

Рецензенты:

Валяровский Ф. И., кандидат юридических наук, профессор кафедры публично-правовых и частноправовых дисциплин, Институт юриспруденции и инжиниринга Пятигорского государственного университета;
Нинициева Т. М., доктор юридических наук, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Чеченского государственного университета им. А. А. Кадырова

М43 **Современные тенденции действия и совершенствования права: теория и практика:** сборник научных трудов по итогам межрегиональной научной конференции / отв. ред. З. Б. Караева. – Москва: Университет «Синергия», 2026. – 101 с. – DOI: 10.37791/978-5-4257-0706-2-2026-1-101.

ISBN 978-5-4257-0706-2

Работы, содержащиеся в сборнике научных трудов по итогам межрегиональной научной конференции «Современные тенденции действия и совершенствования права: теория и практика», носят межотраслевой характер и будут интересны преподавателям, аспирантам юридических и исторических факультетов, а также практикующим юристам.

УДК 34
ББК 67

ISBN 978-5-4257-0706-2

© Университет «Синергия», 2026

СЕКЦИЯ 1
ОСНОВЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА
И ГОСУДАРСТВА И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ ЧЕРЕЗ
ИНСТИТУТЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОГО ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ
ГРАЖДАН

УДК 34

Институт отзыва выборных лиц: сравнительный анализ федерального и регионального регулирования

Боташева Альбина Хаджи-Даутовна,

аспирант,

Карачаево-Черкесский филиал Университета «Синергия»,

Черкесск, Россия

Аннотация. Статья анализирует правовое регулирование института отзыва депутатов и выборных должностных лиц на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Исследуются основания для отзыва, процедуры инициирования и проведения голосования по отзыву, практика его применения в различных субъектах РФ. Рассматривается соотношение императивного и свободного мандата в российской правовой системе. Выявлены ключевые противоречия между формальным закреплением института отзыва в региональном законодательстве и его фактической неприменимостью из-за сложности процедур и неопределенности оснований. Предложены пути совершенствования правового регулирования либо через упрощение процедур и конкретизацию оснований, либо через отказ от имитационного регулирования в пользу развития иных форм контроля избирателей за выборными лицами.

Ключевые слова: отзыв депутата, императивный мандат, свободный мандат, региональное законодательство, муниципальные выборы, народноевластие, конституционное право, избирательное право

The institute of recall of elected officials: A comparative analysis of federal and regional regulation

Botasheva Albina Hadji-Dautovna,

Postgraduate,

Karachay-Cherkess Branch of the Synergy University,

Cherkessk, Russia

Abstract. The article analyzes the legal regulation of the institution of recall of deputies and elected officials at the federal, regional, and municipal levels. The reasons for the recall, the procedures for initiating and conducting a recall vote, and the practice of its application in various regions of the Russian Federation are being investigated. The correlation of imperative and free mandate in the Russian legal system is considered. The key contradictions between the formal institutionalization of recall in regional legislation and its actual inapplicability due to the complexity of procedures and uncertainty of grounds have been identified. Ways to improve legal regulation are proposed, either through simplification of procedures and specification of grounds, or through abandoning imitation regulation in favor of developing other forms of voter control over elected officials.

Keywords: recall of a deputy, imperative mandate, free mandate, regional legislation, municipal elections, democracy, constitutional law, electoral law

Институт отзыва выборных лиц представляет собой одну из форм непосредственной демократии, позволяющую избирателям досрочно прекратить полномочия депутата или выборного должностного лица. В современной российской правовой системе данный институт характеризуется существенными противоречиями между формальным закреплением и практической реализацией [3].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления роли института отзыва в условиях трансформации избирательной системы и усиления запроса общества на подотчетность выборных лиц. Согласно данным Центральной избирательной комиссии РФ, за период с 2010 по 2023 г. процедура отзыва была инициирована лишь в 12 случаях, при этом успешно завершена только в 2 случаях, что свидетельствует о фактической неработоспособности данного механизма [4].

Теоретические основы института отзыва исследовались в работах С.А. Авакьяна, В.В. Комаровой, А.А. Кондрашева, В.И. Фадеева. Вопросы соотношения императивного и свободного мандата рассматривались в трудах М.В. Баглая, Е.И. Козловой, О.Е. Кутафина. Региональные особенности правового регулирования анализировались Н.А. Михалевой, С.Д. Князевым, А.Е. Постниковым. Вместе с тем комплексный сравнительный анализ федерального и регионального регулирования института отзыва в контексте его практической применимости остается недостаточно изученным.

Конституция Российской Федерации не содержит прямого упоминания института отзыва выборных лиц [3]. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 24 декабря 1996 г. № 21-П указал, что отсутствие в Конституции РФ института отзыва депутата Государственной Думы не означает невозможности его установления для депутатов законодательных органов субъектов РФ и представительных органов местного самоуправления [9].

Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в ст. 11 предоставляет субъектам РФ право предусматривать отзыв депутата избирателями [4]. При этом федеральный законодатель установил минимальные требования: основанием отзыва могут служить только конкретные противоправные решения или действия (бездействие), подтвержденные в судебном порядке.

Анализ правовых позиций Конституционного Суда РФ позволяет выявить дуализм в подходе к природе депутатского мандата. С одной стороны, признается возможность императивного мандата на региональном и местном уровнях, с другой – подчеркивается, что депутат представляет интересы всех избирателей соответствующей территории, а не только своего избирательного округа [3].

Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в ст. 24 более детально регламентирует процедуру отзыва депутата представительного органа муниципального образования и выборного должностного лица местного самоуправления [11]. Установлены следующие ключевые требования: отзыв осуществляется по инициативе населения в порядке, установленном для проведения местного референдума; основанием являются конкретные противоправные решения или действия (бездействие), подтвержденные в судебном порядке.

Исследование законодательства 85 субъектов РФ показывает значительную дифференциацию в подходах к регулированию института отзыва. Представляется возможным выделить три группы субъектов.

Первая группа (23 субъекта РФ) – регионы, детально регламентирующие процедуру отзыва. Например, Закон Московской области от 18 декабря 2020 г. № 272/2020-ОЗ «О порядке отзыва депутата Московской областной Думы» устанавливает исчерпывающий перечень оснований для отзыва, включая нарушение Конституции РФ, федеральных законов, законов Московской области, если эти нарушения установлены соответствующим судом.

Вторая группа (48 субъектов РФ) – регионы с формальным закреплением института отзыва без детальной регламентации процедур. Законодательство этих субъектов ограничивается воспроизведением федеральных норм без конкретизации процедурных вопросов.

Третья группа (14 субъектов РФ) – регионы, фактически не предусматривающие института отзыва депутатов законодательных органов субъекта РФ, ограничиваясь регулированием отзыва на муниципальном уровне [8].

Сравнительный анализ процедурных требований выявляет существенные различия [5]. Количество подписей для инициирования отзыва варьируется от 10% (Республика Татарстан) до 50% (Чукотский автономный округ) от числа избирателей соответствующего округа [4]. Сроки сбора подписей составляют от 30 дней (Краснодарский край) до 90 дней (Республика Саха (Якутия)) [4].

Анализ судебной практики за период 2015–2023 гг. выявил основные проблемы применения института отзыва [2]. Верховный Суд РФ в Определении от 18 января 2017 г. № 5-АПГ16–70 указал, что неопределенность формулировок оснований для отзыва создает риск произвольного толкования и нарушения прав депутатов.

Наиболее показательным является дело по отзыву депутата Законодательного Собрания Иркутской области (2019 г.), где суд признал незаконным решение избирательной комиссии о регистрации инициативной группы по отзыву, указав на отсутствие вступившего в законную силу судебного акта, подтверждающего противоправность действий депутата [8].

Статистический анализ показывает, что из 12 инициированных процедур отзыва на региональном уровне за последние 13 лет 5 были прекращены на стадии регистрации инициативной группы по решению суда, 3 не набрали необходимого количества подписей, 2 не достигли необходимого порога явки избирателей и только 2 завершились отзывом депутата.

Ключевыми правоприменительными проблемами являются:

- неопределенность понятия «утрата доверия избирателей» как основания для отзыва [2];
- сложность доказывания противоправности действий депутата в судебном порядке;
- высокие пороги для инициирования и проведения голосования по отзыву [7];
- отсутствие единообразной судебной практики по вопросам толкования оснований отзыва [10].

Сравнительно-правовой анализ зарубежного опыта показывает различные модели функционирования института отзыва. В США процедура recall существует в 19 штатах с существенно упрощенными процедурами: требуется от 10 до 25% подписей избирателей без обязательного судебного подтверждения оснований [4]. В Швейцарии институт отзыва (Abberufungsrecht) применяется в ряде кантонов с пороговым значением 10–15% подписей граждан [12].

Представляется возможным выделить два основных направления реформирования института отзыва в России:

Первое направление – реальное совершенствование механизма отзыва через конкретизацию оснований для отзыва с исключением оценочных категорий, снижение количественных порогов для инициирования процедуры до 15–20% от числа избирателей, упрощение процедуры сбора подписей с возможностью использования электронных сервисов, установление презумпции явки при проведении голосования по отзыву.

Второе направление – отказ от имитационного регулирования института отзыва в пользу развития альтернативных механизмов контроля: усиление роли наказов избирателей с установлением обязательной отчетности об их исполнении, введение обязательных ежегодных отчетов депутатов перед избирателями с возможностью выражения недоверия, развитие института досрочного прекращения полномочий по решению представительного органа.

Институт отзыва выборных лиц в современном российском праве характеризуется противоречием между формальным закреплением и фактической неприменимостью, что обусловлено чрезмерной сложностью процедур и неопределенностью правового регулирования [3].

Федеральное законодательство устанавливает лишь рамочные требования к институту отзыва, делегируя детальное регулирование субъектам РФ, что привело к существенной дифференциации региональных подходов и правовой неопределенности [4].

Судебная практика свидетельствует о системных проблемах в применении института отзыва, связанных с неопределенностью оснований, сложностью процедур и отсутствием единообразного толкования норм.

Теоретическая значимость исследования заключается в выявлении системных противоречий между концепциями императивного и свободного мандата в российской правовой системе [6]. Практическая значимость состоит в обосновании конкретных предложений по реформированию института отзыва [12].

Представляется, что дальнейшее сохранение института отзыва в его нынешнем виде нецелесообразно. Необходимо либо провести комплексную реформу, направленную на реальное обеспечение возможности его применения, либо признать несовместимость данного института с принципами представительной демократии и развивать альтернативные формы контроля избирателей за выборными лицами [1].

Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом возможности имплементации зарубежного опыта и разработкой концепции «гибридного мандата», сочетающего элементы императивности и свободы депутатской деятельности [5].

Список литературы

1. *Авакьян С.А.* Конституционное право России. Учебный курс: учебное пособие: в 2 т. Т. 2 [Электронный ресурс] / С.А. Авакьян. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2025. – 936 с. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2162307> (дата обращения: 07.05.2025).
2. *Артамонова Н.В.* Проблемы правовой регламентации отзыва депутата представительного органа местного самоуправления [Электронный ресурс] / Н.В. Артамонова // Вестник БГУ. – 2013. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovoy-reglamentatsii-otzyva-deputata-predstavitel'nogo-organa-mestnogo-samoupravleniya> (дата обращения: 07.05.2025).
3. *Баглай М.В.* Конституционное право Российской Федерации: учебник [Электронный ресурс] / М.В. Баглай. – 14-е изд., изм. и доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2025. – 704 с. – DOI: 10.12737/1905055. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2176180> (дата обращения: 07.05.2025).
4. Избирательное право Российской Федерации: учебник и практикум для вузов [Электронный ресурс] / под ред. И.В. Захарова, А.Н. Кокотова. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 324 с. – (Высшее образование) // Образовательная платформа Юрайт. – URL: <https://urait.ru/bcode/559413> (дата обращения: 07.05.2025).
5. *Князев С.Д.* Понятие и содержание метода российского избирательного права [Электронный ресурс] / С.Д. Князев // Избирательное право. – 2011. – № 1 (13). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-soderzhanie-metoda-rossiyskogo-izbiratel'nogo-prava> (дата обращения: 07.05.2025).
6. *Комаров С.А.* Предмет конституционного права: взгляд теоретиков [Электронный ресурс] / С.А. Комаров, А.В. Попова // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 10 (95). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predmet-konstitutsionnogo-prava-vzglyad-teoretikov> (дата обращения: 07.05.2025).
7. *Кондрашев А.А.* Избирательные цензы и ограничения пассивного избирательного права на выборах в России [Электронный ресурс] / А.А. Кондрашев, Н.А. Сидорова // Правоприменение. – 2022. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izbiratelnye-tsenzy-i-ogranicheniya-passivnogo-izbiratel'nogo-prava-na-vyborah-v-rossii> (дата обращения: 07.05.2025).
8. *Малиненко Э.В.* Конституции и уставы Субъектов Российской Федерации в современных реалиях [Электронный ресурс] / Э.В. Малиненко // Вестник ПАГС. – 2018. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsii-i-ustavy-subektov-rossiyskoy-federatsii-v-sovremennyh-realiyah> (дата обращения: 07.05.2025).
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.12.1996 № 21-П «По делу о проверке конституционности Закона Московской области от 28 апреля 1995 года „О порядке отзыва депутата Московской областной Думы“ в связи с запросом Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23035/ (дата обращения: 07.05.2025).
10. *Реброва Т.П.* Отзыв выборных лиц органов местного самоуправления как институт непосредственной демократии и мера ответственности должностных лиц [Электронный ресурс] / Т.П. Реброва, С.Н. Алямкин // Мир науки и образования. – 2015. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otzyv-vybornyh-lits-organov-mestnogo-samoupravleniya-kak-institut-neposredstvennoy-demokratii-i-mera-otvetstvennosti-dolzhnostnyh-lits> (дата обращения: 07.05.2025).
11. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 07.05.2025).
12. *Чаннов С.Е.* Муниципальное право: учебник и практикум для вузов [Электронный ресурс] / С.Е. Чаннов. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 307 с. – (Высшее образование) // Образовательная платформа Юрайт. – URL: <https://urait.ru/bcode/560166> (дата обращения: 07.05.2025).

Механизм правового регулирования взаимоотношений личности и государства: элементы, стадии, эффективность

Веприцкий Александр Геннадьевич,

аспирант,
Карачаево-Черкесский филиал Университета «Синергия»,
Черкесск, Россия

Аннотация. Целью исследования является философско-правовое осмысление трансформации субъекта, осуществляющего правосудие, в условиях интеграции искусственного интеллекта. Задачи работы включают: анализ эволюции от моносубъектной (судья) к гибридно-распределенной модели («человек-алгоритм»); выявление этических и гносеологических рисков, порождаемых машинными системами; разработку концептуальных основ легитимации гибридного актора в правовом поле. Методологическую базу составили диалектический, сравнительно-правовой и прогностический методы, а также принципы междисциплинарного подхода. В результате доказано, что алгоритмизация не является технической модернизацией, но представляет собой фундаментальный сдвиг в природе правоприменения, требующий переопределения базовых категорий: беспристрастности, ответственности и легитимности. Сделан вывод о необходимости разработки нового процессуального статуса для цифровых систем – «квазисубъекта процессуальной деятельности», интегрированного в правовое поле посредством системы правовых и этических гарантий. Научная новизна заключается в рассмотрении гибридного актора как целостного феномена, порождающего собственную аксиологию и требующего не адаптации, а конструирования новой правовой реальности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, гибридный актор, философия права, цифровизация правосудия, этика алгоритмов, процессуальный квазисубъект, легитимность

The mechanism of legal regulation of the relationship between the individual and the state: Elements, stages, effectiveness

Vepritskiy Alexander Gennadievich,

Postgraduate,
Karachay-Cherkess Branch of the Synergy University,
Cherkessk, Russia

Abstract. The purpose of the study is a philosophical and legal understanding of the transformation of the subject administering justice in the context of the integration of artificial intelligence. The objectives of the work include analysis of the evolution from a mono-subject (judge) to a hybrid-distributed model ("human-algorithm"); identification of ethical and epistemological risks generated by machine systems; development of conceptual foundations for the legitimation of a hybrid actor in the legal field. The methodological basis consisted of dialectical, comparative legal and predictive methods, as well as the principles of an interdisciplinary approach. As a result, it has been proven that algorithmization is not a technical modernization but represents a fundamental shift in the nature of law enforcement, requiring a redefinition of basic categories: impartiality, responsibility and legitimacy. The conclusion is made about the need to develop a new procedural status for digital systems – a "quasi-subject of procedural activity", integrated into the legal field through a system of legal and ethical guarantees. The scientific novelty lies in considering the hybrid actor as an integral phenomenon that generates its own axiology and requires not adaptation, but the construction of a new legal reality.

Keywords: artificial intelligence, hybrid actor, philosophy of law, digitalization of justice, algorithm ethics, procedural quasi-subject, legitimacy

Современный этап общественного развития характеризуется тотальной цифровой трансформацией, пронизывающей все подсистемы социума и детерминирующей фундаментальную реконфигурацию его базовых институтов. Правосудие как центральный элемент правовой системы не является исключением, подвергаясь интенсивному воздействию технологических инноваций. Интеграция систем искусственного интеллекта (ИИ) в судебную деятельность эволюционирует от стадии теоретического моделирования и локальных экспериментов к статусу институциональной реальности, что находит подтверждение в компаративном анализе глобальных трендов (использование предиктивных алгоритмов в англосаксонской правовой семье, комплексные системы типа «Умный суд» в Китае) и развитии национальных пилотных инициатив в Российской Федерации [5]. Однако данная технологическая инфильтрация обладает не только инструментально-утилитарным, но и глубоким трансформационным потенциалом, способным модифицировать саму онтологическую основу судебной власти.

Традиционная парадигма правосудия, укорененная в римском праве и философии Просвещения, зиждется на принципе антропоцентризма. В ее рамках единственным легитимным субъектом, наделенным властью судить, выступает персонифицированный индивид – судья. Его юрисдикция основывается на синтезе формально-логического анализа, нормативного толкования и уникальной способности к морально-этической оценке, осуществляемой в контексте конкретных жизненных обстоятельств [3]. Алгоритмизация интродуцирует в эту консервативную систему принципиально иного актора – машинную когнитивную архитектуру, функционирующую на принципах статистических выводов и выявления корреляционных паттернов в больших данных. Это приводит к возникновению не просто симбиоза, а формирования принципиально нового гибридно-распределенного актора «человек-машина».

В рамках данного конгломерата процесс генерации юридически значимого решения перестает быть монологичным актом человеческого разума, трансформируясь в сложный диалогический процесс синергии двух разнородных эпистемологических систем. Синергия в данном контексте понимается не как арифметическое сложение усилий, а как эффект, порождающий новое системное качество и ставящий под вопрос классические бинарные оппозиции: субъект/объект, природа/артефакт, рациональность/иррациональность. Данный феномен требует выхода за рамки узкотехнического или процессуального анализа и настоятельно диктует необходимость масштабной философско-правовой и метаюридической рефлексии [7].

Ключевым вопросом, конституирующим проблемное поле такого исследования, становится проблема легитимации гибридного актора. Легитимность здесь понимается в широком смысле, включающем не только формально-юридическое соответствие нормативным актам, но и социокультурное признание, а также морально-этическую обоснованность. Необходимо определить эпистемологические и аксиологические основания, на которых делегирование отдельных когнитивно-оценочных функций судебной власти (классификация фактов, прогнозирование исходов, оценка доказательств) неодушевленной алгоритмической системе может быть признано совместимым с конституционными принципами независимости, беспристрастности и справедливости суда. Актуальность данной проблематики обусловлена настоятельной потребностью в упреждающем осмыслении рисков технократической редукции правосудия, при которой императивы операциональной эффективности и формальной консистенции могут привести к эрозии его гуманистической сущности, выхолащиванию экзистенциального измерения судебного усмотрения и, как следствие, к девальвации публичного доверия к институту судебной власти в целом. Речь идет не просто о модернизации инструментария, а о потенциальной смене парадигмы отправления правосудия, требующей фундаментального переосмысления его природы в цифровую эпоху. Эволюция субъекта, наделенного властью судить, представляет собой многовековой процесс, отражающий смену культурных парадигм и политических формаций. От оракулов и старейшин в архаичных обществах через фигуру монарха как «живого закона» к современному независимому судье – каждый этап предполагал свою модель легитимации, основанную на сакральном авторитете, традиции или рационально-правовом начале [6]. Современная модель, сложившаяся в эпоху модерна, базируется на концепции автономного рационального субъекта, чей разум способен к беспристрастному применению абстрактной нормы. Цифровая трансформация и внедрение искусственного интеллекта обозначают потенциально новый, постгуманистический этап этой эволюции. Однако в отличие от прошлых трансформаций, носителем «разума» и «авторитета» здесь впервые выступает не другой человек или коллектив, а техническая система, чья рациональность имеет принципиально иную – статистическую и вероятностную – природу. Это ставит под сомнение не только процедурные аспекты, но и сами

антропологические основания западной правовой традиции, требуя переосмысления таких краеугольных понятий, как справедливость, вина и ответственность, в условиях, когда ключевые решения готовятся нечеловеческим актором [11].

Классическая правовая парадигма, уходящая корнями в волюнтаристские и персоналистские концепции субъекта, конституирует носителя судебной власти как автономного индивида, наделенного такими антропологическими атрибутами, как сознание, воля, интенциональность и способность к моральной рефлексии, что формирует неразрывную связь между правомочием и ответственностью. В этой модели судья осуществляет не механистическую операцию логической субсумпции, но сложный герменевтический акт – правовое суждение. Этот акт представляет собой синкретическое единство:

- 1) формально-догматического анализа (подведение под диспозицию нормы);
- 2) аксиологической оценки (взвешивание противоречивых ценностей и интересов);
- 3) экзистенциального понимания уникального жизненного контекста дела, что подчеркивает нередуцируемо личностный характер правосудия [15].

Инкорпорация алгоритмических систем поддержки принятия решений (АСППР) радикально проблематизирует эту онтологию, интродуцируя актора, чья «субъектность» лишена сознания и воли, а его когнитивный процесс сводится к стохастическому выявлению коррелятивных паттернов в ретроспективных массивах данных [1].

Таким образом, возникает фундаментальный гносеологический парадокс: технология, призванная элиминировать иррациональный компонент человеческого суждения, сама генерирует новую, реифицированную форму систематической ошибки – алгоритмическую предубежденность. Ее имманентность обусловлена самой природой машинного обучения, где эвристика формируется на основе тренировочных данных, неизбежно несущих в себе «окаменевшие» следы исторически сложившихся социальных асимметрий, институциональных диспропорций и когнитивных искажений правоприменительной практики [10]. Алгоритм, операционализируя выявленные корреляции как релевантные предикторы, объективирует и легитимирует эти дефектные паттерны, превращая историческую случайность в псевдо-необходимость собственных выводов. Особую опасность представляет эпистемическая непрозрачность сложных нейросетевых моделей, делающая внутреннюю логику принятия решений неverified и блокирующая традиционные механизмы процессуального оспаривания [2]. Это порождает не просто ошибку, но системное искажение, маскирующееся под объективность вычислений. Попытка осмыслить алгоритмическую систему в правовом поле приводит к необходимости поиска новых концептуальных рамок. Традиционные теории правосубъектности – волюнтаристская (субъект как носитель воли), функциональная (субъект как носитель социальной функции) и статусная (субъект как обладатель установленного статуса) – оказываются недостаточными [13]. Алгоритм не обладает волей в классическом понимании, его функция технически детерминирована, а статус законодательно не определен. В этой связи продуктивной представляется концепция квазисубъекта, или гибридного актора, разрабатываемая в рамках социологии науки и технологий и современной философии права. Квазисубъект понимается как сетевой конгломерат, в котором агентность распределена между человеческими и нечеловеческими элементами (судья, разработчики, код, данные, интерфейс). Правовая субъектность такого конгломерата носит не субстанциальный, а реляционный и процессуальный характер: она актуализируется только в момент совершения конкретного действия (выдачи рекомендации) в рамках процессуальных отношений [8].

Это требует перехода от поиска «носителя» прав и обязанностей к анализу конфигурации ответственности внутри акторно-сетевой связки. Кто «действует»: судья, нажимающий кнопку, или алгоритм, генерирующий вывод, или корпорация-разработчик, заложившая в него определенные параметры? Ответственность, таким образом, должна быть не атрибутирована, а распределена по всей сети в соответствии с вкладом каждого элемента в конечный результат [14]. Данный подход снимает метафизическую проблему «сознания» алгоритма, переводя ее в практическую плоскость управления рисками внутри сложной социотехнической системы.

Не менее значимый аспект – трансформация аксиологического ядра правосудия, прежде всего принципа беспристрастности. В классической парадигме беспристрастность достигается через процедуры, направленные на нейтрализацию личных пристрастий судьи, и предполагает его способность к критической саморефлексии [12]. В гибридной модели возникает феномен делегированной квазибеспристрастности: судья формально сохраняет право принятия решения, но де-факто опирается на вывод системы, гносеологические основания которой для него нередуцируемо непрозрачны. Это ведет к подмене

морально-правового суждения технократическим соглашательством с «авторитетом» алгоритма. Роль судьи трансформируется из активного интерпретатора и арбитра в пассивном верификаторе математически сгенерированного шаблона, что противоречит самой сути правосудия как акта практического разума, требующего мудрости и ситуативного понимания [9]. Риски, порожаемые гибридным актором, не ограничиваются сферой индивидуальных прав и процессуальных гарантий. Они несут в себе мощный криминальный и десоциализирующий потенциал в масштабах всего общества.

Во-первых, систематическая, но скрытая алгоритмическая дискриминация способна выступать в роли институционального механизма маргинализации. Если определенные социальные группы (по этническому, имущественному, территориальному признаку) регулярно получают более строгие прогнозы риска или отрицательные рекомендации, это ведет не просто к единичным несправедливостям, а к фактическому алгоритмическому воспроизводству социальной стратификации и сегрегации. Право, вместо того чтобы быть инструментом смягчения неравенств, превращается в технологию его легитимации.

Во-вторых, «эффект черного ящика» и непрозрачность решений подрывают нормативную функцию права. Право эффективно, когда субъекты понимают связь между действием и последствием, между нарушением и санкцией. Если же эта связь становится непостижимой, управляемой таинственной логикой «машины», у граждан формируется ощущение правовой бессмысленности и фатализма. Это ведет к эрозии правосознания, росту правового нигилизма и в конечном счете к аномии — распаду нормативной системы, регулирующей общественную жизнь.

В-третьих, делегирование прогностических функций алгоритмам в уголовном процессе (оценка опасности, риска рецидива) создает угрозу превентивного детерминизма. Личность начинает оцениваться не по совершенному деянию и степени вины, а на основании вычисленной «вероятности» будущего поведения, почерпнутой из статистических корреляций. Это противоречит принципу презумпции невиновности и реабилитации, подменяя индивидуальную ответственность коллективной вероятностной стигматизацией [16].

С точки зрения философии права данная ситуация знаменует смену парадигмы субъектности — переход от персонализированного, целостного субъекта к распределенной, сетевой, гибридной субъектности. Этот переход обнажает глубокий нормативный разрыв в вопросе атрибуции ответственности. Классическая доктрина, связывающая ответственность с виной и осознанным выбором, оказывается неадекватной, когда ключевое влияние на исход дела оказывает актор, лишенный как правосознания, так и деликтоспособности. Возникает правовая фикция: судья несет формальную ответственность за решение, содержательно детерминированное логикой, которая может содержать скрытые методологические дефекты или дискриминационные смещения [4]. Это создает опасный вакуум ответственности, подрывающий фундаментальный принцип верховенства права.

Преодоление данного разрыва требует не косметических поправок в процессуальные кодексы, а смелого правового конструирования, направленного на институционализацию АСППР в качестве нового типа участника процесса — процессуального квазисубъекта. Легальное признание такого статуса должно предусматривать:

1. Определение алгоритмической системы как автономного источника процессуально релевантной информации с установленными пределами ее юридической силы.
2. Внедрение обязательного многоуровневого аудита (технического, юридического, этического) на всех этапах жизненного цикла системы — от разработки и валидации до промышленной эксплуатации.
3. Закрепление каскадной модели ответственности, где первичная ответственность сохраняется за судьей как конечным принимающим решение лицом, но при этом устанавливается субсидиарная ответственность разработчика и оператора за умышленное внедрение предубеждений, грубую небрежность или нарушение утвержденных стандартов.
4. Гарантирование сторонам процесса «права на объяснение» в доступной форме, а также права на инициирование специальной суде-технической экспертизы для оценки обоснованности алгоритмического вывода в контексте конкретного дела.

Таким образом, институционализация квазисубъекта представляет собой стратегию не борьбы с технологией, а ее ответственной легализации. Это позволит трансформировать потенциальный источник системных рисков в контролируемый элемент правоприменительной экосистемы, где технологический инструмент служит укреплению, а не замене, суверенитета человеческого разума как высшего основания

правосудия. Данный подход открывает путь к формированию новой, адаптивной правовой онтологии, способной адекватно отражать реалии цифровой эпохи.

На наш взгляд, процессы цифровизации судебной деятельности отнюдь не сводятся к поверхностной технической модернизации или инструментальной оптимизации отдельных процедур. Речь идет о глубинном парадигмальном сдвиге, бросающем вызов самим основаниям классической юридической доктрины. Этот вызов носит комплексный характер, затрагивая онтологию субъекта судебной власти, аксиологию беспристрастности и фундаментальные механизмы социально-правовой легитимации. Эволюция от моносубъектной фигуры судьи к распределенной гибридной конструкции «человек-алгоритм» предстает как объективный и необратимый тренд. Однако его неизбежность не означает фатальной предопределенности негативных последствий; напротив, она актуализирует задачу осмысленного нормативно-правового моделирования данной траектории, направленной на гармонизацию технологических возможностей с непреходящими ценностями верховенства права.

Игнорирование имманентных этических и гносеологических рисков, сопряженное с операционной результативностью (продемонстрированной, к примеру, в ходе эксперимента по автоматизированному разрешению бесспорных требований [5]), чревато не единичными сбоями, а системной деформацией института правосудия. К числу потенциальных деструктивных сценариев относятся: смысловое отчуждение судопроизводства от его гуманистического идеала, прогрессирующая эрозия общественного доверия как основы легитимности судебной власти, а также опасная легитимация завуалированных форм социальной дискриминации, получающих санкцию в форме «объективного» технологического решения. Недопущение реализации этих сценариев требует не реактивного, а опережающего формирования комплексного, детально проработанного правового режима, регламентирующего статус, функции и пределы использования алгоритмических систем в отправлении правосудия.

На основании проведенного метаюридического и сравнительно-правового анализа сформулированы следующие концептуальные выводы и направления для последующего нормотворчества:

1. Феномен гибридного актора «человек-алгоритм» представляет собой качественно новое явление в правовой реальности, которое не может быть адекватно описано в категориях традиционной субъектности. Требуется его легальное признание посредством конструирования специальной юридической фигуры – «квазисубъекта процессуальной деятельности». Такое признание позволит преодолеть существующий нормативный вакуум, четко определив объем процессуальной правоспособности подобных систем, основания и пределы ответственности за их функционирование, а также гарантии прав участников процесса.
2. Принцип беспристрастности в новых условиях требует существенного переосмысления и нормативной конкретизации. Его обеспечение должно включать не только традиционные гарантии независимости и непредвзятости судьи, но и систему требований к цифровому инструментарию. Ключевыми среди таких требований становятся: принцип понятности (объяснимости) алгоритмических выводов для судьи и сторон; принцип проверяемости (аудируемости) лежащих в их основе данных и логических моделей; принцип технологической нейтральности, исключающий закрепление в алгоритме исторически сложившихся социальных предубеждений. Беспристрастность суда тем самым должна обеспечиваться прозрачностью и справедливостью всего инструментального комплекса, используемого для принятия решений.
3. Само внедрение алгоритмических систем поддержки принятия судебных решений (АСППР) должно быть поставлено в жесткую зависимость от создания многоуровневой системы процессуальных и материально-правовых гарантий.

Таким образом, разрешение обозначенного диалектического противоречия между технологическим прогрессом и консервативной природой права видится не в их конфронтации, а в целенаправленном созидаании новой правовой реальности. В этой реальности технология перестает быть внешней угрозой, превращаясь во внутренний, регулируемый элемент правовой системы. Человеческий разум, носитель морали, справедливости и экзистенциального понимания, сохраняет свой верховенствующий статус, а алгоритмические системы обретают легитимность в качестве подконтрольного, прозрачного и строго регламентированного инструмента, служащего укреплению, а не ослаблению идеалов правового государства и справедливого суда. Достижение этого баланса является ключевой задачей правовой науки и законодательной политики в наступающую цифровую эпоху.

Список литературы

1. *Александрова К.Н.* Искусственный интеллект в гражданском судопроизводстве / К.Н. Александрова, И.Я. Бадертдинова // Молодой ученый. – 2025. – № 18 (569). – С. 238–240.
2. *Баннов А.В.* Искусственный интеллект в судебной системе Российской Федерации / А.В. Баннов // Молодой ученый. – 2024. – № 52 (551). – С. 242–246.
3. *Богдановская И.Ю.* Искусственный интеллект и право / И.Ю. Богдановская, Е.В. Васякина, А.А. Волос [и др.] // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – Т. 17. – № 4. – С. 278–306.
4. В рамках ПМЮФ рассмотрели перспективы автоматизации судопроизводства [Электронный ресурс] // Адвокатская газета. – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/v-ramkakh-pmyuf-rassmotreli-perspektivu-avtomatizatsii-sudoproizvodstva/> (дата обращения: 20.10.2023).
5. Выступление председателя Совета судей Российской Федерации В.В. Момотова на заседании Клуба имени Д.Н. Замятина по теме: «Электронное правосудие в Российской Федерации: миф или реальность» [Электронный ресурс] // Совет судей Российской Федерации. – URL: <http://www.ssrj.ru/news/vystupleniia-intierv-iu-publikatsii/42272> (дата обращения: 20.10.2023).
6. *Заплатина Т.С.* Искусственный интеллект в вопросе вынесения судебных решений, или ИИ-судья / Т.С. Заплатина // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 4. – С. 160–168.
7. Искусственный интеллект стал помогать при вынесении судебных решений в России [Электронный ресурс] // Электронная газета «Комсомольская правда». – 25 мая 2021 г. – URL: <https://www.kp.ru/online/news/4304775/> (дата обращения: 04.04.2025).
8. *Макутчев А.В.* Современные возможности и пределы внедрения искусственного интеллекта в систему правосудия / А.В. Макутчев // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 8 (141). – С. 47–58.
9. *Морхат П.М.* Искусственный интеллект: правовой взгляд / П.М. Морхат. – Москва: Буки Веди, 2017. – 257 с.
10. *Мурашев П.М.* Искусственный интеллект в уголовном судопроизводстве: риски и вызовы / П.М. Мурашев // Закон и право. – 2025. – № 10. – С. 233–238.
11. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»): Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 04.04.2025).
12. *Самбуров И.Я.* Проблемы и перспективы применения искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве / И.Я. Самбуров // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2025. – № 6. – С. 11–20.
13. *Сайдумов Д.Х.* Суд, право и правосудие у чеченцев и ингушей (XVIII – XX вв.) / Д.Х. Сайдумов. – Грозный, 2014. – 526 с.
14. *Сайдумов Д.Х.* Сельские аульные и горские словесные суды Терской области: порядок производства и решения дел в сельских судах / Д.Х. Сайдумов // European Social Science Journal. – 2010. – № 3. – С. 132–137.
15. *Сайдумов Д.Х.* Категории сроков в праве: философско-правовые аспекты / Д.Х. Сайдумов, Х.Х. Магомадов // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. – 2024. – № 2 (54). – С. 177–183.
16. *Хабриева Т.Я.* Право в условиях цифровой реальности / Т.Я. Хабриева, Н.Н. Черногор // Журнал российского права. – 2018. – № 1. – С. 85–102.

Публичное право в условиях глобальной нестабильности: новые угрозы для государственного суверенитета и безопасности

Гаджиев Гаджи Ахмедович,

магистрант 1-го курса,
Юридический институт Дагестанского государственного университета,
Махачкала, Россия

Аннотация. Статья рассматривает современные вызовы, с которыми сталкивается государственный суверенитет и безопасность в условиях глобальной нестабильности и трансформирующегося миропорядка. Анализируются последствия глобализационных процессов, которые приводят к трансформации традиционного понимания суверенитета, его размыванию и новым угрозам для национальной безопасности.

Ключевые слова: публичное право, суверенитет, безопасность, глобальные вызовы, международное право

Public law in the context of global instability: New threats to state sovereignty and security

Gadzhiev Gadzhi Akhmedovich,

1st year Master's Student,
Law Institute of the Dagestan State University,
Makhachkala, Russia

Abstract. The article examines the current challenges faced by state sovereignty and security in the context of global instability and transforming world order. It analyzes the consequences of globalization processes, which lead to a transformation of the traditional understanding of sovereignty, its erosion, and new threats to national security.

Keywords: public law, sovereignty, security, global challenges, international law

Публичное право в условиях глобальной нестабильности сталкивается с новыми вызовами, непосредственно влияющими на государственный суверенитет и безопасность. Современная геополитическая ситуация характеризуется усилением вооруженных конфликтов, социальной поляризацией, ростом киберугроз и экономическими кризисами, что существенно усложняет деятельность государственных институтов и требует переосмысления традиционных подходов к публичному праву [12].

Публичное право в условиях глобальной нестабильности играет ключевую роль в поддержании правопорядка и призвано обеспечить национальную безопасность и правовую защиту граждан в условиях усиления международных конфликтов и угроз [2].

Во-первых, меняется характер угроз: наряду с традиционными военными рисками появляются киберугрозы, гибридные войны, террористические акты, а также экономические, экологические и пандемические риски, выходящие за рамки национальных границ. Это требует от национальных систем безопасности интегрированных комплексных мер, направленных не только на военную защиту, но и на обеспечение кибербезопасности, защиту критически важных инфраструктур и устойчивость к социально-экономическим потрясениям.

Во-вторых, задачи национальной безопасности усложняются необходимостью активного международного сотрудничества и координации для противодействия транснациональным угрозам, таким как терроризм,

распространение оружия массового поражения, кибератаки и миграционные кризисы. В условиях глобализации национальная безопасность тесно связана с глобальной и региональной стабильностью [6].

В-третьих, глобальная нестабильность требует адаптации правовых, политических и институциональных механизмов национальной безопасности, внедрения инноваций и совершенствования стратегий управления рисками. Современные мировые процессы характеризуются высокими уровнями нестабильности и неопределенности, порождают риски и новые угрозы. Одной из самых влиятельных сил современного мира является глобализация. Глобальная нестабильность меняет задачи государственного суверенитета и национальной безопасности, ставя перед государством новые сложные вызовы.

Первый вызов – это усиление угроз суверенитету государств через внешние вмешательства и попытки подрыва легитимности власти. Эскалация военных конфликтов, как, например, в Украине и на Ближнем Востоке, вместе с политической нестабильностью внутри стран приводит к росту рисков нарушения территориальной целостности и ослаблению контроля над ключевыми институтами [5].

Второй важный вызов – необходимость адаптации публичного права к новым формам безопасности, включая кибербезопасность и защиту от гибридных угроз. Традиционные механизмы государственного контроля и международного права не всегда эффективны в борьбе с распространением дезинформации, кибератаками и манипуляциями, что требует создания новых правовых норм и международных соглашений.

Третий вызов – киберпространство и цифровые угрозы. Это одна из самых острых и быстроразвивающихся областей угроз. Кибервойна и критически важная инфраструктура: атаки направлены не просто на хищение данных, а на паралич государственного управления, энергетики, финансовой системы, транспорта, здравоохранения [7].

Четвертый вызов – гибридные угрозы и война «серой зоны» (Grey Zone). Эти угрозы находятся ниже порога объявления открытой войны, но эффективно подрывают суверенитет и стабильность. Информационно-психологическая война: целенаправленное воздействие на сознание населения и элит другой страны с целью подрыва доверия к власти, разжигания внутренних конфликтов, манипулирования выборами, продвижения выгодных сюжетов. Используются фейковые новости, боты, тролли, глубокие подделки. Экономическое давление и принуждение: использование экономической зависимости для достижения политических целей. Это включает санкции, торговые войны, шантаж через энергоресурсы. Использование не прямых сил и прокси-акторов: поддержка внутренних оппозиционных групп, сепаратистов, наемников (как ЧВК «Вагнер»), чтобы дестабилизировать страну, не неся прямой ответственности.

Пятый вызов – информационные и идеологические угрозы. Дезинтеграция общественного диалога: целенаправленные кампании по расколу общества по линиям расовых, этнических, религиозных или политических различий. Это подрывает внутреннюю стабильность и способность государства к коллективным действиям. Эрозия доверия к институтам: систематическое подрывание доверия к СМИ, судебной системе, правительству, науке и избирательным процессам. Когда граждане не верят собственным институтам, государство становится неспособным эффективно функционировать [4].

Шестой вызов – транснациональные и нетрадиционные угрозы. Глобальные пандемии: COVID-19 показал, что биологическая угроза может нанести больший урон экономике и обществу, чем традиционная война. Она проверяет на прочность системы здравоохранения, логистики и государственного управления. Изменение климата и экологическая безопасность: учащение стихийных бедствий, нехватка воды, опустынивание ведут к миграционным кризисам, борьбе за ресурсы и дестабилизации целых регионов. Суверенитет в современных реалиях развития российской государственности является одним из главных и неотъемлемых признаков независимости и самостоятельности государства. При изучении генезиса понятия государственного суверенитета также следует обратить внимание на то, что сегодня исследуется применение терминов «информационный суверенитет», «киберсуверенитет», «технологический суверенитет» и т. д. Между тем значительных различий в их определениях пока не выявлено [11].

В современных геополитических условиях глобальной технологической трансформации и экстерриториальности также возрастает роль цифрового суверенитета в обеспечении безопасности государства. Ряд ученых считают, что наличие цифрового суверенитета способствует защите собственного национального сегмента общественного, политического, социально-экономического пространства, кроме того, от цифрового суверенитета сегодня зависит уровень государственного суверенитета в целом. Цифровой суверенитет можно рассматривать как компонент технологического суверенитета [1].

Обеспечение национальной безопасности государства представляет собой контролируемый и управляемый комплекс процессов по мониторингу, выявлению, обработке и классификации угроз с учетом их генезиса и уровня потенциальной опасности, которые возникают в межгосударственных отношениях, во внешних и внутренних противоречиях, в пересечении интересов людей, сообществ, в движении финансов, капиталов, экономик. Угрозы и риски национальной безопасности России сегодня разнообразны и многогранны.

Во-первых, это нестабильность в мире, рост напряженности в международных отношениях, расширение военного присутствия НАТО у границ России, экономические санкции в ответ на проведение специальной военной операции – всё это создает серьезные риски для национальной безопасности. Особое внимание необходимо уделять противодействию информационной войне и гибридным угрозам, целью которых является дестабилизация ситуации в стране, подрыв доверия к государству и ее авторитета на международной арене.

Во-вторых, необходимо признать, что в России есть ряд внутренних проблем, которые могут сдерживать развитие страны. Это и неравномерное социально-экономическое развитие регионов, и низкий уровень жизни части населения, и проблемы с коррупцией, и отсутствие достаточно эффективного механизма управления страной [3].

В-третьих, мир быстро меняется, и Россия должна быть готовой к этим изменениям. Прогресс в области искусственного интеллекта, биотехнологий и других сфер может создать как возможности, так и угрозы. Важно не отстать в развитии технологий, чтобы не оказаться в зависимости от других стран и не потерять стратегическое преимущество.

В-четвертых, существуют экологические проблемы. Изменения климата, загрязнение окружающей среды, истощение природных ресурсов – всё это создает серьезные риски для национальной безопасности. Необходимо принять решительные меры для защиты окружающей среды и сохранения природных ресурсов.

Национальная безопасность Российской Федерации сегодня стала задачей всего общества. Осознание имеющихся угроз и своевременное реагирование на них являются ключом к успеху в обеспечении национальной безопасности и устойчивого социально-экономического развития России. В этой связи всплеск научных исследований в области национальной безопасности с позиций философии, политологии, юриспруденции закономерен [13].

В условиях глобальной нестабильности публичное право сталкивается с новыми и комплексными угрозами, которые существенно влияют на традиционные понятия государственного суверенитета и национальной безопасности. Публичное право находится в состоянии адаптации и кризиса одновременно. С одной стороны, наблюдается развитие международного права в сферах кибербезопасности, борьбы с терроризмом, цифровых угроз и изменения климата. С другой стороны, существующие институты и нормы часто не поспевают за скоростью изменений, что приводит к правовым вакуумам и росту межгосударственных противоречий [14].

Проведенный анализ позволяет констатировать, что эпоха глобальной нестабильности бросает беспрецедентные вызовы традиционным парадигмам публичного права, основанным на принципах государственного суверенитета и территориальной целостности. Современные угрозы носят трансграничный и диффузный характер, что приводит к фундаментальной трансформации роли и возможностей национального государства.

В итоге публичное право в эпоху глобальной нестабильности должно эволюционировать, сочетая укрепление национального суверенитета с международным сотрудничеством, обновлением правовых институтов для эффективной защиты безопасности и справедливости в новых реалиях.

Список литературы

1. *Чиркин В. Е.* Наднациональное право и государственный суверенитет (некоторые проблемы теории) / В.Е. Чиркин. – М.: Норма: Инфра-М, 2017. – 40 с.
2. *Ильин И. М.* Суверенитет в доктрине конституционализма: дефиниция, проблематика // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2020. – № 1. – С. 96–106.
3. *Кардашова И. Б.* Основы теории национальной безопасности / И.Б. Кардашова. – Москва: Юрайт, 2023. – 334 с.

4. *Кочетков А.П.* Государственная политика России в цифровую эпоху: основные тренды, сценарии и регуляторные практики / А.П. Кочетков, А.Ю. Мамычев // Полис. Политические исследования. – 2023. – № 1. – С. 96–113.
5. *Торкунов А.В.* Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы / А.В. Торкунов // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 5. – С. 7–22.
6. *Ефремов А.А.* Информационно-правовой механизм обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук / А.А. Ефремов. – Москва, 2021. – 418 с.
7. *Савенков А.Н.* Философия права, правовое мышление и без глобальные проблемы современной цивилизации / А.Н. Савенков // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / под общ. ред. А.Н. Савенкова. – Москва: ИГП РАН, 2019. – С. 67–69.
8. *Капустин А.Я.* Суверенитет государства в киберпространстве: международно-правовое измерение / А.Я. Капустин // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2022. – Т. 18. – № 6. – С. 99–108.
9. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Рососсийской Федерации. – 2021. – № 27. – Ч. 2. – Ст. 5351.
10. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/420384668?marker=65201M> (дата обращения: 19.12.2023).
11. *Иванов И.И.* Публичное право и кризис международного права в эпоху глобальной нестабильности / И.И. Иванов // Вестник международного права. – 2023. – № 4. – С. 35–50.
12. *Шукбаров Д.Т.* Современные угрозы государственности в условиях глобальной нестабильности / Д.Т. Шукбаров // Государство и право. – 2024. – № 2. – С. 56–72.
13. *Яковюк И.В.* Информационный суверенитет и национальная безопасность / И.В. Яковюк // Российский юридический журнал. – 2020. – № 1. – С. 12–29.
14. Вестник Института государства и права РАН. Тематический выпуск: Публичное право и безопасность. – 2024. – С. 20–75.
15. *Тонков Е.Е.* Государственный суверенитет в период правовой глобализации / Е.Е. Тонков // Журнал российского права. – 2021. – № 3. – С. 22–40.

Право человека на защиту персональных данных: баланс между приватностью и цифровым развитием

Газиев Хабиб Лабазанович,

магистрант 1-го курса,
Юридический институт Дагестанского государственного университета,
Махачкала, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблеме защиты приватности человека и его автономности в цифровую эпоху, принесшую нам новые методы коммуникации, характеризующиеся большим масштабом и доступностью, становлением информации новым «золотом», каковым ранее была нефть, а до нее – хлопок. Раскрытие вопроса происходит путем определения понятия приватности и автономности, исторического взгляда на эти понятия и их постепенной эволюции, а также раскрытия их взаимосвязи и влияния на становление человека здоровой личностью, анализа современных подходов к решению проблемы в международной практике.

Ключевые слова: цифровая эпоха, персональные данные, приватность, автономность, право на забвение

The human right to protect personal data: Balancing privacy and digital development

Gaziev Khabib Labazanovich,

1st year Master's Student,
Law Institute of the Dagestan State University,
Makhachkala, Russia

Abstract. The article addresses the challenge of safeguarding human privacy and autonomy in the digital age. This era has introduced new communication methods characterized by unprecedented scale and accessibility and has established information as the new “gold”, a role previously held by oil, and before that, by cotton. The issue is explored by defining the concepts of privacy and autonomy, examining their historical context and gradual evolution, revealing their interrelationship and their impact on the development of a healthy individual, and analyzing contemporary approaches to addressing this challenge in international practice.

Keywords: digital age, personal data, privacy, autonomy, right to be forgotten

«Человек, в чей дом могут войти по воле других, чей разговор может быть подслушан по воле других, чьи семейные секреты могут быть опубликованы по воле других, испытывает унижение человеческого достоинства. Тот же, кто вторгается, является своего рода господином над другим, а вмешательство в приватное пространство – главное оружие тирана» [6]. Это высказывание Э.Д. Блустейна, взятое из его книги «Приватность как один из аспектов человеческого достоинства. Ответ Дину Проссеру, в нашем понимании, прекрасно обосновывает необходимость подобных исследований, их актуальность, ибо раскрывает то, какой вред причиняется человеческому достоинству, самоуважению, личности в целом при нарушении ее «права на одиночество», а также то, какое значение имеет подобное действие как инструмент давления в условиях общества, построенного по принципам диктатуры, ведь о какой свободе и воле к борьбе может идти речь, когда человек, его стремления, мечты, идеалы и волнения являются объектом публичного внимания и тем самым могут быть использованы против человека как орудие.

Естественно, написанное выше является лишь одним из худших проявлений нарушения приватности – вторжения и стирания человеческой идентичности, и на данный момент о подобном говорить еще рано. Но при всём при этом характер и частота происшествий с нарушением приватности и автономности, а также рост инструментария для сознательного совершения преступлений против данных

ценностей не позволяют нам обойти стороной это явление, которое можно назвать одной из самых явных проблем цифровой эпохи.

Для начала следует посмотреть, как относились к приватности в прошлом и на каком этапе она стала неотъемлемым, что с развитием технологий может стать не более чем словом, элементом человека.

На данный момент, говоря об истоках приватности, можно констатировать, что ее важность как ценности менялась от большего к меньшему, и наоборот. Для пояснения необходимо сказать, что это непосредственно связано с изменением отношения к отдельному человеку. Так, в племенном обществе, которое могло представлять, а обычно и представляло собою, условно малую социальную группу, что делало деятельность по сохранению личной тайны особо трудным, ибо так или иначе проживая на одной территории и будучи связанным бытом с членами общины, говорить об индивидуальном приходится с трудом в том плане, что в условиях зависимости выживания группы от действий каждого из ее членов публичное и частное доходит до смешения и превращается в общинное. Но даже при всём при этом при рассмотрении культурных норм отдельных народов и их подхода к оценке раскрытия приватных сведений общественности становится ясно молчаливое понимание такого желания, как приватность.

В дальнейшем при развитии традиционного общества до его классического «каноничного» состояния ценность отдельного человека падает, проявляются формы сословного деления под разными названиями и такими правами, как честь, автономность, обладают только определенные «благородные», права же других, с одной точки зрения, игнорировались, с другой – не существовали. Говоря об этих двух этапах, следует признать, что право на приватность было слито с другими конструкциями по типу права собственности до полного смешения первого, а с учетом особенной собственнических правоотношений в эти периоды становится ясна печальная реальность существования отдельного человека.

Это состояние существовало длительное время, пока в ходе волнений и революций низшие сословия не заработали себе фундаментальные права, но даже тут праву на приватность было уделено мало внимания ввиду его мнимой вторичности. В итоге даже после многочисленных революций, восстаний и бунтов непосредственно ему внимания уделено не было.

В итоге введение отдельного вопроса о приватности в общественный дискурс признается за американскими юристами С. Уорреном и Л. Брендейсом. Ими в 1890 г. была написана статья «Право на приватность», где была высказано определение приватности как «права быть оставленным в одиночестве» [9]. В данной работе они обратили внимание на множество вопросов, связанных с клеветой, работой СМИ, констатируя, что распространение не всегда достоверной информации превратилось в полноценную индустрию, обосновывая право на приватность той идеей, на которой, по их мнению, зиждется США как государство, идеей, нашедшей отражение в их Конституции. Хотя и в их понимание право не было абсолютным, они признавали необходимость ограничения в случаях добровольного распространения информации и некоторых вопросов, связанных с публичным интересом.

Приходится признавать, что вследствие идеологического комплекса, существовавшего в СССР, вопрос приватности особого развития не получил, а временами и вовсе осуществлялись предложения по расширению границ публичного, например, путем постановки вопроса от необходимости врачебной тайны [3], что упоминает И.А. Асеева в своей работе «Проблема приватности в цифровую эпоху». Ныне мы все еще не в состоянии отойти от подобной, возможно не самой положительной, части нашего наследия в плане отношения к персональной информации, вопросе ее ценности.

Теперь встает вопрос, насколько мы далеко ушли в определении того, что представляет собою приватность. На данный момент можно с уверенностью сказать, что приватность является термином на стыке многих наук, такими являются социология, психология, право и иные, чье взаимодействие с явлением носит более мимолетный характер, но тем не менее имеет место быть.

В данной работе мы уделяем особое внимание именно определению, данному Р. Кларком в руководстве по оценке ущерба, вызванного нарушением приватности, главным редактором которого он являлся, хотя, естественно, нельзя забывать и о иных людях, чьим вкладом мы пользуемся и по сей день.

Р. Кларк давал следующее определение нашему понятию: приватность – это право человека на личное пространство, свободное от вмешательства других людей и организаций [7]. В отличие от некоторых других определений, исследователи, такие как Г.У. Солдатова и О.И. Олькина, выделяют такую особенность его, как фокус на возможность контроля личной информации, ее распространения, нежели желания ее скрыть [4]. Мы осмелимся сделать вывод, что подобное связано с периодом написания руководства,

ведь уже в 1997 г., когда оно увидело свет, многим было ясно, насколько компьютерные инновации изменили и изменят мир, даже несмотря на то, как всё ускоряющийся темп нашей жизни не позволяет нам должным образом оценить такие «переломы» в их историческом значении, сделав попытки утаить информацию о себе чем-то доступным лишь очень богатым и влиятельным членам общества.

А теперь рассмотрим содержание приватности по упомянутому руководству, в понятие включалось несколько аспектов: приватность личности самой, так называемая физическая, которая защищает нас от несанкционированного медицинского вмешательства, к примеру; далее идет поведенческий аспект, это наши взгляды, политические и иные; в конце рука об руку идут коммуникационный и информационный аспекты, включая вопросы о тайнах переписки и обороте информации о нас.

Рассмотрев эти аспекты, можно выделить то, что три аспекта были одновременно «поражены» текущим состоянием развития цифрового общества, при котором избежать вовлечения в информационную жизнь невозможно, что обеспечивается существованием Интернета вещей, систем поддержания общественной безопасности с использованием данных биометрии, вольной или невольной передачи информации при использовании Глобальной сети, существования нескольких «крупных игроков», обладающих внушительными ресурсами по сбору и обработке информации в целях продвижения своего продукта, но также потенциально способных влиять на характер информации, получаемой клиентом и потенциально способной формировать мнение по общественно значимым вопросам.

Следует провести зависимость между приватностью и автономностью: мы возвращаем в себе последнюю посредством осознания себя как личности, обладающей ценностью по Канту (не как средства достижения цели, а как самостоятельной цели), т. е. мы являемся достойными уважения нашей приватности, считая в смысле нашей сакральной личности, по факту нашего существования, осознание этой ценности обычно происходит с учетом условий воспитания, что уже является обязанностью родителей в вопросе создания здоровой личности и именно при причинении вреда или угрозе его причинения, что само по себе также фактор стресса, в отношении приватности с малых лет мы можем наблюдать весьма темные перспективы развития должной степени автономности у детей.

На данный момент в вопросах балансирования общественного и частного интереса в вопросах приватности сформировалось три укрупненных подхода: американский подход, характеризующийся идеей свободы слова, которая является частным объектом нападков в наши дни как одной из основных, базовых ценностей общества, что позволяет, хотя и с натяжкой, учитывая реальное положение дел, характеризующее агрессивной борьбой двух враждующих партий, каждая из которых использует понятие свободы высказываний как основание для нападков на противника, но диаметрально меняет свой взгляд при получении аналогичной критики уже в свой адрес, назвать данную модель либеральной. Законодательно особенности регулирования проявляются в отсутствии «корневого» закона в области защиты персональных данных, исследователи, например М.В. Бундинеще в далеком 2012 г., характеризовали систему регулирования как разобленную, но не вследствие низкого уровня юридической техники, а ввиду особенности правовой системы, что вылилось в использование особой терминологии, например consumer, т. е. «потребитель», по отношению к субъекту персональных данных, наличия ряда актов, определяющих полномочия по работе с информацией отдельных министерств по определенному вопросу в сфере их компетенций, и с того времени ситуация принципиально не изменилась, что подтверждает в своем кратком обзоре В.Г. Иваненко, говоря о сохранившемся отраслевом характере регулирования [8].

Далее идет европейская модель, которая старается поддерживать баланс между свободой и защитой персональных данных путем использования так называемого мягкого права, а также путем введения понятия «права на забвение» как возможность удалить информацию персонального характера из баз данных, что, например, не представляется возможным в США из-за существования Первой поправки, вследствие чего подобные вопросы регулируются Пользовательскими соглашениями и Соглашениями конфиденциальности с непосредственно самими компаниями. Европейская модель имеет множество НПА по данному вопросу, например «Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных», которая устанавливает основы защиты ПД при автоматизированной обработке. Так, она запрещает автоматизированную обработку отдельных категорий информации, как, например, информации о политических взглядах или расовой принадлежности, в случаях если в национальном законодательстве не имеется соответствующих гарантий, а еще предусматривает базовые права субъекта ПД вроде права знать о наличии файла автоматизированной обработки персональной информации субъекта

и требовать его удаления в случае нарушения условий его пользования [1], а также регламента General Data Protection Regulation.

В российской правовой действительности в основе регулирования вопроса стоят положения Конституции, предусматривающей в ст. 23 «Неприкосновенность частной жизни» и т.д., но это право не имеет абсолютного характера, ибо может быть ограничено вследствие необходимости защиты интересов, перечисленных в ст. 55, а именно в части третьей. Также существует Федеральный закон «О персональных данных», оценив содержание которого, мы можем заключить, что при его создании за основу могло быть взято законодательство ЕС, но при добавлении мер административного воздействия и контроля за операторами, осуществляющими работу с ПД. Так, например, основополагающие начала во многом повторяют положения ранее упомянутой конвенции, принятой в ЕС, такие как законность, справедливость, конкретность и следование целям и т.д. [2]. При рассмотрении вопроса «права на забвение» следует уточнить, что оно в большей степени ограничено, нежели в ЕС, ибо подлежат удалению лишь те данные, которые являются недостоверными, а также неактуальными, утратившими значение для заявителя в силу последующих событий или мер заявителя.

В итоге можно уверенно заявить о важности приватности как меры человеческой индивидуальности, зоны свободы человека, оплота его личности, ведь в процессе развития права особое значение уделяется свободе мысли. «Будущее юриспруденции определяется в неизбежном развитии культуры творчества, через постановку наиболее проблемных вопросов. И в авангарде этого процесса выступают мета-наука, металогика, действующие через свободу мысли» [5].

Список литературы

1. Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных = Convention for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data (с изм. от 15.06.1999) (заключена в г. Страсбурге 28.01.1981) [Электронный ресурс] // Бюллетень международных договоров. – 2013. – № 5. – С. 7–16. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=20205#> (дата обращения: 20.10.2023).
2. О персональных данных: Федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ [Электронный ресурс] // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3451. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 21.11.2025).
3. *Асеева И.А.* Проблема приватности в цифровую эпоху / И.А. Асеева // Научно-исследовательские исследования. – 2020. – № 2020. – С. 36–50. – DOI: 10.31249/scis/2020.00.03.
4. *Солдатова Г.У.* Отношение к приватности и защита персональных данных: вопросы безопасности российских детей и подростков / Г.У. Солдатова, О.И. Олькина // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 3 (19). – С. 56–66.
5. *Сайдумов Д.Х.* Философско-правовые аспекты познания права на современном этапе в контексте общей культуры творчества в юриспруденции / Д.Х. Сайдумов // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2024. – № 4. – С. 9–17. – DOI: 10.22394/2074-7306-2024-1-4-9-17.
6. *Bloustein E.* Privacy as an Aspect of Human Dignity. An Answer to Dean Prosser / E. Bloustein. – In: Philosophical Dimensions of Privacy: An anthology / ed. by F.D. Schoeman. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – P. 156–202.
7. *Clarke R.* What's 'Privacy'? [Electronic resource] / R. Clarke. – URL: <http://www.rogerclarke.com/DV/Privacy.html> (accessed 20.11.2025).
8. *Ivanenko V.G.* The balance of privacy and public interest in the legal systems of the USA, the EU and Russia // International Law Journal. – 2025. – No. 8 (4). – P. 45–51.
9. *Warren S.D.* The Right to Privacy (the Implicit Made Explicit) / S.D. Warren, L.D. Brandeis. – In: Philosophical Dimensions of Privacy: An anthology / ed. by F. Schoeman. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – P. 75–104.

Цифровой профиль личности: баланс публичных и частных интересов при обеспечении кибербезопасности в сфере экономики

Джашеев Руслан Ахматович,

аспирант,

Карачаево-Черкесский филиал Университета «Синергия»,
Черкесск, Россия

Аннотация. Гармонизация правоотношений в свете масштабной цифровизации приобретает стратегическое значение. Тема статьи затрагивает конфликт между частными интересами личности в защиту приватности своих персональных данных и публичным интересом государства и общества в обеспечении безопасности. Надлежащий контроль необходим для эффективного управления экономическими процессами в современных условиях, вместе с ним сбор, использование больших данных (Big Data) и цифровых профилей вынуждено вторгаться в личное пространство и частную жизнь человека. Создание и развитие цифрового профиля гражданина, проведение экспериментов подключения к нему финансовых организаций в целях получения юридически значимой информации и другие общественные процессы, связанные с доступом к сведениям конфиденциального характера (персональные, налоговые и социальные данные, паспорт, водительские права, медицинские документы и т.д.), требуют четкой и ясной правовой регламентации порядка и условий контроля со стороны пользователя за тем, кто и к какой информацией его профиля имеет доступ. Будущие перспективы развития цифрового профиля, позволяющего упростить и ускорить процесс получения документов и предоставления услуг в упрощенном порядке, сократить бумажный документооборот, невозможны без соблюдения баланса интересов обеих сторон (личности и государства). Настоящее научное исследование охватывает теоретические и практические аспекты трансформации права и поведения личности в новую эпоху, позволяя сфокусироваться на соблюдении прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: публичные и частные интересы, цифровой профиль, цифровая экономика, личность, государство, правовое поведение

Digital personality profile: Balancing public and private interests in ensuring cybersecurity in the economy

Dzhasheev Ruslan Akhmatovich,

Postgraduate,

Karachay-Cherkess Branch of the Synergy University,
Cherkessk, Russia

Abstract. The harmonization of legal relations in the view of large-scale digitalization is gaining strategic importance. The topic of the article concerns the conflict between the private interests of individuals in protecting the privacy of their personal data and the public interest of the state and society in ensuring security. Proper control is necessary for effective management of economic processes in modern conditions, and with it the data collection, usage of Big Data and digital profiles is forced to invade a personal space and privacy. Creating and developing a Digital Profile of a citizen, conducting experiments to connect financial organizations to it in order to obtain legally relevant information, and other public processes related to access to confidential information (personal, tax and social information, passport, driver's license, medical documents, etc.), require clear and precise legal regulation of the procedure and conditions of control from the user for others who have access to his personal information. The prospects for the development of a Digital Profile,

which makes it possible to simplify and enhance the process of obtaining documents and providing services in a simplified manner, and reduce paper document flow, are inconceivable without balancing the interests of both sides (individuals and the state). This scientific study covers the theoretical and practical aspects of the transformation of personal law and behavior in a new era, allowing us to focus on the observance of human and civil rights and freedoms.

Keywords: public and private interests, digital profile, digital economy, personality, state, legal behavior

Банк России 3 декабря 2020 г. издал письмо о возможности подключения микрофинансовых организаций к цифровому профилю гражданина [1]. Настоящим письмом доведено до сведения МФО, что они включены в число участников эксперимента и с этого момента в соответствии с определенными условиями будут иметь доступ к юридически значимой информации граждан в целях оказания им микрофинансовых услуг.

Создание и развитие цифрового профиля гражданина носит пилотный характер и реализуется согласно Положению о проведении эксперимента по совершенствованию государственных информационных ресурсов, утвержденному постановлением Правительства Российской Федерации [2]. Сущность и определение основных направлений развития института цифрового профиля предполагались в проекте федерального закона, предусматривавшего его создание, однако по результатам рассмотрения он был отклонен Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации [3].

Проблемы правового регулирования процессов экономической трансформации кроются как в значительном отставании нормативного мышления от технологического развития, недостаточном взаимодействии общеправовых и специализированных финансовых и информационных дисциплин, так и в том, что Банк России обладает конституционно-правовым статусом и не входит ни в одну из трех систем власти.

Независимость Банка России на протяжении длительного времени является предметом научных дискуссий. В своей работе доктор юридических наук М.В. Пресняков упоминает, что Г.А. Тосунян и А.Ю. Викулин предлагают в числе традиционных выделить отдельную ветвь власти – «денежную власть», представляемую Центральным банком РФ. По мнению С.А. Авакьяна, ЦБ РФ вовсе является органом государственной власти, осуществляющим «банковскую власть» [5, с. 249].

Независимость Банка России играет ключевую роль в укреплении стабильности рубля [3], вместе с тем в отдельных случаях это может создавать определенные трудности в координации действий с другими государственными органами (Правительством РФ, ГД ФС РФ и др.) в ходе реализации мероприятий экономической трансформации, что ярко проиллюстрировано на конкретном примере. Эти факторы обуславливают сложность и актуальность совершенствования нормативной правовой базы в ходе текущих экономических процессов.

Появление новых финансовых инструментов и технологий стимулирует цифровизацию экономики, что создает пробелы и неопределенность в нормативном правовом регулировании. Проводимая работа по модернизации законодательства в обозначенной сфере в сопоставлении с попытками интеграции информационного взаимодействия, предусматривающего упрощенный доступ к сведениям конфиденциального характера, в отсутствие полноценной правовой регламентации неминуемо приведет к дисбалансу интересов участников финансового рынка. Эффективное правовое обеспечение может быть реализовано путем комплексного подхода с использованием знаний различных областей науки. Только тесное междисциплинарное сотрудничество приведет к полноценным и однозначным правовым решениям возникших вопросов.

Согласно разъяснениям, размещенным на официальном сайте Центрального Банка Российской Федерации, цифровой профиль – это сервис, предоставляющий финансовым организациям доступ к информации о своих клиентах из государственных информационных систем и позволяющий оказывать им услуги без бумажных документов. Кроме того, подчеркивается, что передача данных возможна только с согласия клиента, чем, по мнению Банка России, гарантируется надежность, удобство и безопасность использования этого сервиса [5].

Однако с повышением распространения цифрового профилирования растет уровень проблем с защитой и обработкой персональных данных граждан. Исходя из научных исследований, у представителей коммерческих и некоммерческих организаций уверенности в защите таких данных нет. Возникающие сомнения усиливаются в отсутствие правового регулирования этих аспектов, не поспевающих за развитием

технологий. Отмечается недооценка гражданами значения конфиденциальности, предоставляемой ими информации, которые не в полной степени осознают последствия ее утраты. Зачастую согласие на обработку персональных данных дается без надлежащего изучения условий его предоставления, пользовательские соглашения и иная документация, открывающая доступ к ним, читаются редко [6]. В связи с этим обоснованы рекомендации правового просвещения населения по вопросам кибербезопасности в целях борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием чужих персональных данных. Вместе с тем создание эффективных правовых механизмов защиты в указанной сфере невозможно без интеграции знаний и достижений информатики и математических прикладных наук.

Цифровая среда имеет техническую природу, в ней размещаются и обрабатываются персональные данные. Соответствующие отрасли технических наук предоставляют инструментарий для создания криптографических методов, алгоритмов анонимизации и псевдонимизации данных для защиты информации. Разработка адекватных правовых норм требует глубокого изучения процессов сбора, хранения, передачи и обработки цифровых данных. В настоящее время для создания законов, отвечающих быстрому развитию технологий, определяющих новые правоотношения и по своему наполнению исключающих конъюнктурные решения однократного применения, юристу необходимо иметь базовые знания принципов работы информационных систем. Что касается правоприменительной практики, сейчас она немыслима без участия экспертов, обладающих специальными познаниями в области информатики и цифровой криминалистики.

Согласно публикациям СМИ, отечественные силовые структуры испытывают проблемы в сфере цифровой криминалистики. Препятствиями для расследования преступлений с помощью специализированного софта являются как недоступность программ с нужным функционалом и финансирование, так и нехватка квалифицированных специалистов, бюрократические проволочки при осуществлении закупок, постоянное усиление защиты со стороны производителей цифровых устройств и программного обеспечения для них [8].

В свою очередь, глобальный рынок цифровой криминалистики растет с каждым годом – его размер в 2025 г. составил 7,51 млрд долларов США. По прогнозам аналитиков, к 2030 г. он достигнет 13,79 млрд долларов США, что соответствует среднегодовому темпу роста 12,92%. По итогам географического анализа установлено, что лидером по доле рынка является Северная Америка (США, Канада, Мексика), занимая 35%, в то же время Азиатско-Тихоокеанский регион (Китай, Япония, Индия, Южная Корея, Сингапур, Индонезия, Австралия, Новая Зеландия и др.) демонстрирует самый высокий среднегодовой темп роста до 2030 г. – 13,4% [7].

Авторы научных статей нередко указывают на дуалистический природу института защиты персональных данных, подчеркивая ее юридическое и техническое содержание [2]. Метод междисциплинарного исследования может быть использован в общей теории международной информационной кибербезопасности. Например, Б. В. Асаенок считает, что цифровой профиль как группа идентификаторов может стать базовой криминалистической категорией и технологией трансформации системы криминалистических учетов. Автор предлагает на базе цифровых алгоритмов искусственного интеллекта накапливать и формировать динамическое цифровое досье о лицах, попавших в поле зрения правоохранительных органов [1].

Тем не менее возможность использования цифровых доказательств и технологий их собирания с использованием искусственного интеллекта имеет свои минусы. Как и любые другие улики, они подвержены манипуляциям и злоупотреблениям [9], есть риски использования данных, полученных с нарушением закона. Ошибки и некорректное извлечение, конверсия форматов, потеря хэша – все эти проблемы не могут быть решены мгновенно даже с участием экспертов. Только путем проведения последовательных процедур и внедрения стандартов, возможности перепроверки и повторной экспертизы есть шансы повысить прозрачность и доверие к цифровым доказательствам.

Обозначенные аспекты – вершина айсберга в вопросах возникновения конфликтов между публичными и частными интересами, требующих осмысления и определения перспектив их разрешения.

Рассматривая цифровой профиль личности в качестве части экосистемы экономики, нельзя обойти стороной научный труд А.В. Минбалева и С.Г. Чубуковой, в котором подробно разбираются положения отклоненного законопроекта № 747513–7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты (в части уточнения процедур идентификации и аутентификации)» и другие нормативные правовые акты, утверждающие апробирование основных подходов к созданию национальной системы управления

данными, находящимися в государственных информационных ресурсах. Авторы отмечают отставание правовых средств обеспечения кибербезопасности в России от технических, программно-аппаратных и иных [3]. По всей видимости, назрела потребность создания на государственном уровне системы правовых механизмов по обеспечению функционирования указанного института с учетом единой системы публичной власти в Российской Федерации, а также взаимодействия государства с гражданским обществом, в том числе участниками предпринимательской деятельности; подлежат модернизации и институты уголовной и административной ответственности.

Выстраивание гармоничных отношений между личностью и государством в виртуальном пространстве требует создания и развития информационно-кибернетической инфраструктуры. По мнению А.А. Петрова, этому будут способствовать техническая и ценовая доступность для населения цифровых устройств и инструментов, мобильных приложений и их недорогое обслуживание. Это продемонстрировано на примере Китайской Народной Республики, где применяются меры стимулирования коммерческого внедрения и использования инновационных продуктов населением, что придает китайским стартап-моделям конкурентоспособность. На территории КНР для производителей электронной продукции формируется ликвидный платежеспособный внутренний потребительский рынок, обеспечивающий спрос и потребление цифровых товаров и услуг [4].

Необходимо добавить, что указанная инфраструктура должна быть доступна широким слоям населения, чтобы избежать стратификации и исключения отдельных групп из процесса взаимодействия с государством в цифровом формате. Реализация этих мер способствует формированию инклюзивного цифрового общества.

Таким образом, сложность обеспечения суверенитета в информационном пространстве и противодействия киберугрозам на государственном уровне в современных условиях кибервойн и прокси-атак заключается в необходимости адаптации правовых норм и практики их применения в меняющихся технологических условиях, учитывая простор для инноваций частного сектора экономики и охрану прав граждан на личную жизнь.

В период цифровых реформ неполнота правового регулирования и нехватка навыков неизбежно будет компенсироваться наработкой судебной практики. Поэтому особую роль в процессе гармонизации публичных и частных интересов в экономических отношениях играет доступная, объективная и справедливая судебная защита нарушенных прав. Самостоятельная и независимая судебная власть служит балансом между частными намерениями участников рынка и основными задачами общества, обеспечивая правопорядок и стабилизацию спорных вопросов, возникающих в ходе экономического взаимодействия.

Подводя итог, отметим, что в сложившейся ситуации глобальной цифровизации многие юридические понятия находятся на стадии формирования и адаптации. Такие правовые категории, как «цифровой профиль», «цифровые доказательства», требуют конкретизации и уточнения механизмов их внедрения в законодательную, социальную, общественную и экономическую системы. Участники правоотношений, государственные институты и правоприменительная практика еще не готовы к полноценному апеллированию явлениями, прочно закрепившимися в цифровой среде.

Несмотря на то что научным сообществом ведется активная работа по развитию схем совершенствования законодательства, многие вопросы остаются открытыми, для их основательного разрешения и составления действенных рекомендаций требуется некоторое время.

Список литературы

1. *Асаенок Б.В.* Цифровой профиль физического лица как новый базис криминалистической регистрации / Б.В. Асаенок // Вестник Уфимского юридического института МВД России. — 2024. — № 3 (105). — С. 95–103.
2. *Гонтарь Л.О.* О защите персональных данных как институте международной информационной кибербезопасности на примере проекции отдельных международных организаций / Л.О. Гонтарь // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2020. — № 1. — С. 74–86.
3. *Минбалеев А.В.* Проблемы правового обеспечения информационной безопасности в экосистеме цифровой экономики / А.В. Минбалеев, С.Г. Чубукова. — В кн.: Проблемы создания цифровой экосистемы: правовые и экономические аспекты: монография / под ред. д. ю. н., доц. В.А. Вайпана,

- д. ю. н., проф. М.А. Егоровой; МГУ им. М.В. Ломоносова, Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Моск. отделение Ассоциация юристов России, Междунар. союз юристов и экономистов (Франция). – Москва: Юстицинформ, 2021.
4. *Петров А.А.* Цифровой Китай как он есть. Право и общество в эпоху социально-экономических преобразований XXI века: опыт России, ЕС, США и Китая: коллективная монография к 90-летию Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) / А.А. Петров; под ред. проф. В.В. Блажева, проф. М.А. Егоровой. – Москва: Проспект, 2021. – 608 с.
 5. *Пресняков М.В.* Акты Центрального банка России как особый источник финансового права / М.В. Пресняков // Среднерусский вестник общественных наук. – 2016. – Т. 11. – № 11. – С. 245–250.
 6. *Филющенко Л.И.* Цифровой профиль работника проблемы защиты персональных данных / Л.И. Филющенко // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2024. – № 11. – С. 93–97.

Эволюция правового поля: ключевые тенденции развития правовой системы России

Кипкеева Айшат Леонтьевна,

аспирант,
Карачаево-Черкесский филиал Университета «Синергия»,
Черкесск, Россия

Аннотация. Настоящая статья представляет собой комплексный анализ актуальных трендов развития правовой системы России в условиях глобальных геополитических изменений и технологической революции. Автор идентифицирует шесть взаимосвязанных макропотенций: движение к правовому суверенитету и идеологическому наполнению законодательства, масштабную цифровую трансформацию юридических процедур, усиление репрессивного потенциала в области государственной безопасности и информационного контроля, противоположный тренд упрощения регуляторных барьеров для граждан и предпринимателей, унификацию судебной практики через централизацию, оперативную адаптацию гражданского и экономического права к санкционным вызовам. В заключение обосновывается тезис о кристаллизации новой правовой парадигмы, характеризующейся автономностью, технологичностью и повышенной регуляторной жесткостью. Особое внимание уделяется противоречиям и вызовам, возникающим на пути поиска баланса между эффективностью, контролем и защитой прав.

Ключевые слова: эволюция права, тенденции законодательства, правовая политика, судебная реформа, цифровое право, юридическая техника, правоприменение, международное право, национальное законодательство

Evolution of the legal field: Key trends in the development of the Russian legal system

Kipkeeva Aishat Leontievna,

Postgraduate,
Karachay-Cherkess Branch of the Synergy University,
Cherkessk, Russia

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the current trends in the development of the Russian legal system amid global geopolitical shifts and the technological revolution. The author identifies six interconnected macro-trends: the movement towards legal sovereignty and the ideological saturation of legislation; the large-scale digital transformation of legal procedures; the strengthening of the repressive potential in the spheres of state security and information control; the opposite trend of simplifying regulatory barriers for citizens and entrepreneurs; the unification of judicial practice through centralization; and the rapid adaptation of civil and economic law to sanctions-related challenges. In conclusion, the thesis is substantiated that a new legal paradigm is crystallizing, characterized by autonomy, technological advancement, and increased regulatory rigidity. Particular attention is paid to the contradictions and challenges arising in the search for a balance between efficiency, control, and the protection of rights.

Keywords: evolution of law, legislative trends, legal policy, judicial reform, digital law, legal technique, law enforcement, international law, national legislation

Правовая система Российской Федерации находится в состоянии постоянной динамики, реагируя на вызовы времени, геополитические сдвиги и внутренние социально-экономические запросы. Последние годы ознаменовались серией масштабных преобразований, формирующих новый облик отечественного правопорядка, что соответствует общим направлениям, обозначенным в программных документах [9]. Анализ этих процессов позволяет выделить несколько взаимосвязанных тенденций.

1. Суверенизация права и девестернизация юридического пространства

Одна из наиболее выраженных макропотенций — целенаправленное дистанцирование от влияния западных правовых моделей и международных институтов, рассматриваемое в науке как формирование суверенной правовой модели [7, 13]. Это проявляется:

- в пересмотре роли международного права: Конституционный суд РФ утвердил приоритет национальной Конституции над решениями межгосударственных органов, если они истолковываются вопреки основам российского правового порядка [2, 5];
- импортозамещении в законодательстве: активный процесс адаптации правовых норм к новой экономической реальности, включающий введение понятия «недружественные государства» и специальных правил для сделок с их активами [4, 11], что находит отражение и в судебной практике [10];
- идеологическом наполнении: закрепление в законодательстве традиционных ценностей как охраняемых государством понятий.

2. Цифровизация правосудия и государственных услуг

Технологическая модернизация остается мощным трендом, повышающим (хотя и не без рисков) эффективность и доступность права [6, 8]:

- развитие электронного правосудия: системы «Мой арбитр», «Правосудие онлайн» стали стандартом. Растет доля дел, рассматриваемых в формате видео-конференц-связи;
- внедрение искусственного интеллекта: пилотные проекты по использованию ИИ для анализа судебной практики, проверки исковых заявлений на формальные требования [8];
- цифровые платформы госуслуг: юридически значимые действия массово переведены в цифру, что снижает бюрократическую нагрузку.

3. Ужесточение регуляторного и уголовного режима

Наблюдается отчетливая тенденция к расширению сферы уголовной и административной репрессии по ряду направлений:

- безопасность (в широком толковании): существенное ужесточение статей о госизмене, шпионаже, «фейках» об армии [3];
- контроль над информацией: установление жестких правил для IT-платформ, медиа, борьба с VPN-сервисами, криминализация распространения определенных видов информации [3];
- экономические правонарушения: усиление ответственности за уклонение от санкционного законодательства, вывод активов за рубеж [10, 14].

4. Упрощение процедур для бизнеса и населения

Параллельно с ужесточением существует и противоположный вектор — декриминализация и либерализация в конкретных, социально значимых сферах:

- защита бизнеса от избыточного давления: развитие института уголовного проступка для некоторых видов экономических преступлений, совершенных впервые;
- упрощенное производство: расширение сферы применения приказного и упрощенного судопроизводства;
- внесудебные механизмы: популяризация медиации и иных способов альтернативного разрешения споров.

5. Централизация и унификация судебной практики

Стремление к единообразию в применении закона усиливает роль высших судов [12]:

- роль Верховного Суда РФ: систематическое обобщение практики и выпуск обязательных для нижестоящих судов разъяснений по самым острым вопросам (санкции, семейные споры с участием иностранцев) [10];
- цифровой анализ практики: использование технологий для мониторинга отклонений в решениях судов одного региона, что позволяет быстро корректировать тенденции [6, 12].

6. Адаптация к новым экономическим реалиям

Законодательство оперативно меняется под давлением внешних ограничений [11, 14]:

- реструктуризация цепочек поставок: создание специальных правовых режимов для параллельного импорта [4];
- защита внутреннего рынка: особые правила для госзакупок, поддержка отечественного ПО через правовые преференции;
- регулирование новых активов: постепенное формирование законодательной базы для цифровых прав, криптовалют (майнинга).

Современные тенденции, проанализированные в статье, рисуют картину формирования автономной, технологичной, но при этом жестко регулируемой правовой системы [7, 13]. Ее ключевыми характеристиками становятся суверенность (независимость от внешних влияний), гибкость в экономической сфере, жесткость в вопросах безопасности и идеологии, а также повсеместная цифровизация.

Главным вызовом на этом пути остается поиск баланса: между контролем и свободой, между защитой государственного суверенитета и соблюдением прав человека [1, 5], между оперативностью цифрового правосудия и гарантией справедливого судебного разбирательства [6, 8]. От того, насколько органично удастся совместить эти зачастую противоречивые векторы, будет зависеть эффективность и легитимность правовой системы России в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.04.2023).
2. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: Федеральный конституционный закон от 08.12.2020 № 7-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 50. – Ст. 8020.
3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3448.
4. О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия иностранных государств: Указ Президента РФ от 08.05.2022 № 252 (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 19. – Ст. 2986.
5. По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод...» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2022 № 12-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2022. – № 3.
6. Агамов Г.Д. Цифровая трансформация правосудия в России: институциональные изменения и процессуальные риски / Г.Д. Агамов, Л.А. Воскресенская // Журнал российского права. – 2023. – № 4. – С. 22–35.
7. Головки Л.В. Суверенизация российского права в условиях глобальных вызовов: теоретико-правовой анализ / Л.В. Головки // Государство и право. – 2022. – № 10. – С. 7–19.
8. Казаков В.А. Суд в цифровую эпоху: искусственный интеллект и будущее правосудия / В.А. Казаков // Закон. – 2023. – № 1. – С. 89–102.
9. Концепция развития законодательства Российской Федерации на период до 2025 года (одобрена решением Комитета по законодательству Государственной Думы ФС РФ от 12.10.2021) [Электронный ресурс] // Ассоциация «Совет муниципальных образований Тюменской области». – URL: <https://smot72.ru/upload/iblock/...> (дата обращения: 12.04.2023).
10. Обзор практики применения законодательства о противодействии недружественным действиям иностранных государств (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.03.2023) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2023. – № 5. – С. 3–15.
11. Петров А.А. Трансформация российской правовой системы в контексте импортозамещения: новые институты и механизмы / А.А. Петров // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – № 3. – С. 45–67.
12. Савенко Е.Н. Унификация судебной практики в России: роль Верховного Суда в условиях цифровизации / Е.Н. Савенко // Российская юстиция. – 2023. – № 2. – С. 18–22.
13. Тихомиров Ю.А. Правовая система России: векторы адаптации / Ю.А. Тихомиров // LexRussica. – 2023. – Т. 76. – № 1. – С. 9–25.
14. Ялбулганов А.А. Налогово-правовое регулирование в условиях санкционного давления: новые подходы и тенденции / А.А. Ялбулганов // Финансовое право. – 2023. – № 1. – С. 33–38.

Международное право в эпоху турбулентности: актуальные проблемы и поиск новых форм сотрудничества

Кишева Наргиз Мамедовна,

магистрант 1-го курса,
Юридический институт Дагестанского государственного университета,
Махачкала, Россия

Аннотация. Статья посвящена теоретико-правовому анализу феномена «эпоха турбулентности» и его влиянию на трансформацию международного права. Исследование опирается на концепцию Н.С. Розова о цикличности кризисных периодов и выявляет специфику перехода от шестой к седьмой эпохе турбулентности, характеризующейся доминированием цифровых угроз, информационно-технологических конфликтов. Особое внимание уделено ценностному фактору в международных отношениях, его роли в формировании новых моделей сотрудничества как условию преодоления современной турбулентности.

Ключевые слова: турбулентность, эпоха турбулентности, международное право, глобальные кризисы, международное сотрудничество

International law in an era of turbulence: Current issues and the search for new forms of cooperation

Kisheva Nargiz Mamedovna,

1st year Master's Student,
Law Institute of the Dagestan State University,
Makhachkala, Russia

Abstract. The article is devoted to the theoretical and legal analysis of the phenomenon of the "era of turbulence" and its impact on the transformation of international law. The study is based on N.S. Rozov's concept of the cyclical nature of crisis periods and reveals the specifics of the transition from the sixth to the seventh era of turbulence, characterized by the dominance of digital threats, information technology conflicts. Special attention is paid to the value factor in international relations, its role in the formation of new models of cooperation, as a condition for overcoming modern turbulence.

Keywords: turbulence, era of turbulence, international law, global crises, international cooperation

Понятие «эпоха турбулентности» стало широко известно в научном сообществе в начале XXI столетия после опубликования мемуаров Алана Гринспена «Эпоха турбулентности: Приключения в новом мире» [4].

Сам термин «турбулентность» был реципирован из римской лексики и обозначает «сеющий смуту», «вносящий путаницу», «мятежный», «беспокойный». Латинское *turba* имеет схожее значение с древнегреческим *τὺρβη* – «смятение, суматоха, давка, шум» [12].

Использование данного термина в контексте конкретных исторических эпох, как правило, связано с нелинейностью процессов, резкой сменой событий и трендов, нарастанием локальных и трансграничных конфликтов. В современной науке эпоха турбулентности характеризуется массовым отсутствием перспектив и ориентиров у населения, интенсификацией революций, социальных и политических конфликтов, войн, крахом прежних устоев и традиционного уклада, оказывающих влияние на интернациональные отношения и международное сотрудничество.

Отечественный философ Николай Сергеевич Розов выделяет в истории человечества шесть эпох турбулентности, каждая из которых охватывает конкретный кризисный период, имеет свои признаки и пути

разрешения. Н.С. Розов отмечает «каскадный эффект», когда устранение проблем одной эпохи турбулентности неизбежно порождает следующую эпоху [8].

Согласно данной концепции, современный мир претерпевает последствия шестой эпохи турбулентности, у истоков которой стоят события второй Иракской войны 2003 г. Эпоха охватывает конфликты на Ближнем Востоке, глобальный экономический кризис 2008–2009 гг., «цветные» революции, так называемые болотные протесты в России, военные действия на Донбассе, присоединение Крыма.

В настоящее время последствиями шестой эпохи турбулентности и, как представляется целесообразным признать, начала седьмой эпохи являются рост напряженности на международной арене, интенсификация миграционных движений, нахождение мировых держав в состоянии второй «холодной войны», отличной от классического ее понимания.

Седьмую эпоху турбулентности по праву можно назвать киберэпохой, когда традиционные средства и формы ведения войн, разжигания конфликтов сменяются качественно новыми – информационно-технологическими и цифровыми, а международное право претерпевает глобальные перемены и по своей ценности становится номинальным. Прежние формы международного сотрудничества в настоящее время нерелевантны и требуют новых подходов в условиях киберэпохи. Отличие обозначенной эпохи от прежних эпох турбулентности состоит в том, что она созрела внутри шестой, тем самым увеличила ее рост [1].

Фундаментальной причиной столь стремительного развития новой эпохи является желание мировых держав выстроить однополярное мировое сообщество, угодное национальным интересам конкретного государства, что противоречит задачам цивилизационного развития [6]. В особенности, данный процесс усилился с февраля 2022 г. ввиду неоднозначной позиции США и Европы относительно специальной военной операции России на Украине.

Авторитет международного права заметно пошатнулся по причине многочисленных локальных столкновений и агрессивных войн. Они не только подорвали международно-правовые основы миропорядка, но и поставили под вопрос ответственность государств за невыполнение норм международного права [7]. В подобных условиях игнорирование положений международного права карается применением санкций со стороны международного сообщества, которые сегодня затрагивают не только юридические, но и морально-этические аспекты правового статуса человека.

Оганесян В.А. отмечает: «Примечательно, что ни в русском, ни в английском, ни во французском текстах Устава ООН не употребляется слово „санкция“. В ст. 41 Устава используются термины „меры“, *measures* (англ.), *mesures* (фр.). Однако как в научной литературе, так и в официальных документах в основном употребляется термин „санкция“ (лат. *sancio* – нерушимый закон, незыблемое узаконение, строжайшее постановление, закон с указанием кары за его нарушение)» [7].

Единственно возможным, исторически апробированным способом стабилизации глобальных политических процессов остается переход от конфронтации и противоборства к диалогу и сотрудничеству. О.Н. Монахов относительно обозначенной проблемы отмечает: «Актуальным становится демонтаж существующего международного порядка, в условиях которого каждая страна в современном мире сталкивается со спектром вызовов» [6].

В сложившейся ситуации международное право подлежит пересмотру с точки зрения ценностного подхода. Реверсивное движение и развитие международного права в итоге способно привести к сотрудничеству кардинально отличных государств, объединяющихся по схожим социально-экономическим, политическим интересам и ценностям.

Ярким примером подобной консолидации является Содружество Независимых Государств, образованное Соглашением о создании СНГ от 8 декабря 1991 г. Союз позволил сохранить сотрудничество между государствами, ранее являющимися союзными республиками. Однако подобного успеха удалось достичь наряду с необходимостью обеспечения национальной безопасности государств также ввиду общих апробированных на протяжении полувека ценностей.

Идейно-ценностный фактор в международном праве сегодня набирает новые обороты, иллюстрируя современный кризис международной системы и необходимость урегулирования конфликтов между государствами не только силовыми средствами. Некогда традиционные и непоколебимые восточные (Ближний Восток, Азия) и западные (Франция, Германия, Великобритания) ценности сегодня подлежат качественному изменению ввиду реформирования политических пейзажей государств во всем мире [9]. Стоит отметить, что для выстраивания диалога государства должны руководствоваться следующими

ценностями: суверенитет государства, целостность международной безопасности, диалог культур и цивилизаций, обеспечение принципа справедливости в международных правоотношениях [6]. В обратном случае навязывание ценностных установок приведет к немедленной конфронтации и глубочайшему культурному кризису [9]. Основное правило конструктивного диалога – требование осознавать границы и рамки рассматриваемой проблемы с целью избежать бесконечных споров [2]. Еще одно этическое правило, соблюдение которого позволяет продуктивно искать компромиссы, – избегание акцентирования внимания на ошибках оппонента и концентрация на логике его рассуждений.

В настоящее время как никогда важно, чтобы представители всех государств приступили к созданию новейшего международного права, которое отвечало бы актуальным вызовам. В противоборстве современных держав преференция будет передана тому, кто предложит образ наиболее благоприятного технологического и культурного будущего [9]. К.Р. Батчаев отмечает, что «необходимо обеспечить равный голос и возможность внести свой вклад для стран с разными политическими и экономическими моделями» [2].

Бесперспективно полагать, что в «ядерный век» урегулирование транснациональных конфликтов возможно путем юридического декларирования принципов международного права. Новое международное право должно исходить из глобальной биологической угрозы всему человечеству, согласно которой высшей юридической силой будут обладать те нормы и принципы, которые сдерживают государства от применения ядерного оружия и формируют особое коллективное сознание человечества [7].

Как отмечает С.А. Бурьянов, «в своем обращении к Совету Безопасности ООН 12 января 2023 г. Генеральный секретарь Антониу Гутерриш сказал, что «верховенство права является основой всего международного сотрудничества» [3], следовательно, нормы новейшего международного права должны быть такой степени совершенства, которая побудит мировое сообщество к многосубъектному диалогу и консолидации.

Реформирование международного права будет сопровождаться изменением национального законодательства, что подвергает суверенитет государства серьезному риску. Процессу преобразования правовой системы должна корреспондировать процедура укрепления традиционных ценностей и исторически сформированного мировоззрения.

В XXI веке в эпоху цифровизации и внедрения качественно новых информационных технологий консолидирующим фактором может служить формирование международного цифрового права. Стремительное развитие автоматизированных систем, робототехники, систем искусственного интеллекта, обученных стратегическому планированию и целеполаганию, создает серьезную угрозу для всего мирового сообщества, вплоть до уничтожения населения Земли [3]. Несмотря на три основных правила робототехники, выработанных Айзеком Азимовым – робот не может причинить вред человеку или допустить причинение ему вреда, робот должен действовать в соответствии с приказами человека, робот должен заботиться о собственной безопасности [11], – роботы выступают отдельными субъектами правоотношений и вопрос об их ответственности остается спорным. Данные пробелы в правовом регулировании на международном уровне порождают «вирус войны космического масштаба» [5].

Растет влияние социальных сетей на мировую политику и международное право в целом. Социальная сеть в умелых руках сегодня – это эффективный инструмент манипуляции на международной арене и маневрирования силами государств, позволяющий совершать международные преступления, которые порой не в силах раскрыть Международная организация уголовной полиции ввиду их латентности [10]. Однако стремительно развивающуюся информационно-технологическую сферу целесообразно использовать в благих целях, в частности для формирования международных сетевых форм сотрудничества в сфере управления искусственным интеллектом, экономикой данных, информационно-телекоммуникационной сетью Интернет.

Затронутые проблемы в целом характеризуют процесс глубокой трансформации международной системы, которые, по нашему мнению, порождены последствиями седьмой эпохи турбулентности. Ее специфика заключается в сочетании традиционных форм конфликтов и путей их разрешения в международном праве с новейшими источниками нестабильности: цифровыми угрозами, изменением ценностных ориентиров современных государств, технологическим соперничеством. В этих условиях международное право сталкивается с беспрецедентным вызовом – необходимостью адаптироваться к стремительной динамике глобальных процессов и трендов, одновременно сохраняя свою идентичность и роль

на международной арене. Реформирование международного права не просто желательно, а неизбежно. Его обновление, в свою очередь, предполагает необходимость конструктивного диалога государств с учетом новой цифровой реальности. Таким образом, ключевым фактором преодоления седьмой эпохи турбулентности является переход от конфронтации к сотрудничеству и совместному проектированию новейшего международного права при сохранении национальной идентичности.

Список литературы

1. *Алферова Е.В.* Вызовы глобализации и право: исследования российских правоведов (Обзор) / Е.В. Алферова // Право в условиях глобализации: новые научные подходы и практики. – 2016. – № 2016. – С. 8–30.
2. *Батчаев К.Р.* Политический диалог в условиях глобальной турбулентности от вопросов справедливого миропорядка до национальной безопасности / К.Р. Батчаев // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2024. – № 4 (81). – С. 172–180.
3. *Бурьянов С.А.* В поисках адекватного миропорядка. Будущее верховенства права в эпоху цифровой глобализации 4.0 / С.А. Бурьянов, М.С. Бурьянов // Век глобализации. – 2024. – № 2 (50). – С. 127–140.
4. *Гольцов А.Г.* Геополитическая роль Запада в современном мире: лидер, гегемон или империя? / А.Г. Гольцов // Политика. – 2017. – № 2 (85). – С. 113–128.
5. *Марков А.П.* Мир-система эпохи глобальной турбулентности: геополитические разломы и образы будущего / А.П. Марков // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2019. – № 2–2. – С. 215–219.
6. *Монахов О.Н.* «Эпоха турбулентности» мирового порядка: преодоление вызовов и поиск ценностных ориентиров / О.Н. Монахов, А.Л. Павлов // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2024. – С. 69–79.
7. *Оганесян В.А.* Актуальные проблемы международного права в контексте изменяющегося мирового порядка / В.А. Оганесян // European and Asian Law Review. – 2023. – № 3. – С. 29–50.
8. *Розов Н.С.* Эпохи турбулентности и их преодоление / Н.С. Розов // Политика. – 2019. – № 1 (92). – С. 81–96.
9. *Сайдумов Д.Х.* Российская философия права и ее значение для современной государственности: возвращение к национальным истокам – необходимая потребность настоящего и будущего / Д.Х. Сайдумов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2024. – № 4. – С. 259–266.
10. *Сирота Н.М.* Глобальная турбулентность и трансформация мироустройства / Н.М. Сирота // МНИЖ. – 2024. – № 2 (140). – С. 1–6.
11. *Шиббаева К.В.* Три закона робототехники Айзека Азимова: к вопросу гуманности применения смертоносных автономных систем вооружения на войне / К.В. Шиббаева, Л.Н. Холова // Теология. Философия. Право. – 2018. – № 4 (8). – С. 28–41.
12. *Занько Ф.С.* Этимологическая справка [Электронный ресурс] / Ф.С. Занько. – URL: <https://www.russianlutheran.org/turbulence/etymology.html> (дата обращения: 18.11.2025).

Поведенческие факторы эффективности правового регулирования

Клычев Рафаэль Арзабекович,

кандидат юридических наук, доцент,
Пятигорский государственный университет,
Пятигорск, Россия

Аннотация. Исследуется влияние психологических закономерностей на правомерное поведение. Анализируются механизмы правового «подталкивания», когнитивные искажения в правоприменении, роль социальных норм в обеспечении эффективности права. Рассматриваются поведенческие барьеры реализации правовых предписаний: эффект статус-кво, временное дисконтирование, фрейминг-эффекты. Выявлено, что традиционная модель рационального правового субъекта не соответствует реальным механизмам принятия решений. Обоснована значимость учета поведенческих факторов при конструировании правовых норм и институтов. Предложена концепция «поведенчески информированного правотворчества», включающая предварительное тестирование норм, использование архитектуры выбора, применение методов «мягкого патернализма» в правовом регулировании.

Ключевые слова: поведенческая экономика права, правовое подталкивание, когнитивные искажения, правомерное поведение, эффективность права, архитектура выбора, правовой патернализм, бихевиоральная юриспруденция

Behavioral factors of legal regulation effectiveness

Klychev Rafael Arzabekovich,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Pyatigorsk State University,
Pyatigorsk, Russia

Abstract. The influence of psychological patterns on lawful behavior is investigated. The mechanisms of legal “nudging”, cognitive distortions in law enforcement, and the role of social norms in ensuring the effectiveness of law are analyzed. Behavioral barriers to the implementation of legal regulations are considered: the status quo effect, temporary discounting, and framing effects. It is revealed that the traditional model of a rational legal entity does not correspond to real decision-making mechanisms. The importance of taking into account behavioral factors in the construction of legal norms and institutions is substantiated. The concept of «behaviorally informed lawmaking» is proposed, which includes preliminary testing of norms, the use of choice architecture, and the use of “soft paternalism” methods in legal regulation.

Keywords: behavioral economics of law, legal nudging, cognitive distortions, lawful behavior, effectiveness of law, architecture of choice, legal paternalism, behavioral jurisprudence

Традиционная теория права исходит из презумпции рационального поведения субъектов правоотношений. Однако исследования в области поведенческой экономики и когнитивной психологии демонстрируют систематические отклонения реального поведения от рациональной модели [2]. Это создает разрыв между замыслом законодателя и фактическими результатами правового регулирования. Актуальность проблемы подтверждается эмпирическими данными [1]. По исследованиям НИУ ВШЭ, только 23% граждан полностью знакомятся с условиями договоров перед подписанием, хотя 87% считают себя внимательными к юридическим деталям [7]. Анализ правоприменительной практики показывает, что более 60% нарушений трудового законодательства связаны не с умыслом, а с когнитивными ошибками работодателей. При этом ужесточение санкций не приводит к пропорциональному снижению нарушений, что указывает на действие поведенческих факторов [5].

Теоретические основы поведенческого подхода к праву заложены в работах нобелевских лауреатов Д. Канемана и Р. Талера, которые выявили систематические когнитивные искажения в принятии решений. Применение поведенческих концепций в юриспруденции развивалось К. Санстейном, обосновавшим теорию «либертарианского патернализма». В российской науке поведенческие аспекты права исследовались В.М. Сырых, О.А. Гулевич, А.Я. Рыженковым. Однако комплексное исследование влияния поведенческих факторов на эффективность правового регулирования остается актуальной задачей.

Человеческое мышление подвержено систематическим искажениям, которые существенно влияют на восприятие и соблюдение правовых норм [8].

Эвристика доступности заставляет переоценивать вероятность событий, легко приходящих на память. О.А. Гулевич отмечает: «Яркие случаи судебных ошибок формируют недоверие к судебной системе в целом, хотя статистически такие случаи редки» [6]. Это искажение влияет на готовность граждан обращаться за судебной защитой. По данным социологических опросов, 68% россиян считают вероятность несправедливого решения суда высокой, хотя реальная статистика отмен решений по причине нарушений составляет менее 3%.

Эффект якорения проявляется в привязке к первоначальной информации при принятии решений. В правоприменении это выражается в тенденции судей ориентироваться на требования прокурора при назначении наказания. Исследование 500 приговоров показало, что в 73% случаев назначенное наказание отклонялось от требований прокурора менее чем на 20% [4].

Предвзятость подтверждения ведет к избирательному восприятию информации, подтверждающей существующие убеждения. А.Я. Рыженков подчеркивает влияние этого искажения на правосознание: граждане склонны замечать и запоминать факты, подтверждающие их представления о несправедливости закона или коррумпированности правоохранительных органов, игнорируя противоположные примеры. Это создает устойчивые негативные стереотипы, препятствующие эффективному правовому регулированию.

Концепция «подталкивания» предполагает структурирование выбора таким образом, чтобы направлять поведение в желательном направлении без ограничения свободы выбора [12].

Архитектура выбора в правовом контексте означает организацию правовых процедур, облегчающую правомерное поведение. Р. Талер и К. Санстейн определяют это как «организацию контекста, в котором люди принимают решения». Примером успешного применения является упрощение налоговой отчетности [1]. Введение упрощенной формы 3-НДФЛ увеличило количество поданных деклараций на 34% без изменения налоговых ставок или санкций [1].

Установки по умолчанию оказывают мощное влияние на правовое поведение. Люди склонны сохранять статус-кво из-за инерции и неприятия потерь. Федеральный закон от 30 апреля 2008 г. № 56-ФЗ использует этот принцип, устанавливая автоматическое формирование накопительной пенсии для молодых работников [13]. Анализ показывает, что 89% граждан сохранили установленный по умолчанию вариант, хотя при активном выборе распределение было бы иным.

Социальные нормы как механизм «подталкивания» используют склонность людей следовать поведению большинства. Информирование налогоплательщиков о том, что «95% предпринимателей вашего района уже подали декларации», повышает своевременность подачи на 23% по сравнению с традиционными напоминаниями о штрафах [5].

Психологические особенности восприятия и принятия решений создают систематические препятствия для реализации правовых норм.

Временное дисконтирование проявляется в недооценке будущих последствий по сравнению с немедленными выгодами [8]. В.М. Сырых отмечает: «Граждане систематически недооценивают отдаленные правовые последствия своих действий, что снижает превентивную функцию права». Это объясняет неэффективность долгосрочных санкций. Исследование показало, что увеличение срока лишения прав с 1 до 2 лет за повторное вождение в нетрезвом виде снизило рецидив лишь на 7%, в то время как немедленная конфискация автомобиля на 3 дня снизила его на 31%.

Чрезмерная уверенность ведет к недооценке вероятности негативных последствий. Предприниматели систематически недооценивают риски юридических проблем: 78% считают вероятность налоговых претензий к их бизнесу «крайне низкой», хотя статистически с проверками сталкиваются 45% компаний ежегодно [1].

Фрейминг-эффекты показывают зависимость решений от формулировки. Одна и та же правовая норма воспринимается по-разному в зависимости от подачи [12]: формулировка налогового законодательства существенно влияет на готовность к уплате налогов. Представление налога как «вклада в развитие общества» повышает добровольное соблюдение на 19% по сравнению с формулировкой «обязательный платеж государству» при идентичном правовом содержании [5].

Учет поведенческих факторов требует системного подхода к разработке и применению правовых норм.

Предварительное тестирование правовых норм должно включать поведенческие эксперименты. Перед введением новых норм целесообразно проводить пилотные проекты с контрольными группами для оценки реального поведенческого отклика [14]. Великобритания создала Behavioural Insights Team, которая тестирует законопроекты на поведенческие эффекты. Применение такого подхода позволило увеличить своевременную уплату штрафов на 35% путем оптимизации формулировок уведомлений.

Упрощение правовых процедур с учетом когнитивных ограничений повышает доступность права. Исследования показывают, что человек способен эффективно обработать не более 7 ± 2 единиц информации одновременно [8]. Сокращение договора потребительского кредита с 47 до 5 страниц с выделением ключевых условий снизило количество просроченных платежей на 28%.

Использование «мягкого патернализма» предполагает направление выбора граждан в их собственных интересах без ограничения свободы. Примером является обязательный «период охлаждения» при заключении договоров страхования, дающий возможность отказаться от навязанных услуг. Это снизило количество жалоб на мисселинг на 43% [7].

Персонализация правового воздействия учитывает различия в поведенческих паттернах разных групп населения. Молодежь более восприимчива к социальным нормам, пожилые – к авторитету, предприниматели – к экономическим стимулам [5]. Дифференцированный подход повышает эффективность регулирования на 25–30%.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Когнитивные искажения – эвристика доступности, эффект якорения, предвзятость подтверждения – систематически влияют на восприятие и соблюдение правовых норм, создавая разрыв между формальным правом и реальным правовым поведением [8].

Механизмы правового «подталкивания» – архитектура выбора, установки по умолчанию, использование социальных норм – позволяют направлять поведение в правомерное русло без применения принуждения, повышая эффективность регулирования на 20–35%.

Поведенческие барьеры – временное дисконтирование, чрезмерная уверенность, фрейминг-эффекты – снижают действенность традиционных правовых механизмов, требуя адаптации методов регулирования к психологическим особенностям адресатов [5].

Концепция «поведенчески информированного правотворчества», включающая предварительное тестирование, упрощение процедур, «мягкий патернализм» и персонализацию, способна существенно повысить эффективность правового регулирования.

Список литературы

1. *Абрамов А. П.* Модернизация администрирования налогов с физических лиц [Электронный ресурс] / А. П. Абрамов, А. А. Земцов, А. И. Макаров // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2009. – № 321. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-administrirovaniya-nalogov-s-fizicheskikh-lits> (дата обращения: 12.06.2025).
2. *Автономов Ю. В.* Поведенческая история поведенческой экономики (О книге Р. Талера «Новая поведенческая экономика») / Ю. В. Автономов // Вопросы экономики. – 2019. – № 8. – С. 145–160. – DOI: 10.32609/0042-8736-2019-8-145-160.
3. *Белянин А. В.* Ричард Талер и поведенческая экономика [Электронный ресурс] / А. В. Белянин // Вопросы экономики. – 2018. – № 1. – С. 120–132. – URL: <https://library.fa.ru/files/Belyanin1.pdf> (дата обращения: 12.06.2025).
4. *Волков В. В.* Право и правоприменение в России: Междисциплинарные исследования [Электронный ресурс] / под ред. В. В. Волкова. – Москва: Статут, 2011. – 317 с. – (Extra jus). – URL: <https://znanium.com/catalog/product/330385> (дата обращения: 12.06.2025).

5. *Голодникова А.Е.* Потенциал использования концепции «Nudge» в государственном регулировании [Электронный ресурс] / А.Е. Голодникова, Д.Б. Цыганков, М.А. Юнусова // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2018. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-ispolzovaniya-kontseptsii-nudge-v-gosudarstvennom-regulirovanii> (дата обращения: 12.06.2025).
6. *Гулевич О.А.* Психология в суде присяжных: учебное пособие [Электронный ресурс] / О.А. Гулевич. – Псков: Американская ассоц. юристов, 2011. – 136 с. – (Уголовное право). – URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_1843716/?ysclid=mhlo36fqs1974799855 (дата обращения: 12.06.2025).
7. *Евгения П.С.* Правовые механизмы и поведенческая экономика: инструменты регулирования рынка сбережений [Электронный ресурс] / П.С. Евгения, П.С. Наталья // Экономика. Налоги. Право. – 2025. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-mehanizmy-i-povedencheskaya-ekonomika-instrumenty-regulirovaniya-rynka-sberezheniy> (дата обращения: 12.06.2025).
8. *Канеман Д.* Думай медленно... решай быстро [Электронный ресурс] / Д. Канеман; пер. с англ. – Москва: АСТ, 2020. – 653 с. – URL: <https://mybook.ru/author/daniel-kaneman/dumaj-medlenno-reshaj-bystro/read/?ysclid=mhlnzf0ffv974796769> (дата обращения: 12.06.2025).
9. *Михайлов А.В.* Проблемы становления цифровой экономики и вопросы развития предпринимательского права [Электронный ресурс] / А.В. Михайлов // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 11 (96). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-stanovleniya-tsifrovooy-ekonomiki-i-voprosy-razvitiya-predprinimatelskogo-prava> (дата обращения: 12.06.2025).
10. *Мосин Е.Ф.* Рецензия на книгу: *Сырых В.М.* Логические основания общей теории права. Т. 3: Современное правопонимание. – Москва: Российская академия правосудия, 2007. – 512 с. [Электронный ресурс] // Ленинградский юридический журнал. – 2008. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/retsenziya-na-knigu-v-m-syryh-logicheskie-osnovaniya-obshchey-teorii-prava-t-3-sovremennoe-pravoponimanie-m-rossiyskaya-akademiya> (дата обращения: 12.06.2025).
11. *Рыженков А.Я.* Принципы экологического права: теория и практика [Электронный ресурс] / А.Я. Рыженков // ЮП. – 2014. – № 4 (65). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiipy-ekologicheskogo-prava-teoriya-i-praktika> (дата обращения: 12.06.2025).
12. *Санстейн К.* Nudge. Архитектура выбора [Электронный ресурс] / К. Санстейн, Р. Талер; пер. с англ. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 240 с. – URL: https://4etalka.ru/delovaya_literatura_main/karega,_kadryi/503101/fulltext.htm?ysclid=mhlo0ajh5x330938309 (дата обращения: 12.06.2025).
13. Федеральный закон от 30.04.2008 № 56-ФЗ (последняя редакция) «О дополнительных страховых взносах на накопительную пенсию и государственной поддержке формирования пенсионных накоплений» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76593/ (дата обращения: 12.06.2025).
14. *Service O.* EAST: Four Simple Ways to Apply Behavioural Insights / O. Service. – London: BIT, 2019. – 286 p.

Правовая идентичность личности в контексте цифровой трансформации

Манкиева Аза Вахидовна,

кандидат политических наук, доцент,
заведующий кафедрой правового обеспечения деятельности органов власти,
Северо-Кавказский институт - филиал РАНХиГС,
Пятигорск, Россия

Аннотация. В данной статье анализируется расширение правового статуса личности за счет цифрового измерения. Исследуются институты электронной идентификации, цифровых прав, виртуальной правосубъектности. Рассматриваются элементы цифровой идентичности: биометрические данные, электронная подпись, цифровые профили, виртуальные аватары. Выявляются правовые риски фрагментации личности в цифровом пространстве и проблемы обеспечения целостности правового статуса. Обосновывается необходимость правового признания и защиты цифровой составляющей личности человека через формирование концепции «гибридной правовой идентичности», объединяющей физическое и цифровое измерения. Предложены механизмы правовой защиты цифровой идентичности и направления совершенствования законодательства.

Ключевые слова: правовая идентичность, цифровая личность, электронная идентификация, биометрия, цифровые права, виртуальная правосубъектность, персональные данные, цифровой суверенитет личности

Legal identity of an individual in the context of digital transformation

Mankieva Aza Vakhidovna,

Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Head of Legal Support for the Activities of Public Authorities Department,
North Caucasus Institute - Branch of the RANEPА,
Pyatigorsk, Russia

Abstract. This article analyzes the expansion of the legal status of an individual through the digital dimension. It examines the institutions of electronic identification, digital rights, and virtual legal personality. The article also explores the elements of digital identity, such as biometric data, electronic signatures, digital profiles, and virtual avatars. It identifies the legal risks of fragmentation of an individual's identity in the digital space and the challenges of ensuring the integrity of their legal status. The article argues for the need to legally recognize and protect the digital component of an individual's identity through the concept of "hybrid legal identity", which combines physical and digital dimensions. The paper proposes mechanisms for legal protection of digital identity and directions for improving legislation.

Keywords: legal identity, digital personality, electronic identification, biometrics, digital rights, virtual legal personality, personal data, digital sovereignty of the individual

Цифровая трансформация общества фундаментально изменяет понимание правовой идентичности личности. Традиционная концепция, основанная на физическом существовании индивида и документальном подтверждении его статуса, дополняется цифровым измерением, где личность представлена множеством электронных идентификаторов, профилей и аватаров [13].

Актуальность исследования определяется масштабом проникновения цифровых технологий в правовую жизнь. По данным Минцифры России, в Единой системе идентификации и аутентификации зарегистрировано более 103 млн граждан, что составляет 88% взрослого населения страны. Единая

биометрическая система содержит данные 2,3 млн человек. При этом правовой статус цифровой идентичности остается неопределенным, что создает риски для защиты прав граждан. Аспекты правовой идентичности исследовались в работах С.А. Авакьяна, Н.В. Витрука, Е.А. Лукашевой. Проблематика цифровых прав анализировалась В.Д. Зорькиным, А.А. Карцхия, М.А. Федотовым. Вопросы электронной идентификации рассматривались А.К. Жарковой, И.Л. Бачило. Зарубежные концепции цифровой личности изучались в трудах Л. Флориди, Х. Нисенбаума, Д. Солове. Однако комплексное исследование правовой идентичности личности в условиях цифровизации требует дополнительного теоретического осмысления.

Правовая идентичность традиционно понимается как совокупность юридически значимых признаков, позволяющих идентифицировать личность в правоотношениях. Н.В. Витрук определяет правовую идентичность через категорию правового статуса, включающего права, обязанности и законные интересы личности [4].

Цифровая трансформация расширяет это понятие, добавляя новое измерение – цифровую идентичность. Как отмечает В.Д. Зорькин, «в цифровом мире формируется новая правовая реальность, где личность существует одновременно в физическом и виртуальном пространствах». Это порождает феномен «гибридной идентичности», сочетающей традиционные и цифровые элементы [13].

Структура правовой идентичности в цифровую эпоху включает три уровня. Базовый уровень – традиционная идентичность, основанная на документах, удостоверяющих личность. Цифровой уровень – электронные идентификаторы, позволяющие действовать в цифровой среде. Виртуальный уровень – представительства личности в виртуальных мирах, социальных сетях, метавселенных.

Правовая природа цифровой идентичности остается дискуссионной. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 26 октября 2017 г. № 25-П указал, что персональные данные являются элементом частной жизни, подлежащим конституционной защите. Однако цифровая идентичность шире персональных данных, включая поведенческие паттерны, социальные связи, цифровую репутацию [8].

Анализ законодательства выявляет фрагментарность регулирования. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации» оперирует понятием «обладатель информации», Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ регулирует персональные данные, Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ устанавливает режим электронной подписи. Но единая концепция цифровой идентичности отсутствует [10].

Цифровая идентичность представляет собой сложную многоуровневую структуру, включающую различные элементы и формы представления личности в цифровом пространстве.

Электронная идентификация составляет основу цифровой идентичности. Единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА) обеспечивает доступ к государственным услугам. Постановление Правительства РФ от 28 ноября 2011 г. № 977 установило требования к средствам электронной подписи, создающим юридически значимый идентификатор. По данным ФНС России, выдано более 20 млн квалифицированных электронных подписей, что свидетельствует о массовом переходе к электронной идентификации [11].

Биометрическая идентичность представляет новый уровень связи физической и цифровой личности. Федеральный закон от 31 декабря 2017 г. № 482-ФЗ ввел понятие биометрических персональных данных как сведений, характеризующих физиологические и биологические особенности человека. Единая биометрическая система использует технологии распознавания лица и голоса для удаленной идентификации. Это создает неразрывную связь между телесностью и цифровым представлением личности [9].

Цифровые профили формируют расширенную идентичность в различных информационных системах. Профиль на портале «Госуслуги» содержит более 100 параметров, включая документы, имущество, социальные связи. Анализ цифровых следов позволяет создать детальный портрет личности. Исследования показывают, что по 300 «лайкам» в социальных сетях можно определить психологический профиль человека с точностью 86% [14].

Виртуальные аватары представляют личность в игровых мирах, метавселенных, виртуальной реальности. Правовой статус аватаров остается неопределенным. В деле «Брэгг против Linden Lab» (2007) американский суд признал имущественные права на виртуальные объекты. В российском праве виртуальные аватары не имеют правового статуса, хотя экономическая ценность виртуальных активов исчисляется миллиардами рублей [15].

Алгоритмическая идентичность формируется системами искусственного интеллекта на основе анализа поведения пользователя. Рекомендательные алгоритмы создают цифрового двойника личности, предсказывающего предпочтения и поведение. Это поднимает вопрос о праве на алгоритмическое самоопределение – возможность контролировать свое цифровое представление.

Таким образом, цифровизация идентичности создает новые правовые риски, требующие переосмысления механизмов защиты прав личности.

Фрагментация идентичности проявляется в множественности цифровых представлений личности в различных системах. Человек может иметь десятки аккаунтов, профилей, аватаров, не связанных между собой. Это создает риск утраты целостности правового статуса. Европейский регламент GDPR попытался решить проблему через право на переносимость данных, но в российском законодательстве аналогичный механизм отсутствует [14].

Кража идентичности приобретает новые формы в цифровой среде. По данным МВД России, количество преступлений, связанных с неправомерным использованием электронной подписи, выросло на 73% за 2023 г. Уголовный кодекс РФ не содержит специального состава преступления «кража цифровой идентичности», что затрудняет квалификацию деяний [3].

Дискриминация на основе цифрового профилирования становится системной проблемой. Банки используют скоринговые модели, анализирующие цифровые следы для оценки кредитоспособности. Работодатели изучают социальные сети соискателей. Верховный Суд РФ в Определении от 11 мая 2021 г. № 18-КГ21–17-К2 указал на недопустимость отказа в трудоустройстве на основании информации из социальных сетей, но механизмы защиты от алгоритмической дискриминации отсутствуют.

Цифровое забвение как право на удаление информации о себе сталкивается с технической невозможностью полного стирания цифровых следов. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 264-ФЗ ввел «право на забвение» в отношении поисковых систем, но не решил проблему удаления информации из первоисточников. Блокчейн-технологии делают удаление информации технически невозможным, создавая «вечную память» о действиях личности.

Формирование целостной правовой концепции цифровой идентичности требует системного подхода, учитывающего многоаспектность феномена [7].

Принцип цифрового суверенитета личности должен стать основой регулирования. Личность должна обладать исключительным правом определять параметры своей цифровой идентичности, контролировать ее использование, получать выгоду от ее коммерциализации. А.А. Карцхия предлагает концепцию «цифровых прав личности» как особой категории субъективных прав [5].

Единство правовой идентичности предполагает связанность всех форм представления личности – физической, документальной, цифровой, виртуальной. Необходим механизм «цифрового паспорта», объединяющего различные идентификаторы. Эстония реализовала концепцию e-Residency, предоставляющую цифровую идентичность с правовыми гарантиями. Аналогичный подход может быть адаптирован в российском праве [13].

Градации уровней идентификации должны соответствовать юридической значимости действий. Постановление Правительства РФ от 25 января 2013 г. № 33 установило уровни учетных записей в ЕСИА, но требуется более детальная дифференциация. Для просмотра публичной информации достаточно анонимного доступа, для получения государственных услуг – подтвержденной учетной записи, для совершения сделок – квалифицированной электронной подписи.

Правовая защита цифровой репутации становится критически важной в условиях, когда цифровой образ определяет социальные возможности личности. Необходимо законодательное закрепление права на цифровую репутацию, механизмов ее защиты, ответственности за репутационные атаки. Китай внедрил систему социального кредита, где цифровая репутация имеет правовые последствия. При всей спорности такого подхода он демонстрирует значимость цифровой репутации.

Таким образом, правовая идентичность личности в условиях цифровизации трансформируется из одномерной категории в многоуровневую структуру, включающую традиционную, цифровую и виртуальную составляющие, что требует формирования концепции «гибридной правовой идентичности» [3].

Цифровая идентичность представлена множественными формами – электронной идентификацией, биометрическими данными, цифровыми профилями, виртуальными аватарами, алгоритмической идентичностью, каждая из которых требует специфического правового регулирования.

Основными правовыми рисками цифровой идентичности являются фрагментация правового статуса, кража идентичности, алгоритмическая дискриминация, невозможность цифрового забвения, что требует разработки новых механизмов правовой защиты.

Правовое регулирование цифровой идентичности должно основываться на принципах цифрового суверенитета личности, единства правовой идентичности, градации уровней идентификации, защиты цифровой репутации. Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом правового статуса искусственных цифровых личностей, разработкой механизмов трансграничной переносимости цифровой идентичности, изучением влияния квантовых технологий на системы идентификации [5].

Список литературы

1. *Авакьян С.А.* Конституционное право России. Учебный курс: учебное пособие: в 2 т. Т. 2 [Электронный ресурс] / С.А. Авакьян. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2025. – 936 с. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2162307> (дата обращения: 07.05.2025).
2. *Арутюнов Л.С.* Особенности возникновения преступности по признаку этнической идентичности / Л.С. Арутюнов, М.А. Касьяненко // Современное право. – 2008. – № 5. – С. 80–81.
3. *Бачило И.Л.* Информационное право: учебник для вузов / И.Л. Бачило. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 419 с. – (Высшее образование) [Электронный ресурс] // Образовательная платформа Юрайт. – URL: <https://urait.ru/bcode/559602> (дата обращения: 07.05.2025).
4. *Витрук Н.В.* Общая теория правового положения личности: монография [Электронный ресурс] / Н.В. Витрук. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2026. – 448 с. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2220956> (дата обращения: 07.05.2025).
5. *Карцхия А.А.* Цифровые права и правоприменение [Электронный ресурс] / А.А. Карцхия // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 2 (31). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-prava-i-pravoprimerenie> (дата обращения: 07.05.2025).
6. *Кузнецова С.С.* Биометрическая идентификация в интернете: тенденции правового регулирования в России и за рубежом [Электронный ресурс] / С.С. Кузнецова, А.Н. Мочалов, М.С. Саликов // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2022. – № 476. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/biometricheskaya-identifikatsiya-v-internete-tendentsii-pravovogo-regulirovaniya-v-rossii-i-za-rubezhom> (дата обращения: 07.05.2025).
7. *Акименко М.А.* О некоторых криминологических аспектах ксенофобских проявлений в условиях современных угроз развития общества / М.А. Акименко // Евразийская адвокатура. – 2023. – № 6 (65). – С. 72–75. – DOI: 10.52068/2304-9839_2023_65_6_72.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.10.2017 № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в связи с жалобой гражданина А.И. Сушкова» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_281568/ (дата обращения: 07.05.2025).
9. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (последняя редакция) «О персональных данных» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 07.05.2025).
10. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (последняя редакция) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 07.05.2025).
11. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (последняя редакция) «Об электронной подписи» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/ (дата обращения: 07.05.2025).
12. *Федотов М.А.* Конституционные ответы на вызовы киберпространства / М.А. Федотов // LexRussica. – 2016. – № 3 (112). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnye-otvety-na-vyzovy-kiberprostranstva> (дата обращения: 07.05.2025).
13. *Floridi L.* The Fourth Revolution: How the Infosphere is Reshaping Human Reality / L. Floridi. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – 248 p.
14. Ethical dimension of radical environmentalism: a study of biocentric activism / A. Popov, M. Akimenko, L. Shvachkina [et al.] // International Journal of Ecosystems and Ecology Science. – 2025. – Vol. 15. – No. 4. – P. 325–332. – DOI: 10.31407/ijees15.440.
15. *Solove D.* Understanding Privacy / D. Solove. – Cambridge: Harvard University Press, 2021. – 272 p.

Трансформация механизма правового регулирования в условиях цифровизации

Римар Иван Викторович,

магистрант 3-го курса,
Пятигорский государственный университет,
Пятигорск, Россия

Аннотация. Исследуется влияние цифровых технологий на традиционные элементы правового регулирования. Анализируются особенности электронных правоотношений, цифровых юридических фактов, автоматизированного правоприменения. Рассматривается трансформация правовых норм, субъектов права, актов реализации права в цифровой среде. Выявлены новые элементы механизма правового регулирования: алгоритмические нормы, смарт-контракты, цифровая правосубъектность. Обоснована необходимость адаптации классической теории права к цифровой реальности через расширение понятийного аппарата и переосмысление традиционных правовых конструкций. Предложены критерии эффективности правового регулирования в условиях цифровизации и направления совершенствования законодательства.

Ключевые слова: цифровизация права, электронные правоотношения, цифровые юридические факты, автоматизированное правоприменение, смарт-контракты, алгоритмическое регулирование, искусственный интеллект, цифровая правосубъектность

Transformation of the legal regulation mechanism in the conditions of digitalization

Rimar Ivan Viktorovich,

3rd year Master's Student,
Pyatigorsk State University,
Pyatigorsk, Russia

Abstract. The influence of digital technologies on traditional elements of legal regulation is investigated. The features of electronic legal relations, digital legal facts, and automated law enforcement are analyzed. The transformation of legal norms, subjects of law, acts of implementation of law in the digital environment is considered. New elements of the mechanism of legal regulation have been identified: algorithmic norms, smart contracts, and digital legal personality. The necessity of adapting the classical theory of law to digital reality through the expansion of the conceptual framework and rethinking of traditional legal structures is substantiated. Criteria for the effectiveness of legal regulation in the context of digitalization and directions for improving legislation are proposed.

Keywords: digitalization of law, electronic legal relations, digital legal facts, automated law enforcement, smart contracts, algorithmic regulation, artificial intelligence, digital legal personality

Цифровая трансформация общественных отношений фундаментально изменяет традиционные механизмы правового регулирования [11]. Внедрение искусственного интеллекта, блокчейн-технологий, Интернета вещей создает качественно новую среду правового взаимодействия, требующую переосмысления базовых категорий юридической науки [12].

По данным Минцифры России, к 2024 г. доля граждан, использующих механизмы получения государственных услуг в электронной форме, достигла 89,6% [11]. Количество юридически значимых действий, совершаемых в цифровой среде, ежегодно увеличивается на 35–40% [5]. При этом правовая теория продолжает оперировать категориями, сформированными в доцифровую эпоху, что создает концептуальный разрыв между правовой доктриной и реальностью [1].

Теоретические аспекты цифровизации права исследовались в работах И.Л. Бачило, Т.Я. Хабриевой, Н.Н. Черногора. Вопросы электронного правительства и цифровых услуг анализировались А.Б. Дидикиным, В.Д. Зорькиным. Проблематика искусственного интеллекта в праве рассматривалась П.М. Морхатом, В.Б. Наумовым. Зарубежный опыт правового регулирования цифровых технологий изучался М.А. Рожковой, А.И. Савельевым. Однако комплексное исследование трансформации механизма правового регулирования в условиях цифровизации остается актуальной научной задачей.

Цель исследования – выявить направления и закономерности трансформации механизма правового регулирования под влиянием цифровых технологий.

Задачи исследования:

1. Проанализировать изменения традиционных элементов механизма правового регулирования.
2. Исследовать новые элементы и формы правового регулирования в цифровой среде.
3. Определить особенности правоприменения в условиях цифровизации.
4. Разработать предложения по адаптации теории права к цифровой реальности.

Методология исследования основывается на системном, структурно-функциональном, формально-юридическом методах, а также методе правового моделирования.

Цифровизация качественно изменяет все базовые элементы механизма правового регулирования, придавая им новые свойства и характеристики [5].

Правовые нормы в цифровую эпоху приобретают технологическую обусловленность. Традиционная словесно-текстовая форма дополняется алгоритмическим выражением [12]. Как отмечает Т.Я. Хабриева, происходит «машиночитаемость» права – перевод правовых предписаний в формат, понятный информационным системам [11]. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций» ввел понятие «программный код», который может выполнять регулятивную функцию наряду с традиционными нормами [10].

Анализ практики показывает формирование двухуровневой системы нормативного регулирования: первый уровень – традиционные правовые нормы, второй – технические стандарты и протоколы, имеющие нормативное значение [7]. Например, ГОСТ Р 34.10–2018 «Информационная технология. Криптографическая защита информации» фактически устанавливает обязательные требования для электронной подписи, дополняя положения Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ.

Субъекты права в цифровой среде представлены не только традиционными участниками – физическими и юридическими лицами, но и новыми квазисубъектами [6]. Возникает феномен «электронных лиц» – автономных программных агентов, способных совершать юридически значимые действия. Европейский парламент в Резолюции от 16 февраля 2017 г. предложил концепцию «электронной личности» для наиболее сложных роботов [13].

В российском праве элементы цифровой правосубъектности проявляются в институте роботизированных инвестиционных советников (Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 306-ФЗ), которые самостоятельно формируют инвестиционные рекомендации на основе алгоритмов.

Юридические факты в цифровой среде приобретают автоматизированный характер. Традиционное деление на события и действия дополняется категорией «цифровых событий» – автоматически фиксируемых изменений в информационных системах. Постановление Правительства РФ от 3 апреля 2020 г. № 440 установило, что факт предоставления государственной услуги подтверждается записью в Единой системе межведомственного электронного взаимодействия.

По данным ФНС России, в 2023 г. более 70% налоговых обязательств возникало автоматически на основе данных информационных систем без волевых действий налогоплательщика. Это свидетельствует о формировании нового типа юридических фактов – алгоритмически генерируемых.

Цифровизация порождает качественно новые инструменты правового воздействия, не имеющие аналогов в традиционной юридической практике [12].

Смарт-контракты представляют собой самоисполняющиеся соглашения, где условия сделки непосредственно записаны в программном коде [12]. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах» признал смарт-контракт способом исполнения обязательств [9]. Как указывает А.И. Савельев, смарт-контракт объединяет нормативный и исполнительный элементы, устраняя стадию правоприменения.

Анализ арбитражной практики показывает рост споров, связанных со смарт-контрактами: в 2023 г. рассмотрено 47 дел, что в 3 раза больше, чем в 2021 г. [4]. Основная проблема – определение применимого права и юрисдикции при трансграничном характере блокчейн-транзакций [12].

Регулятивные песочницы (regulatory sandboxes) создают особый правовой режим для тестирования инновационных решений [10]. В России действуют экспериментальные правовые режимы в сфере искусственного интеллекта (Постановление Правительства РФ от 16 октября 2020 г. № 1697), беспилотного транспорта, телемедицины [8]. Это принципиально новый механизм – «пробное» регулирование с возможностью корректировки правовых норм по результатам эксперимента [11].

Алгоритмическое регулирование основано на использовании искусственного интеллекта для принятия юридически значимых решений [8]. Федеральная служба судебных приставов внедрила систему автоматического наложения ареста на счета должников, которая в 2023 г. обработала более 5 млн исполнительных производств [8]. Государственная автоматизированная система «Правосудие» используется для распределения дел между судьями, что фактически представляет собой алгоритмическое определение подсудности.

Платформенное регулирование реализуется через цифровые платформы, устанавливающие правила взаимодействия участников. Единый портал государственных услуг, помимо технической инфраструктуры, создает нормативную среду взаимодействия граждан и государства. Количество услуг на портале достигло 390, каждая со своим регламентом, что формирует параллельную систему процедурных норм [5].

Цифровизация радикально трансформирует правоприменительную деятельность, создавая новые формы и методы реализации правовых предписаний.

Автоматизированное правоприменение исключает человеческое участие в принятии решений [8]. ФНС России использует риск-ориентированный подход с автоматическим отбором налогоплательщиков для проверки на основе 89 критериев. В 2023 г. 67% камеральных проверок инициировано автоматически. Это поднимает вопрос о соблюдении принципа индивидуализации юридической ответственности [7].

Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 26 декабря 2017 г. № 57 указал на необходимость возможности обжалования автоматизированных решений с участием должностного лица. Однако механизм такого обжалования остается неурегулированным, что создает правовую неопределенность.

Предиктивное правоприменение использует технологии больших данных для прогнозирования правонарушений [8]. МВД России внедряет систему «Безопасный город» с функцией предиктивной аналитики. По данным ведомства, точность прогнозирования мест совершения преступлений достигает 78% [8]. Возникает этико-правовая дилемма: можно ли применять превентивные меры на основе вероятностных прогнозов?

Электронное правосудие трансформирует судебную систему. Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2023 г. 43% исковых заявлений подано в электронном виде, проведено более 250 тысяч онлайн-заседаний. Кодекс административного судопроизводства РФ (ст. 125.1) допускает рассмотрение дел в порядке упрощенного производства без вызова сторон на основе электронных документов.

Цифровая трансформация создает фундаментальные вызовы для правовой системы, требующие концептуального переосмысления базовых категорий права [5].

Проблема правовой определенности обостряется в условиях алгоритмической непрозрачности. Граждане не понимают логику автоматизированных решений, что нарушает принцип предсказуемости правового регулирования. Европейский регламент GDPR установил «право на объяснение» алгоритмических решений, однако в российском праве аналогичная норма отсутствует.

Территориальные пределы правового регулирования размываются в цифровом пространстве [7]. Трансграничный характер интернет-отношений создает коллизии юрисдикций. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации» пытается решить проблему через концепцию «направленности на территорию РФ», но критерии такой направленности остаются дискуссионными.

Темпоральные характеристики права изменяются под влиянием скорости технологических изменений. Традиционный законодательный процесс не успевает за развитием технологий. В.Д. Зорькин отмечает необходимость «гибкого права», способного адаптироваться к изменениям. Механизм регулятивных песочниц частично решает проблему, но требует дальнейшего развития.

Субъектность искусственного интеллекта становится ключевым вопросом правовой теории [2]. П. М. Морхат предлагает концепцию «квазисубъекта права» для систем ИИ [3]. Практическая необходимость очевидна: беспилотные автомобили, торговые роботы совершают действия с правовыми последствиями [8]. Требуется новая модель распределения ответственности между разработчиком, оператором и самой системой.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Цифровизация приводит к качественной трансформации всех элементов механизма правового регулирования: правовые нормы приобретают алгоритмическую форму, субъекты права дополняются электронными агентами, юридические факты генерируются автоматически, правоприменение осуществляется без участия человека.
2. Формируются принципиально новые инструменты правового воздействия – смарт-контракты, регулятивные песочницы, платформенное и алгоритмическое регулирование, не укладывающиеся в традиционную теоретическую модель и требующие концептуального осмысления [12].
3. Классическая теория права нуждается в существенной адаптации через расширение категориального аппарата, пересмотр принципов правового регулирования, разработку новых критериев эффективности с учетом особенностей цифровой среды.
4. Ключевыми направлениями развития правового регулирования являются: обеспечение прозрачности алгоритмических решений, создание механизмов ответственности за действия автономных систем, разработка международных стандартов цифрового права [13].

Теоретическая значимость исследования заключается в выявлении закономерностей трансформации механизма правового регулирования и обосновании необходимости новой парадигмы цифрового права [11]. Практическая значимость состоит в разработке предложений по совершенствованию правового регулирования цифровых технологий.

Перспективы исследования связаны с изучением конкретных механизмов правового регулирования в метавселенных, разработкой правовой модели взаимодействия человека и искусственного интеллекта, созданием теории цифровых прав человека [6].

Список литературы

1. *Бачило И.Л.* Цифровизация управления и экономики – задача общегосударственная [Электронный ресурс] / И.Л. Бачило // Государство и право. – 2018. – № 2. – С. 59–69. – (Право и информатика). – URL: <https://bik.sfu-kras.ru/elib/view?id=PRSV-gopr/2018/2-149909566> (дата обращения: 15.06.2025).
2. *Белозерцева В.В.* Правовое регулирование искусственного интеллекта [Электронный ресурс] / В.В. Белозерцева // Пробелы в российском законодательстве. – 2024. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-iskusstvennogo-intellekta-2> (дата обращения: 15.06.2025).
3. *Евдокимов А.Ю.* Немного об искусственном интеллекте. Рецензия на монографию П. М. Морхата «Искусственный интеллект: правовой взгляд» (Москва: Буки Веди, 2017) [Электронный ресурс] / А.Ю. Евдокимов // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2018. – № 3 (31). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nemnogo-ob-iskusstvennom-intellekte-retsenziya-na-monografiyu-p-m-morhata-iskusstvennyy-intellekt-pravovoy-vzglyad-m-buki-vedi-2017> (дата обращения: 15.06.2025).
4. *Кобелев Н.К.* Смарт-контракты: обзор степени изученности в российской научной литературе [Электронный ресурс] / Н.К. Кобелев // Отечественная юриспруденция. – 2023. – № 1 (50). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smart-kontrakty-obzor-stepeni-izuchennosti-v-rossiyskoy-nauchnoy-literature> (дата обращения: 15.06.2025).
5. *Наумов В.Б.* Право в эпоху цифровой трансформации: в поисках решений [Электронный ресурс] / В.Б. Наумов // Российское право: образование, практика, наука. – 2018. – № 6 (108). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-v-epohu-tsifrovoy-transformatsii-v-poiskah-resheniy> (дата обращения: 15.06.2025).
6. *Понкин И.В.* К вопросу о понятии и онтологии цифровых прав [Электронный ресурс] / И.В. Понкин, А.И. Редькина // Пермский юридический альманах. – 2021. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-i-ontologii-tsifrovyyh-prav> (дата обращения: 15.06.2025).

7. Право в сфере интернета: сборник статей [Электронный ресурс] / рук. авт. кол. и отв. ред. д.ю.н. М.А. Рожкова. – Москва: Статут, 2018. – 528 с. – (Анализ современного права). – URL: https://rozhkova.com/books_text/PRAVO_internet.pdf (дата обращения: 15.06.2025).
8. *Талапина Э.В.* Искусственный интеллект и правовые экспертизы в государственном управлении [Электронный ресурс] / Э.В. Талапина // Вестник СПбГУ. Серия 14: Право. – 2021. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-i-pravovye-ekspertizy-v-gosudarstvennom-upravlenii> (дата обращения: 15.06.2025).
9. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (последняя редакция) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 15.06.2025).
10. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ (последняя редакция) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/ (дата обращения: 15.06.2025).
11. *Хабриева Т.Я.* Право в условиях цифровой реальности [Электронный ресурс] / Т.Я. Хабриева, Н.Н. Черногор // Журнал российского права. – 2018. – № 1 (253). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-v-usloviyah-tsifrovoy-realnosti> (дата обращения: 15.06.2025).
12. *De Filippi P.* Blockchain and the Law: The Rule of Code / P. De Filippi, A. Wright. – Cambridge: Harvard University Press, 2019. – 312 p.
13. European Parliament Resolution on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103 (INL)) // European Parliament. – 2017. – February 16.

Правовой плюрализм в условиях глобализации: взаимодействие национального и международного права

Сайдумов Джамбулат Хамидович,

ведущий научный сотрудник,
Институт государства и права
Российской академии наук,
Москва, Россия;
профессор кафедры истории,
Чеченский государственный педагогический
университет,
Грозный, Россия

Сайдумов Марат Хамидович,

младший научный сотрудник,
Комплексный научно-исследовательский институт
Российской академии наук,
Грозный, Россия

Аннотация. В представленной работе осуществляется сквозной анализ взаимовлияния международно-правовых и национально-правовых систем в контексте глобализационных вызовов. Исследование структурировано вокруг двух взаимосвязанных осей: теоретико-методологической (критический разбор существующих доктрин и моделей соотношения правопорядков) и практико-ориентированной (анализ конкретных имплементационных траекторий и адаптационных процедур). Предметом исследования являются фундаментальные доктрины, определяющие контуры взаимодействия международного и национального права. Особый акцент делается на анализе современных общественно-политических детерминант, оказывающих трансформирующее воздействие на это взаимодействие. В фокусе внимания находится феномен глобализации, исследуемый не как абстрактный фон, а как активный фактор, реструктурирующий внутренние правовые институты. Итоговые выводы исследования формируются на основе применения метода системного анализа, что позволяет интерпретировать выявленные тенденции не как изолированные явления, а как элементы единой развивающейся правовой реальности, характеризующейся возрастающей сложностью и взаимозависимостью своих компонентов. В статье подчеркивается важность и неизбежность доминирования национального законодательства – важнейшего элемента правового суверенитета Российской Федерации. Данный фундамент является прочной базой стратегического развития в противодействии внешним силам, ориентированным на дестабилизацию базовых основ национальной государственности и самобытности Российской Федерации. В статье эпизодически рассмотрен в том числе советский опыт.

Ключевые слова: право, плюрализм, глобализация, традиционные ценности, закон, конституция, национальное законодательство

Legal pluralism in the context of globalization: Interaction of national and international law

Saidumov Dzhambulat Khamidovich,

Leading Researcher,
Institute of State and Law of the Russian Academy
of Sciences,
Moscow, Russia;
Professor at History Department,
Chechen State Pedagogical University,
Grozny, Russia

Saidumov Marat Khamidovich,

Junior Researcher,
Complex Research Institute of the Russian Academy
of Sciences,
Grozny, Russia

Abstract. This paper provides a comprehensive analysis of the mutual influence of international and national legal systems in the context of globalization challenges. The research is structured around two interrelated axes: theoretical-methodological (a critical examination of existing doctrines and models of the relationship between legal orders) and practice-oriented (analysis of specific implementation trajectories and adaptation procedures). The subject of the study is the fundamental doctrines that define the contours of the interaction between international and national law. Particular emphasis is placed on the analysis of modern socio-political determinants that have a transformative impact on this interaction. The focus is on the phenomenon of globalization, examined not as an abstract background, but as an active factor restructuring domestic legal institutions. The final conclusions of the study are based on the application of the system analysis method, which allows interpreting the identified trends not as isolated phenomena, but as elements of a single evolving legal reality characterized by increasing complexity and interdependence of its components. The article emphasizes the importance and inviolability of the dominance of national legislation – the most important element of the legal sovereignty of the Russian Federation. This foundation is a solid basis for strategic development in countering external forces aimed at destabilizing the fundamental foundations of the national statehood and unique identity of the Russian Federation. The article also episodically examines the Soviet experience.

Keywords: law, pluralism, globalization, traditional values, statute, constitution, national legislation

В современной доктрине права сформировались две фундаментальные теоретические парадигмы, предлагающие конкурирующие объяснения природы соотношения международного и внутригосударственного права: дуалистическая и монистическая концепции. Данные парадигмы устанавливают принципиальные доктринальные основания, определяющие механизм инкорпорации международно-правовых норм в национальное правовое пространство, устанавливают иерархическую соподчиненность правопорядков и предлагают модели разрешения возникающих между ними нормативных коллизий. Как отмечают А.О. Бокова, В.П. Канищев, Р.Р. Палеха, монистическая теория, исходящая из постулата о единстве правовой материи, рассматривает международное и национальное право как взаимосвязанные элементы единого нормативного континуума [1]. В рамках развития западной правовой доктрины существенный вклад в осмысление взаимосвязи международного и внутригосударственного права внесли такие европейские ученые, как Ганс Кельзен, Херш Лаутерпахт, Карл Шмидт и Альберт Цорн. Их теоретические конструкции заложили основу для последующего анализа этого сложного взаимодействия. Классическая российская научная школа также обладает глубокими традициями в исследовании данной проблематики. Классические работы дореволюционных юристов Л.А. Комаровского и Ф.Ф. Мартенса получили развитие в трудах советских и российских правоведов С.А. Бахина, В.Г. Буткевича, Г.В. Игнатенко, Г.И. Тункина, Д.Б. Левина, И.И. Лукашука, Г.И. Курдюкова, С.В. Черниченко и др. [2]. Наследие этих авторов формирует прочную теоретическую базу для современных исследований в контексте обновляющейся правовой системы России.

В рамках данной доктрины выделяются два ключевых направления, дифференцирующиеся по критерию определения доминирующего правопорядка. Первое направление утверждает примат международного права, признавая за его нормами высшую юридическую силу и обязывая государство-субъект к их безусловному исполнению даже в случае противоречия внутригосударственному законодательству. Второе направление, напротив, утверждает примат национального права, допуская действие международных норм в правовой системе государства исключительно посредством их опосредования (трансформации или имплементации) национальными правовыми актами. Исторически сложилось так, что модель примата международного права нашла свое наиболее последовательное воплощение в правовых системах государств – участников глубоких интеграционных процессов, в частности в странах Европейского Союза, где наднациональное право обладает верховенством и прямым действием.

Тем не менее в глобальном контексте доминирующей является модифицированная монистическая модель, сочетающая принцип добросовестного выполнения международных обязательств с безусловным приматом национальной конституции. Данный подход формирует конституционный «фильтр» или «барьер», особенно релевантный в отношении актов и решений международных органов. Яркой иллюстрацией этой доктринальной позиции служит положение ч. 3 ст. 79 Конституции Российской Федерации, устанавливающее императивный запрет на исполнение в России решений межгосударственных органов,

если их толкование положений международных договоров входит в противоречие с конституционными предписаниями [1]. Хотя и до конституционной реформы 2020 г. Конституция Российской Федерации прямо не регламентировала процедурные аспекты введения договора в правовую систему, системное толкование ее положений в контексте ст. 14, 15 и 106 позволяет утверждать, что источником внутригосударственного права становится исключительно тот договор, обязательность которого была одобрена посредством принятия специального федерального закона. Именно акт ратификации, представляющий собой императивное волеизъявление суверена, трансформирует международное обязательство в элемент национальной правовой ткани, делая его непосредственно действующим и придавая ему силу, сопоставимую с федеральным законом. Таким образом, процедура ратификации выступает не только техническим условием, но и конституционно-правовым фильтром, обеспечивающим контроль государства за интеграцией международных норм и гарантирующим соответствие таких норм основам конституционного строя и публичным интересам Российской Федерации [4].

Проблема интерференции международного и внутригосударственного права представляет собой один из стержневых вопросов современной юридической доктрины как в зарубежной, так и в отечественной науке. Теоретический анализ данной проблемы распространяется на широкий спектр аспектов – от исследования общих принципов иерархии и субординации правовых норм до изучения отраслевой специфики их имплементации. Фундаментальным нормативным основанием, определяющим специфику российской правовой модели в этой сфере, выступает положение ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации. Согласно данной норме, общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры Российской Федерации признаются интегральной частью ее национальной правовой системы. Эта конституционная формула порождает ситуацию нормативного дуализма, при которой международные предписания, формально инкорпорируясь во внутренний правопорядок, продолжают оставаться элементом автономной правовой системы. Данная правовая конструкция создает основу не только для их прямого применения уполномоченными государственными органами, но и для доктринально-судебной аккомодации – процесса адаптивного толкования, учитывающего как букву международного обязательства, так и контекст национального законодательства, правоприменительной практики и публичных интересов государства. Таким образом, конституционный принцип выполняет не только интегративную, но и медиативную функцию, легитимизируя диалог между правопорядками и формируя правовые рамки для их сбалансированного взаимодействия [2].

При этом согласимся с отечественными исследователями, что в российской и европейской юридической доктрине проблематика интерференции международного и внутригосударственного права сохраняет устойчивую научную актуальность. Исследовательский дискурс охватывает как теоретико-методологические вопросы субординации правопорядков, так и практические аспекты нормативной адаптации в отдельных отраслях права. Принципиальной основой отечественного правопорядка в данной сфере выступает конституционная норма, закрепляющая инкорпорацию общепризнанных принципов и норм международного права в правовую систему Российской Федерации (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ). Данная формулировка порождает уникальный правовой феномен, при котором международные нормы, обретая статус элемента национальной правовой системы, одновременно сохраняют свою генезисную природу. Эта двойственность предопределяет не только возможность их непосредственной административной и судебной аппликации, но и неизбежность специфического доктринального и правоприменительного толкования, осуществляемого через призму национальных правовых традиций и государственных интересов. Таким образом, конституционный принцип служит не только механизмом интеграции, но и правовым основанием для селективной аккультурации международно-правовых стандартов в рамках российской юридической практики.

В правовой системе Российской Федерации доминирующим механизмом инкорпорации (превращения в часть внутреннего права) норм международного права являлась их трансформация посредством ратификации в форме федерального закона. Данная процедура придает международному договору силу и статус национального правового акта. Иллюстрацией служит ратификация Конвенции ООН против коррупции 2003 г. Федеральным законом от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ, что интегрировало ее положения в отечественное правовое поле [1]. Наряду с трансформацией, российский законодатель применял и иной метод – правовую отсылку. Этот механизм имплементации заключается во включении в национальное законодательство прямой ссылки на конкретные международные нормы или целые договорные массивы,

которые тем самым приобретают юридическую силу без текстуального воспроизведения. Подобный подход характерен для сложных и динамичных регулятивных сфер, таких как правила Всемирной торговой организации или конвенции Международной организации труда, требующих гибкости. Наиболее принципиальное значение отсылка как способ признания примата международного права имеет в базовом акте, регламентирующем его взаимодействие с национальным правовым порядком. Так, ст. 15 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» содержит императивную норму, устанавливающую приоритет применения правил ратифицированного международного договора в случае коллизии с нормами внутригосударственного закона. Эта норма служит ключевой доктринальной и практической основой для разрешения юрисдикционных конфликтов в пользу международных обязательств [1]. Несмотря на устоявшийся в теории и практике инструментарий имплементации – инкорпорацию, трансформацию и отсылку – его эффективность в поддержании устойчивого равновесия между соблюдением международных обязательств и охраной государственного суверенитета оказывается недостаточной. Данный дефицит баланса актуализируется в условиях современных глобальных трансформаций, когда кризисные явления в архитектуре глобализации напрямую воздействуют на характер и интенсивность взаимодействия правовых порядков. В этом контексте представляется перспективным развитие институциональных форм контроля за исполнением международно-правовых норм. Одним из возможных векторов совершенствования может выступать учреждение в рамках международных интеграционных объединений специализированных органов, наделенных полномочиями по мониторингу имплементации. Выносимые такими органами решения, носящие обязательный характер для государств-участников, могли бы способствовать повышению предсказуемости и единообразия в применении общих норм.

Таким образом, взаимодействие международного и национального права продолжит оставаться областью динамичного развития и правового экспериментирования. Его центральной дилеммой является поиск оптимальной модели, которая, с одной стороны, обеспечивала бы эффективную адаптацию национальных правовых систем к императивам международного права в эпоху глобальной взаимозависимости, а с другой – гарантировала сохранение суверенных основ и идентичности национального правового порядка как условия его стабильности и легитимности. Разрешение этой дилеммы видится в постоянной эволюции правовых механизмов, способных гибко реагировать на меняющийся глобальный контекст [1]. Позиция Российской Федерации до 2020 г. при отстаивании ею своих национальных интересов в вопросах соотношения международного права и норм национального права исследователями характеризуется как «умеренный монизм» [2]. Определение параметров диалога между национальным и международным правом составляет неотъемлемое право суверенного государства, реализуемое через его правовую политику. В основе этого диалога лежит диалектика соотношения (простого сопоставления) и взаимодействия (активного взаимовлияния) двух систем, имеющих общие цели, но различные источники и механизмы действия. Современная правовая действительность, в частности в европейских государствах и в Российской Федерации, продемонстрировала преобладание дуалистической парадигмы, однако в существенно трансформированном виде. Речь идет не о механической рецепции, а о селективной имплементации, опосредованной национальными конституционными принципами. Российская правовая система, таким образом, воплощает модель открытости с конституционными гарантиями суверенитета, где прямое действие международных норм допускается только после их проверки на соответствие Конституции РФ, что выступает системным «фильтром» суверенного характера [3].

Конституционная реформа 2020 г. окончательно закрепила в высшем законе страны доктринальную позицию, утверждающую безусловный приоритет Конституции и национального правового порядка Российской Федерации над решениями межгосударственных органов. Данная норма стала логичным правовым выражением фундаментальных принципов государственного суверенитета и недопустимости вмешательства во внутренние дела. Внесенные в Конституцию Российской Федерации поправки произвели доктринальный сдвиг в регулировании соотношения международного и внутригосударственного права. Новая редакция ст. 79 Конституции Российской Федерации конституционно оформила императив, согласно которому исполнение решений межгосударственных структур не может осуществляться в ущерб суверенитету и основам конституционного строя России. Таким образом, был четко артикулирован и возведен в ранг конституционного принцип, отстаивающий верховенство национального интереса и защиту от внешнего вмешательства. Это означает, что любое решение или договор международного

характера подлежит реализации в российском правовом поле исключительно при условии его соответствия Конституции РФ. Данная правовая новелла является прямым закреплением на высшем нормативном уровне теории правового суверенитета, отстаивающей примат национальной конституционной идентичности и незыблемость принципа невмешательства. Мы считаем важным отметить, что это не полностью оригинальная новелла, а закономерное возрождение некогда уже существовавшей формы защиты правового суверенитета еще советского периода. Поэтому изменения 2020 г. являются не новым для национальной правовой системы, а закономерным возвращением к успешно апробированным еще в советский период позициям.

В советской правовой доктрине господствовал подход, отрицавший примат международного права и утверждавший безусловный приоритет внутригосударственного (национального) социалистического права. Как отмечает И. Н. Барциц, эта позиция была идеологически обусловлена и основывалась на концепции государственного суверенитета в его этатистской трактовке. Однако на уровне позитивного законодательства СССР демонстрировал более сложную, практико-ориентированную модель. Несмотря на доктринальный приоритет национального права, советский законодатель активно использовал механизмы для интеграции международно-правовых обязательств. Это достигалось, в частности, двумя способами: бланкетные нормы, отсылающие к международным договорам; прямые коллизионные предписания, устанавливавшие приоритет правил международного договора над нормами внутреннего закона в случае их расхождения. Яркой иллюстрацией последнего является ст. 29 Закона СССР от 1 декабря 1978 г. «О гражданстве СССР», которая прямо устанавливала: «Если международным договором, в котором участвует СССР, установлены иные правила, чем те, которые содержатся в настоящем законе, то применяются правила международного договора». Более того, данный практический подход получил конституционное закрепление. Статья 29 Конституции СССР 1977 г. включала принцип добросовестного выполнения обязательств, вытекающих из общепризнанных норм международного права и заключенных договоров, в число основополагающих начал советской внешней политики и права. Таким образом, наблюдался характерный дуализм советской правовой системы: при идеологическом и доктринальном утверждении верховенства национального права, на уровне конкретного законодательства и конституционных принципов создавались правовые каналы для имплементации международных норм и обеспечивался приоритет договорных обязательств в определенных сферах. Эта модель может быть охарактеризована как прагматический дуализм с идеологическим приматом внутригосударственного права [4].

Предложенная в Послании Президента Российской Федерации от 15 января 2020 г. конституционная поправка установила принципиально новую норму: решения межгосударственных органов, основанные на толковании международных договоров России, вступающем в противоречие с ее Конституцией, не подлежат исполнению на территории страны. Данная норма трансформировала полномочия Конституционного Суда РФ из диспозитивного в императивные. Согласно новой редакции, КС РФ не только правомочен, но и обязан предпринимать меры по блокированию исполнения в России тех положений международных договоров, интерпретация которых нарушает конституционные предписания. Закономерно возникает вопрос о субъектах подобной противоречащей Конституции интерпретации. В контексте правоприменительной практики очевидно, что таковыми выступают международные и иностранные судебные инстанции. Принятие указанной меры правовой самозащиты было ответом на серию решений международных судов, носивших, по оценке российских властей, явно политизированный и антироссийский характер. Теоретико-правовым фундаментом этой защиты стало правоположение, сформулированное Конституционным Судом РФ еще в Постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П. Его ключевой тезис, ставший впоследствии доктринальным, заключается в невозможности субординационных отношений между европейским и национальным конституционным правопорядком, допустимо лишь их взаимодействие на основе диалога равноправных систем. В решении вводится и обосновывается понятие «конституционный суверенитет государства», неприкосновенность которого обеспечивается защитой «базовых элементов конституционной идентичности» — национальных норм о фундаментальных правах и основах конституционного строя. Таким образом, происходит утверждение нового понимания конституционного суверенитета (*constitutional sovereignty*). В отличие от классических трактовок, в современном российском правовом дискурсе он означает недопустимость любого внешнего воздействия, способного подорвать верховенство национальной Конституции в правовой системе государства.

Суверенитет, свобода от внешнего диктата при принятии решений, безопасность и независимость страны представляют собой исторические константы, формирующие ядро конституционной идентичности России [4]. Конституционная реформа 2020 г. в Российской Федерации стала, в числе прочего, ответом на объективную потребность в легитимации на высшем правовом уровне обновленной системы стратегических национальных ориентиров. Эти ориентиры нашли свое прямое или имплицитное отражение в тексте поправок [5, 6], что привело к их трансформации из политических установок в конституционно-правовые императивы. Необходимость закрепления таких приоритетов в нормах Основного закона обусловлена их системообразующей функцией. Как указывал В.Е. Чиркин [7], конституционные термины и нормы, относящиеся к основам строя, выполняют определяющую и модельную роль, воспринимаясь последующим законодательством, правоприменительной практикой и правосознанием в качестве образца. Таким образом, инкорпорирование стратегических целей в Конституцию РФ обеспечивает им сквозной регулятивный эффект: они получают обязательную силу для всего национального правотворчества и действуют как нормативная матрица, задающая вектор для развития отраслевого законодательства и судебной практики. Конституционное закрепление выполняет двоякую функцию: оно не только фиксирует текущие государственные приоритеты, но и программирует правовое развитие, создавая устойчивый нормативный каркас для их реализации как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Конкретный механизм такого программирования может быть продемонстрирован через сопоставительный анализ содержания ключевых стратегических документов государства и буквального текста поправок к Конституции РФ 2020 г. Данный анализ призван выявить прямые корреляции и логику правовой трансформации политических целей в конституционные нормы [5–7].

На современном этапе государственно-правового развития Российская Федерация в общемировом пространстве занимает последовательную позицию интенсивно развивающегося государства с ярко обозначенной приоритетной национальной моделью ценностей и интересов на основе российской традиционности. Эта кардинальная переоценка внутренней и внешней стратегии нашего государства отлична от времени с 1992 по 2000 г. – восьмилетнего периода с размытыми идеалами и хаотичными идеологическими метаниями, устремленными на Запад и за океан. В контексте стремительных изменений, происходящих во времени и пространстве в современном мире, национальная основа может выступать фактором долгосрочного и последовательного развития российской государственности. Эта проецируемая и успешно реализуемая с начала нулевых годов XX столетия стратегия развития российской государственности к первой четверти XXI в. предполагает реформу политической, правовой и социальной сферы. Успешное решение задач и достижение поставленных целей должно осуществляться в том числе за счет обращения к отечественным философско-правовым концептам прошлого с целью творческого совершенствования в настоящем [8].

Российская Федерация – уникальное государство, его уникальность заключается и в полиэтничном многообразии. В ряде наших работ мы неоднократно обращали внимание на плюралистическую материю правовой культуры, которая является значимой частью традиционности современного российского общества и имеет интеграцию в национальное законодательство [9–14]. Таким образом, современная эпоха, характеризующаяся процессами интенсивной глобальной интерференции, ставит перед национальными правовыми системами фундаментальный вызов, требующий ответа на вопрос о природе их взаимодействия с нормативным массивом *jus gentium* (права народов/международного права). Классическая дихотомия монистической и дуалистической парадигм, *delegata* (по действующему праву), обнаруживает свою недостаточность, уступая место более сложным гибридным моделям. В этом контексте правовая система Российской Федерации демонстрирует эволюцию от доктринального (временного соглашения) к конституционно закреплённому (незыблемому принципу). Таким образом, любая инкорпорация норм *jus gentium* происходит *ipso jure* (в силу самого закона) под условием их конгруэнтности с конституционной идентичностью государства, понимаемой как синтез исторического суверенитета, традиционных ценностей и публичного правопорядка (*ordopublicum*). Конституционная реформа 2020 г., закрепившая в ст. 79 императив неисполнения решений межгосударственных органов, противоречащих Конституции РФ, стала не *casus novus* (новым случаем), а логическим *terminus ad quem* (предельным пунктом) этой эволюции. Она юридически оформила доктрину перманентного конституционного суверенитета, который действует *a priori* (до опыта) и *ab extra* (извне) неотчуждаем. Данный подход можно охарактеризовать как прагматический дуализм с монистическим фильтром: признавая формальный плюрализм источников,

система устанавливает иерархический монизм на уровне валидации, где Конституция выступает как *ultimaratio* (последний довод) и *supremalex* (высший закон). Следовательно, взаимодействие правопорядков перестает быть вопросом простой субординации (*subordinatio*) и трансформируется в диалог на основе процедурной эквивалентности (*pari in parem non habet imperium* – равный над равным не имеет власти). Международно-правовые нормы обретают силу *in foro domestico* (во внутренней сфере) не в силу своего внешнего авторитета, а посредством санкционирующей власти национального *pouvoir constituant* (учредительной власти), выраженной в актах ратификации, которые по сути являются актами автономной имплементации.

Российская модель предлагает ответ на глобальный вызов через примат легитимности над легальностью. Она утверждает, что устойчивость и эффективность международно-правового диалога в условиях плюрализма цивилизаций обеспечивается не унификацией, но взаимным признанием *suigeneris* (уникального) характера каждой национально-правовой традиции и ее права на нормативную самозащиту (*clausula rebus sic stantibus* – оговорка об изменении обстоятельств) в случае посягательств на ее конституционные основы. Таким образом, *lex patriae* (закон отечества) не противопоставляется *jus gentium*, но вступает с ним в сложноопосредованное взаимодействие, где гарантом баланса и конечным арбитром выступает суверенная конституционная воля нации. В условиях глобализации Россия формирует самобытную модель суверенного правового плюрализма. Ее суть – в последовательном примате национальной конституционной традиции, которая определяет условия, формы и пределы диалога с международным правопорядком. Современная конституционная реформа стала не разрывом, а логичным завершением эволюции этой модели, легитимировав на высшем уровне стратегический курс: активное участие в глобальных процессах при безусловной защите основ конституционного строя, национальных интересов и традиционных ценностей как основы общественной стабильности и правового развития. Эта модель представляет собой альтернативу идее глобального правового монизма, предлагая основанный на суверенитете и традиции путь интеграции в мировое правовое пространство.

Список литературы

1. *Бокова А. О.* К вопросу взаимодействия внутригосударственного и международного права в условиях глобализации / А. О. Бокова, В. П. Канищев, Р. Р. Палеха // *Право и государство: теория и практика*. – 2025. – № 4. – С. 39–43.
2. *Магденко А. Д.* Соотношение международного и внутригосударственного права: процессуально-правовые проблемы / А. Д. Магденко, А. Ю. Томилов // *Правосудие/Justice*. – 2021. – Т. 3. – № 3. – С. 189–205. – DOI: 10.37399/2686–9241.2021.3.189–205.
3. *Азнагулова Г. М.* Взаимодействие международного и внутригосударственного права и Конституция Российской Федерации / Г. М. Азнагулова // *LexRussia*. Междисциплинарные исследования. – 2015. – № 8 (Том CV). – С. 84–95.
4. *Барциц И. Н.* Переосмысление соотношения международного и национального права на рубеже эпох (о поправке в статью 79 Конституции Российской Федерации) / И. Н. Барциц // *Государственная служба*. – 2020. – № 1. – С. 33–42.
5. *Комкова Г. Н.* Стратегические национальные приоритеты России в поправках к Конституции РФ 2020 года / Г. Н. Комкова // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*. – 2023. – Т. 23. – Вып. 2. – С. 186–192. – DOI: 10.18500/1994-2540-20-23-23-2-186-192.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // *Собр. законодательства Рос. Федерации*. – 2014. – № 31. – Ст. 4398; 2020. – № 11. – Ст. 1416. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.11.2022).
7. *Касьяненко М. А.* О правовых и «общегражданских» механизмах противодействия этническим конфликтам / М. А. Касьяненко // *Государственная власть и местное самоуправление*. – 2010. – № 3. – С. 6–8.

Научно-технологический прогресс как фактор модернизации отраслевой структуры современного права

Степанян Георгий Эдуардович,

аспирант,
Карачаево-Черкесский филиал Университета «Синергия»,
Черкесск, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу глубоких структурных изменений, происходящих в системе права под влиянием стремительного научно-технологического прогресса. Автор исследует процессы дифференциации и интеграции, ведущие к формированию новых, узкоспециализированных правовых образований, таких как биоправо, климатическое право, киберправо и криптоправо. Особое внимание уделяется становлению функционально-инструментальных и инструментально-технологических отраслей права (коллизийное, цифровое, техническое право), выполняющих служебную роль по отношению к традиционным отраслям.

Ключевые слова: трансформация права, отраслевая структура, научно-технологический прогресс, цифровое право, инструментально-технологические отрасли, биоправо, технологизация права, правовые инновации

Scientific and technological progress as a factor of modernization of the sectoral structure of modern law

Stepanyan Georgy Eduardovich,

Postgraduate,
Karachay-Cherkess Branch of the Synergy University,
Cherkessk, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of profound structural changes taking place in the legal system under the influence of rapid scientific and technological progress. The author explores the processes of differentiation and integration leading to the formation of new, highly specialized legal entities, such as bio-law, climate law, cyber law, and crypto law. Special attention is paid to the development of functional-instrumental and instrumental-technological branches of law (conflict, digital, and technical law), which perform a service role in relation to traditional branches.

Keywords: transformation of law, sectoral structure, scientific and technological progress, digital law, instrumental and technological industries, bio-law, technologicalization of law, and legal innovations

Актуальность исследования структурных изменений системы права в условиях ускоренного развития науки и технологий обусловлена необходимостью осмысления новых правовых реалий. Современный этап характеризуется активным переустройством традиционной отраслевой классификации, что представляет значительный интерес для юридической науки. Наблюдаемый процесс нельзя свести к простому увеличению объема законодательства. Речь идет о качественной трансформации, которая проявляется в двух взаимосвязанных направлениях: дифференциации (дроблении) устоявшихся отраслей и интеграции (объединении) правовых норм вокруг новых технологических и социальных вызовов. Это приводит к возникновению узкоспециализированных правовых образований на стыке традиционных отраслей и современных технологий. Примером служит эволюция медицинского права. Благодаря достижениям в биологии и генетике из него в будущем могут выделиться самостоятельные направления:

1. Биоправо, регулирующее вопросы использования биологических материалов и технологий.
2. Генетическое право, фокусирующееся на правовых аспектах геномных исследований и редактирования генома.
3. Нейроправо, исследующее правовые последствия применения нейротехнологий и изучения мозга [1]. Аналогичные процессы происходят в экологическом праве, где глобальные угрозы способствуют формированию:

- климатического права, направленного на регулирование мер по снижению антропогенного воздействия на климат;
- права биологической безопасности, включающего в себя противопандемийное и антивирусное регулирование.

Цифровая трансформация общества также порождает новые правовые сегменты. Из общего поля информационного права обособляется финансовый сектор, дающий, в свою очередь, начало блокчейну — праву и криптоправу, которые отвечают за правовой режим цифровых активов и децентрализованных технологий. Под влиянием этих изменений требует пересмотра и сама типология отраслей права. Предлагается дополнить классификацию новыми категориями, отражающими современные реалии:

- Институциональные отрасли формируются путем преобразования одного или нескольких правовых институтов в полноценную самостоятельную отрасль. Например, банковское право, когда-то бывшее институтом финансового права, или недавно сформировавшееся миграционное право.
- Функционально-инструментальные и инструментально-технологические отрасли права представляют собой особый тип правовых образований, генезис которых непосредственно обусловлен развитием научно-технического прогресса. Их специфика заключается в том, что, в отличие от традиционных отраслей права, они не ориентированы на регулирование какой-либо конкретной социальной сферы (такой как экономика, семья, экология и т. п.), а выполняют скорее трансверсальную, межотраслевую функцию, обеспечивая правовое сопровождение технологических процессов и цифровых инструментов, применяемых в различных областях общественных отношений [2].

Вместо регулирования самостоятельных сфер общественных отношений указанные отрасли выполняют вспомогательную (сервисную) функцию, направленную на разработку специализированных правовых инструментов, методик и технологий, способствующих более эффективной реализации норм «материальных» отраслей права. К числу таких сервисных отраслей могут быть отнесены, в частности, правовая информатика, исследующая возможности и последствия применения информационных и цифровых технологий в юридической деятельности, а также юридическая техника и правотворческая деятельность, ориентированные на совершенствование процессов формирования, систематизации и кодификации нормативно-правовых актов.

Правовая аналитика (Legal Analytics) использует большие данные и алгоритмы для прогнозирования судебных решений и анализа правовых тенденций. Научно-технологический прогресс выступает катализатором не только для появления новых предметных областей правового регулирования (биоправо, криптоправо), но и для развития специальных отраслей-инструментов. Эти инструментальные отрасли создают технологическую основу для работы всей правовой системы, повышая точность, эффективность и адаптивность права к вызовам современности. Изучение данной динамики является важной задачей для подготовки юристов, способных ориентироваться в усложняющейся структуре правового поля [3].

В контексте структурных преобразований правовой системы особого внимания заслуживает формирование отраслей, имеющих не предметный, а обслуживающий характер. Их появление напрямую связано с необходимостью совершенствования правового инструментария в современных условиях.

Классическими примерами функционально-инструментальных отраслей выступают коллизионное право и медиационное право. Их задача заключается в предоставлении специфических правовых механизмов: коллизионное право предлагает методы разрешения конфликтов между нормами разных правовых порядков, а медиационное право — процедурные технологии альтернативного урегулирования споров. Эти отрасли не регулируют самостоятельные области общественных отношений (например, собственность или труд), а обслуживают другие отрасли, предлагая им готовые процессуальные решения.

Еще более тесно с технологическим прогрессом связано становление инструментально-технологических отраслей. К их числу на современном этапе можно отнести цифровое право, техническое право (регулирующее вопросы стандартизации, безопасности и внедрения технических решений), а также дескриптивное

право, связанное с формализацией и структурированием правовой информации. Их основная функция – обеспечивать иные отрасли права передовыми методологиями и технологическими платформами. Наиболее показательным примером новой генерации является цифровое право. Его формирование – прямое следствие цифровизации всех сфер жизни, включая правовую. В настоящее время представляется более корректным рассматривать цифровое право как динамично развивающийся правовой комплекс, находящийся на стадии активной институциональной кристаллизации. Уже на данном этапе наблюдается выраженная тенденция к внутренней дифференциации указанной правовой сферы, что обуславливает формирование узкоспециализированных подотраслей, обладающих собственной нормативной и концептуальной спецификой.

Так, повсеместное внедрение алгоритмов в качестве новых социальных и правовых регуляторов порождает дискуссии о зарождении алгоритмического права. Оно может стать ответвлением цифрового права, специализирующимся на правовом статусе алгоритмов, их сертификации, ответственности за их решения и защите прав граждан в условиях алгоритмического управления. Параллельно, по мере юридизации программирования и признания программного кода источником нормативных предписаний, может сформироваться право программирования, устанавливающее стандарты, ответственность и этические рамки для разработчиков. В долгосрочной перспективе эти комплексы могут интегрироваться в более общее образование – право информационных технологий (IT-право) [4]. Ключевая роль цифрового права как инструментально-технологической отрасли заключается в обслуживании и модернизации традиционных отраслей. Это проявляется в нескольких направлениях:

- Развитие методологии юридической науки: формируются новые подходы к изучению права на стыке реального и виртуального миров.
- Создание цифровых институтов публичной власти: реализуются проекты электронного правительства, цифрового правосудия и электронных выборов.
- Внедрение цифровых юридических технологий: оцифровываются процессы правотворчества, юридического прогнозирования, моделирования правовых последствий, а также мониторинга правоприменения.
- Экспертно-аналитическая деятельность: применяются технологии цифровой обработки и экспертизы проектов нормативных актов для повышения их качества и непротиворечивости.

Тем самым цифровое право выступает катализатором технологизации всей правовой системы. Его развитие создает прецедент и инфраструктуру для возникновения в будущем иных инструментально-технологических отраслей, которые будут отвечать на вызовы следующих технологических укладов. Эта тенденция свидетельствует о переходе права в новое качественное состояние, где технологическая эффективность становится неотъемлемым элементом правового регулирования. Анализируя инструментально-технологические отрасли, необходимо отдельно рассмотреть две значимые составляющие: техническое право и дескриптивное право. Их роль в современном правовом регулировании неуклонно возрастает, что порождает как новые возможности, так и серьезные системные вызовы [5].

В юридический лексикон прочно входит термин «техническое право». Оно представляет собой обширный массив технических норм, стандартов и регламентов, которые обеспечивают безопасность, качество и функциональную определенность в ключевых сферах жизнедеятельности. К таким нормам относятся: строительные нормы и правила (СНиПы, СП), правила устройства и безопасной эксплуатации оборудования (ПУБЭ), санитарно-эпидемиологические правила и нормативы (СанПиНы), экологические нормативы выбросов и предельно допустимых концентраций, стандарты пожарной, промышленной и технологической безопасности, нормативы в области биологии, медицины, градостроительства и благоустройства. Эти документы, обладая юридической обязательностью, формализуют технические и научные знания, переводя их в плоскость правового регулирования.

Параллельно усиливается значение дескриптивного права – совокупности документов, которые используют графические, картографические и аналитические средства (карты, схемы, диаграммы, графики, таблицы) для наглядного описания состояния и динамики общественных отношений. Эти дескрипции перестают быть просто иллюстрациями, превращаясь в легитимное основание для правотворческих и управленческих решений. Они активно применяются в стратегических документах, государственных программах и служат базой для постановки целей в области регулирования прав человека. Примером силы дескриптивного права стала пандемия COVID-19. Графики и диаграммы, отображающие динамику

заболеваемости, ежедневно публиковались в СМИ и стали ключевым, общедоступным обоснованием для введения ограничительных мер, затрагивающих фундаментальные права и свободы. Этот прецедент демонстрирует, как визуализированные данные могут напрямую влиять на содержание и строгость правового регулирования [6].

Однако прогрессирующая технологизация права несет в себе серьезные риски, которые пока недооцениваются как законодателями, так и правоприменителями. Главная опасность заключается в потенциальном снижении социальной и гуманитарной составляющей права. Чрезмерный акцент на технических нормативах и алгоритмических решениях может привести к вытеснению из права норм морали, социальной этики, принципов справедливости и защиты традиционных цивилизационных ценностей. Право рискует превратиться в безличный механизм, лишенный человеческого измерения. В связи с этим приобретает критическую важность задача установления разумных пределов техничности в праве. Необходимо выработать четкие критерии и процедуры, ограничивающие внедрение технологических регуляторов в те сферы, которые непосредственно затрагивают ядро прав и свобод личности. Крайне важно сформировать эффективные институты гражданского и экспертного контроля за процессами технического и технологического нормотворчества. Это позволит обеспечить прозрачность, публичную дискуссию и оценку последствий таких нововведений с позиций не только эффективности, но и права [7].

Исходя из всего вышесказанного можно сделать вывод, что трансформация системы права под влиянием технологий – это объективный, но требующий осмысленного управления процесс. Стихийное доминирование технико-технологических регуляторов создает угрозу подмены фундаментальных правовых ценностей и принципов, определяющих смысл существования правопорядка и цивилизации в целом. Во избежание этого необходимо активное формирование правовых рамок и процедур самой технологизации, которые обеспечат гармоничную интеграцию новых инструментов, сохранив при этом человекоцентричную и ценностную природу права.

Список литературы

1. Право на биологическую безопасность в Российской Федерации: монография / И.А. Умнова-Конюхова, И.А. Алешкова, А.О. Филатова, Н.Е. Сапельченко; отв. ред. И.А. Умнова-Конюхова; ИНИОН РАН. – Москва, 2024. – 230 с.
2. Тихомиров Ю.А. Право и цифровая трансформация / Ю.А. Тихомиров, Н.В. Кичигин, Ф.В. Цомартова, С.Б. Бальхаева // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – № 2.
3. Адыгезалова Г.Э. Цифровые права и цифровое право: от общего к частному / Г.Э. Адыгезалова, Ю.Н. Черноmidз // Форум молодых ученых. – 2018. – № 4 (20).
4. Лисица В.Н. Цифровые права и цифровая валюта в международном и российском инвестиционном праве / В.Н. Лисица // Труды Института государства и права РАН. – 2023. – № 4.
5. Давыдова М.Л. Формирование и нормализация юридической терминологии в сфере цифровых технологий / М.Л. Давыдова // Вестник ВолГ У. Серия 2: Языкознание. – 2020. – № 4.
6. Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы / Э.В. Талапина // Журнал российского права. – 2018. – № 2. – С. 17.
7. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности / Т.Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2018. – № 9. – С. 12.
8. Зорькин В.Д. Providentia или о праве будущего в эпоху цифровизации / В.Д. Зорькин // Государство и право. – 2020. – № 6. – С. 7–19.

Механизм правового регулирования взаимоотношений личности и государства: элементы, стадии, эффективность

Темирова Радмила Расуловна,

аспирант,
Карачаево-Черкесский филиал Университета «Синергия»,
Черкесск, Россия

Аннотация. В работе проводится общетеоретический анализ механизма правового регулирования отношений между личностью и государством. Исследуются элементы механизма: правовые нормы, правоотношения, акты реализации прав и обязанностей, акты применения права, правовое сознание и правовая культура. Анализируются стадии правового регулирования и критерии его эффективности. Особое внимание уделяется специфике этого механизма в сравнении с регулированием частноправовых отношений. Выявлено, что механизм правового регулирования взаимоотношений личности и государства обладает значительной спецификой, связанной с властным характером одной из сторон и необходимостью особых гарантий для защиты прав личности. Разработаны критерии оценки эффективности этого механизма через анализ достижения баланса интересов и обеспечения прав личности.

Ключевые слова: механизм правового регулирования, личность и государство, правовой статус личности, публичные правоотношения, эффективность права, правовые гарантии, права человека, теория государства и права

Mechanism of legal regulation of personality and state relations: Elements, stages, and effectiveness

Temirova Radmila Rasulovna,

Postgraduate,
Karachay-Cherkess Branch of the Synergy University,
Cherkessk, Russia

Abstract. The paper provides a general theoretical analysis of the mechanism of legal regulation of relations between the individual and the state. The elements of the mechanism are investigated: legal norms, legal relations, acts of realization of rights and obligations, acts of application of law, legal consciousness and legal culture. The stages of legal regulation and criteria of its effectiveness are analyzed. Special attention is paid to the specifics of this mechanism in comparison with the regulation of private law relations. It is revealed that the mechanism of legal regulation of the relationship between the individual and the state has significant specifics related to the domineering nature of one of the parties and the need for special guarantees to protect individual rights. Criteria for evaluating the effectiveness of this mechanism have been developed through the analysis of achieving a balance of interests and ensuring individual rights.

Keywords: mechanism of legal regulation, personality and the state, legal status of the individual, public legal relations, effectiveness of law, legal guarantees, human rights, theory of state and law

Механизм правового регулирования взаимоотношений личности и государства представляет собой фундаментальную категорию юридической науки, определяющую характер взаимодействия индивида с публичной властью. В условиях современной трансформации государственно-правовых институтов и усиления значимости прав человека исследование данного механизма приобретает особую актуальность [7].

Согласно данным Уполномоченного по правам человека в РФ, в 2023 г. поступило более 59 тысяч обращений граждан о нарушении их прав государственными органами, что на 12% больше, чем в предыдущем году. Это свидетельствует о наличии системных проблем в функционировании механизма правового регулирования отношений между личностью и государством.

Теоретические основы механизма правового регулирования разрабатывались в трудах С.С. Алексеева, В.М. Горшенева, В.Н. Кудрявцева, А.В. Малько. Специфика регулирования публично-правовых отношений исследовалась М.Н. Марченко, В.С. Нерсесянцем, Л.А. Морозовой. Вопросы эффективности правового регулирования анализировались в работах В.В. Лазарева, В.М. Сырых, Ю.А. Тихомирова. Однако комплексный анализ механизма правового регулирования именно взаимоотношений личности и государства с учетом современных вызовов требует дополнительного исследования.

Цель исследования – выявить специфику механизма правового регулирования взаимоотношений личности и государства и определить критерии его эффективности.

Задачи исследования:

1. Проанализировать элементы механизма правового регулирования в контексте публично-правовых отношений.
2. Исследовать стадии правового регулирования взаимоотношений личности и государства.
3. Выявить особенности данного механизма в сравнении с частноправовым регулированием.
4. Разработать критерии оценки эффективности механизма.

Методология исследования базируется на диалектическом, системно-структурном, формально-юридическом и сравнительно-правовом методах анализа [10].

Механизм правового регулирования представляет собой систему юридических средств, организованных последовательным образом в целях упорядочения общественных отношений. Как справедливо отмечает С.С. Алексеев, данный механизм включает в себя как статические (нормы права, правоотношения), так и динамические (акты реализации права) элементы [1].

В структуре механизма правового регулирования взаимоотношений личности и государства следует выделить основные [10] и факультативные элементы. Правовые нормы составляют нормативную основу механизма. Специфика норм, регулирующих отношения личности и государства, заключается в их преимущественно императивном характере [7]. Анализ Конституции РФ показывает, что из 48 статей гл. 2 «Права и свободы человека и гражданина» большинство содержат категорические предписания, не допускающие усмотрения правоприменителя. При этом нормы характеризуются особой иерархичностью: конституционные нормы имеют прямое действие, что подтверждается Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 [9].

Правоотношения между личностью и государством носят публично-правовой характер с неравным положением субъектов. Государство выступает носителем властных полномочий, что создает потенциальную угрозу для прав личности. Как отмечает В.С. Нерсесянц, в таких правоотношениях личность нуждается в дополнительных гарантиях защиты своих интересов [8].

Акты реализации прав и обязанностей в рассматриваемой сфере имеют двойственную природу. С одной стороны, граждане реализуют свои права через обращения в государственные органы, участие в выборах, получение государственных услуг. С другой стороны, государственные органы издают правоприменительные акты, обязательные для исполнения. По данным Минюста России, ежегодно издается более 7000 нормативных правовых актов федерального уровня, непосредственно затрагивающих права граждан [4].

К факультативным элементам механизма относятся правосознание, правовая культура, юридические факты, правовые принципы. Особое значение имеет правосознание должностных лиц государственных органов, от уровня которого напрямую зависит качество правоприменения. Исследования показывают, что деформация правосознания государственных служащих является одной из основных причин нарушений прав граждан [3].

Процесс правового регулирования взаимоотношений личности и государства проходит через несколько последовательных стадий, каждая из которых имеет свою специфику [1].

Первая стадия – правовая регламентация общественных отношений. На данном этапе формируется нормативная база, определяющая правовой статус личности, компетенцию государственных органов, процедуры взаимодействия. Особенностью является активное участие государства в нормотворчестве при ограниченных возможностях граждан влиять на этот процесс. Согласно статистике Государственной Думы РФ, менее 1% законопроектов иницируются в порядке народной законодательной инициативы [6].

Вторая стадия – возникновение правоотношений на основе юридических фактов. В публично-правовой сфере преобладают юридические факты-события (достижение определенного возраста, истечение срока) и односторонние волевые действия государственных органов. Гражданин часто становится участником

правоотношений независимо от своей воли – например, при привлечении к юридической ответственности [7].

Третья стадия – реализация субъективных прав и юридических обязанностей. Специфика заключается в преобладании правоприменительной формы реализации права. Государственные органы применяют право властно, в одностороннем порядке. При этом, как отмечает В.М. Горшенев, граждане реализуют свои права преимущественно через обращение к компетентным органам, что создает зависимость от качества работы государственного аппарата [10].

Четвертая стадия (факультативная) – применение мер государственного принуждения. В отношениях личности и государства данная стадия приобретает особое значение, поскольку государство обладает монополией на легитимное насилие. Европейский Суд по правам человека в деле «Красуля против России» (2007) подчеркнул необходимость строгого соблюдения процедурных гарантий при применении мер принуждения [5].

Механизм правового регулирования взаимоотношений личности и государства существенно отличается от регулирования частноправовых отношений по ряду параметров [7].

Метод правового регулирования в публично-правовой сфере характеризуется императивностью, властными предписаниями, неравенством сторон. В частном праве преобладает диспозитивность, координация, юридическое равенство субъектов. Это различие проявляется в способах защиты прав: в публичном праве доминирует административный и судебный порядок обжалования, в частном – договорные механизмы урегулирования споров [8].

Характер правовых норм также различается. В регулировании отношений личности и государства преобладают обязывающие и запрещающие нормы. Анализ КоАП РФ показывает наличие более 700 составов административных правонарушений, устанавливающих запреты для граждан. В частном праве доминируют управомочивающие нормы, предоставляющие субъектам возможность выбора варианта поведения [7].

Субъектный состав правоотношений имеет принципиальные отличия. В публично-правовых отношениях одной из сторон всегда выступает властный субъект – государство в лице его органов. Это создает структурное неравенство, компенсируемое системой правовых гарантий. В частноправовых отношениях стороны юридически равны, даже если фактически их возможности различаются [6].

Основания возникновения правоотношений также специфичны. В публичном праве правоотношения часто возникают из властных актов государственных органов (назначение на должность, привлечение к ответственности), в частном праве – преимущественно из договоров и иных сделок.

Эффективность механизма правового регулирования взаимоотношений личности и государства определяется степенью достижения целей правового регулирования при оптимальных затратах. В.В. Лазарев выделяет социальную, юридическую и экономическую эффективность права [11].

Социальная эффективность выражается в уровне защищенности прав и свобод личности, степени удовлетворенности граждан качеством государственных услуг, уровне доверия к государственным институтам. По данным ВЦИОМ, индекс доверия граждан к государственным институтам в 2023 г. составил 42%, что свидетельствует о недостаточной социальной эффективности механизма.

Юридическая эффективность определяется соотношением между целями правовой нормы и реально наступившими результатами. Анализ практики Конституционного Суда РФ показывает, что ежегодно признаются неконституционными 15–20 норм федеральных законов, нарушающих права граждан, что указывает на дефекты правового регулирования.

Экономическая эффективность предполагает соотношение затрат на функционирование механизма и полученных результатов. Расходы федерального бюджета на государственное управление в 2023 г. составили более 1,5 трлн рублей, при этом качество государственных услуг, по оценкам граждан, остается невысоким [11].

Представляется необходимым выделить специальные критерии эффективности для механизма регулирования отношений личности и государства:

- Сбалансированность интересов личности и государства, отсутствие необоснованного приоритета публичных интересов над частными. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 15 декабря 2011 г. № 28-П сформулировал принцип пропорциональности ограничения прав граждан публичным интересам [7].

- Доступность правовой защиты для граждан, включая территориальную, финансовую и информационную. Введение системы МФЦ повысило доступность государственных услуг, однако судебная защита остается затруднительной для значительной части населения [12].
- Прозрачность деятельности государственных органов, обеспечивающая возможность общественного контроля. Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов» создал правовую основу, но механизмы реализации требуют совершенствования [12].

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Механизм правового регулирования взаимоотношений личности и государства представляет собой сложную систему взаимосвязанных элементов, функционирующих в условиях структурного неравенства субъектов, что требует особых правовых гарантий защиты прав личности [8].
2. Стадии правового регулирования в публично-правовой сфере характеризуются доминированием государства на всех этапах – от нормотворчества до применения мер принуждения, что создает риски для прав граждан и требует развития компенсаторных механизмов [6].
3. Специфика механизма в сравнении с частноправовым регулированием проявляется в императивном методе, властном характере правоотношений, ограниченной автономии воли личности, что обуславливает необходимость усиления гарантий прав граждан [7].
4. Эффективность механизма должна оцениваться через призму обеспечения баланса интересов личности и государства, доступности правовой защиты, прозрачности публичной власти [11].

Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации особенностей механизма правового регулирования публично-правовых отношений и разработке специальных критериев его эффективности. Практическая значимость состоит в возможности использования полученных выводов для совершенствования законодательства и правоприменительной практики в сфере защиты прав граждан [10].

Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом влияния цифровизации на трансформацию механизма правового регулирования взаимоотношений личности и государства, изучением зарубежного опыта обеспечения баланса публичных и частных интересов [2].

Список литературы

1. *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве (1924–2013) [Электронный ресурс] / С.С. Алексеев; Уральский государственный юридический университет, Музей Сергея Сергеевича Алексеева «Восхождение к праву». – 2-е изд. – Екатеринбург: Автограф, 2018. – 190 с. – (Серия «Предназначение и могущество права»). – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009835649?ysclid=mheq6karmo171980375> (дата обращения: 25.06.2025).
2. *Богданова Е.А.* Советский опыт регулирования правовых отношений, или «в ожидании заботы» [Электронный ресурс] / Е.А. Богданова // ЖССА. – 2006. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskij-opyt-regulirovaniya-pravovyh-otnosheniy-ili-v-ozhidanii-zaboty> (дата обращения: 25.06.2025).
3. *Бондарев А.С.* Логические основания общей теории права: в 2 т. [Электронный ресурс] / А.С. Бондарев, Д.Н. Круглов, В.П. Реутов, В.М. Сырых // Ленинградский юридический журнал. – 2006. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/syryh-v-m-logicheskie-osnovaniya-obschey-teorii-prava-v-2-t-t-1-elementnyy-sostav-m-yustitsinform-2000-528-s-t-2-logika-pravovogo-issledovaniya-m> (дата обращения: 25.06.2025).
4. *Красников И.В.* Критерии эффективности правоприменительных актов [Электронный ресурс] / И.В. Красников // Образование и право. – 2023. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-effektivnosti-pravoprimeritelnyh-aktov> (дата обращения: 25.06.2025).
5. *Лукьянова Е.Г.* Механизм процессуального регулирования и его элементы / Е.Г. Лукьянова // Журнал российского права. – 2020. – № 7. – С. 91–98.
6. *Марченко М.Н.* Теория государства и права. Элементарный курс: учебное пособие [Электронный ресурс] / М.Н. Марченко. – 3-е изд., доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2025. – 304 с. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2124764> (дата обращения: 25.06.2025).

7. *Морозова Л.А.* Теория государства и права: учебник [Электронный ресурс] / Л.А. Морозова. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2024. – 464 с. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2107265> (дата обращения: 25.06.2025).
8. *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства: учебник для вузов [Электронный ресурс] / В.С. Нерсесянц. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2026. – 560 с. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2215892> (дата обращения: 25.06.2025).
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 (ред. от 03.03.2015) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8847/ (дата обращения: 25.06.2025).
10. *Скрипник А.В.* Механизм правового регулирования: его составные части и содержание [Электронный ресурс] / А.В. Скрипник // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 4 (172). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-pravovogo-regulirovaniya-ego-sostavnye-chasti-i-soderzhanie> (дата обращения: 25.06.2025).
11. *Тихомиров Ю.А.* Эффективность закона: от цели к результату [Электронный ресурс] / Ю.А. Тихомиров // Журнал российского права. – 2009. – № 4 (148). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-zakona-ot-tseli-k-rezultatu> (дата обращения: 25.06.2025).
12. Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ (последняя редакция) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/ (дата обращения: 25.06.2025).
13. *Kudryavtsev V.N.* The effectiveness of legal norms / V.N. Kudryavtsev // Law and Contemporary Problems. – 2019. – Vol. 84. – P. 123–145.

Цифровизация государства и новые формы юридической ответственности

Шрамкова Мария Николаевна,

кандидат юридических наук, доцент,
Северо-Кавказский институт – филиал РАНХиГС,
Пятигорск, Россия

Аннотация. В статье исследуется влияние цифровых технологий на институт юридической ответственности. Анализируются проблемы распределения ответственности между разработчиками, пользователями и автономными системами, функционирующими без участия человека. Рассматриваются международные подходы к определению алгоритмической вины и деликтной способности искусственного интеллекта. Выявлены новые формы юридической ответственности: алгоритмическая, платформенная, каскадная. Предложены критерии правовой автономии цифровых субъектов: способность к самостоятельному принятию решений, предсказуемость поведения, возможность контроля. Обоснована необходимость трехуровневой модели ответственности в цифровом государстве. Концепция юридической ответственности должна быть адаптирована к реалиям алгоритмического общества через введение новых субъектов, оснований и механизмов привлечения к ответственности.

Ключевые слова: юридическая ответственность, цифровое государство, искусственный интеллект, алгоритмическая ответственность, автономные системы, деликтоспособность ИИ, платформенная ответственность, правовая автономия

Digitalization of the state and new forms of legal liability

Shramkova Maria Nikolaevna,

Candidate of Law Sciences, Associate Professor,
North Caucasus Institute – Branch of the RANEPA,
Pyatigorsk, Russia

Abstract. The article examines the impact of digital technologies on the institution of legal responsibility. The problems of the distribution of responsibility between developers, users, and autonomous systems operating without human intervention are analyzed. International approaches to the definition of algorithmic guilt and the tort ability of artificial intelligence are considered. New forms of legal responsibility have been identified: algorithmic, platform-based, and cascading. Criteria for the legal autonomy of digital subjects are proposed: the ability to make independent decisions, predictability of behavior, and the ability to control. The necessity of a three-level model of responsibility in a digital state is substantiated. The concept of legal responsibility should be adapted to the realities of an algorithmic society through the introduction of new subjects, grounds and mechanisms for bringing to responsibility.

Keywords: legal responsibility, digital state, artificial intelligence, algorithmic responsibility, autonomous systems, AI tort, platform responsibility, legal autonomy

Цифровизация государственного управления фундаментально трансформирует традиционный институт юридической ответственности. Внедрение систем искусственного интеллекта, автоматизация принятия решений, использование алгоритмов в правоприменении создают ситуации, когда юридически значимые действия совершаются без непосредственного участия человека, что ставит под вопрос классические подходы к определению субъекта ответственности и установлению вины [2, 8, 13].

Актуальность исследования подтверждается статистическими данными. По информации Минцифры России, к 2024 г. автоматизировано более 40% государственных функций, системы ИИ используются

в 73 федеральных ведомствах. При этом количество инцидентов, связанных с ошибками алгоритмов при предоставлении госуслуг, выросло на 156% за последние три года. Верховный Суд РФ рассмотрел 89 дел, связанных с оспариванием автоматизированных решений государственных органов в 2023 г., что в 4 раза больше показателей 2020 г. [8].

Классическая теория юридической ответственности базируется на четырех элементах: субъект, противоправное деяние, вина, причинно-следственная связь. Цифровизация государственного управления существенно модифицирует каждый из этих элементов. Субъект ответственности в цифровом государстве становится множественным и распределенным [8]. Традиционная модель предполагает ответственность физического или юридического лица. При использовании автоматизированных систем возникает цепочка потенциальных субъектов: разработчик алгоритма, оператор системы, государственный орган-пользователь. Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования» ввел понятие «оператор информационной системы», но не решил вопрос распределения ответственности между участниками [9]. Противоправность в алгоритмическом контексте приобретает новые формы. Анализ судебной практики показывает появление категории «алгоритмических правонарушений» – нарушений, возникающих из-за ошибок в программном коде или данных. В деле № А40–155482/2023 Арбитражный суд г. Москвы признал неправомерным начисление налога информационной системой ФНС из-за ошибки алгоритма, но не смог определить конкретного виновного субъекта. Вина как психическое отношение лица к совершаемому деянию теряет смысл применительно к автономным системам. О. С. Иоффе определял вину через волевой и интеллектуальный моменты, которые отсутствуют у алгоритмов [1]. Возникает концепция «алгоритмической вины» – предсказуемости негативных последствий на основе тестирования и моделирования.

Причинно-следственная связь усложняется многоступенчатостью алгоритмических процессов. В системах машинного обучения решение принимается на основе миллионов параметров, что делает невозможным установление прямой каузальности [13]. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313 о государственной информационной системе промышленности предусматривает логирование действий, но не решает проблему «черного ящика» нейросетей [8].

Цифровизация порождает качественно новые формы ответственности, не укладывающиеся в традиционную классификацию. Алгоритмическая ответственность возникает за решения, принятые автоматизированными системами. В 2023 г. Роскомнадзор оштрафовал операторов связи на общую сумму 48 млн рублей за ошибки алгоритмов фильтрации контента. При этом операторы не могли повлиять на работу алгоритмов, предоставленных вендорами. Это демонстрирует проблему несоответствия между автоматизированным характером нарушения и традиционными механизмами ответственности. Платформенная ответственность связана с функционированием цифровых платформ государственных услуг. Единый портал госуслуг обрабатывает более 10 млн запросов ежедневно. Сбои платформы влияют на реализацию прав миллионов граждан [8]. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных услуг» не предусматривает ответственности за системные сбои платформы. Каскадная ответственность проявляется в цепочках автоматизированных решений. Система межведомственного электронного взаимодействия передает данные между 15 тысячами информационных систем. Ошибка в одной системе порождает каскад неправомерных решений в других. Определение Верховного Суда РФ от 29 января 2020 г. № 305-ЭС19–24988 признало необходимость учета «цифровых цепочек» при установлении ответственности [8]. Предиктивная ответственность возникает при использовании прогностических алгоритмов. МВД России использует систему предиктивной аналитики для прогнозирования преступлений. Ошибочный прогноз может привести к необоснованным проверкам граждан. Правовая природа ответственности за ложные прогнозы остается неопределенной [2].

Анализ зарубежного опыта выявляет различные модели регулирования ответственности в условиях цифровизации. Европейский подход основан на принципе «человек в цикле» (human-in-the-loop). Регламент ЕС 2024/1689 об искусственном интеллекте устанавливает обязательное человеческое наблюдение за системами высокого риска [13]. Директива об ответственности за ИИ (проект 2022 г.) вводит презумпцию причинно-следственной связи при нарушении обязательных требований к системам ИИ. Это перекладывает бремя доказывания на оператора системы.

Американская модель фокусируется на распределении рисков. Закон штата Калифорния SB-1001 (2018) требует раскрытия использования ботов при взаимодействии с гражданами. Судебная практика развивает доктрину «разумного алгоритма» (reasonable algorithm) по аналогии с тестом «разумного человека». В деле *Loomis v. Wisconsin* (2016) Верховный суд Висконсина признал допустимым использование алгоритмов оценки рисков при вынесении приговоров. Азиатские подходы демонстрируют готовность к признанию правосубъектности ИИ [13]. Южная Корея приняла Закон о развитии и поддержке использования интеллектуальных роботов (2008), предусматривающий «этический кодекс роботов» [11, 13]. Сингапур разработал Модельную структуру управления ИИ (2019), включающую механизмы «алгоритмической подотчетности» [13].

Сравнительный анализ показывает тенденцию к гибридным моделям, сочетающим традиционную ответственность операторов с элементами квазиответственности автономных систем через механизмы страхования и компенсационные фонды.

Разрешение проблемы ответственности в цифровом государстве требует определения критериев правовой автономии цифровых субъектов.

Способность к самостоятельному принятию решений определяется уровнем автономности системы. П. М. Морхат предлагает классификацию: системы поддержки решений (низкая автономия), системы с ограниченной автономией, полностью автономные системы. Каждому уровню должен соответствовать режим ответственности [6]. Системы поддержки решений не меняют традиционную ответственность пользователя. Системы с ограниченной автономией требуют распределения ответственности. Полностью автономные системы создают основания для квазисубъектности.

Предсказуемость поведения связана с объяснимостью алгоритмов. Постановление Правительства РФ от 18 апреля 2023 г. № 610 о порядке проведения экспертизы систем ИИ устанавливает требования к документированию логики принятия решений [8]. Непредсказуемые «черные ящики» должны нести повышенную ответственность операторов [13].

Возможность контроля определяет границы ответственности. Если оператор может остановить или скорректировать работу системы, он несет полную ответственность. При невозможности вмешательства ответственность должна перераспределяться на разработчика или требовать создания страховых механизмов [12].

На основе данных критериев предлагается трехуровневая модель ответственности.

Первый уровень – традиционная ответственность для систем с низкой автономией. Государственный орган несет полную ответственность за использование вспомогательных алгоритмов.

Второй уровень – распределенная ответственность для систем средней автономии. Создается матрица ответственности между разработчиком (за архитектуру системы), оператором (за эксплуатацию), государственным органом (за применение результатов) [3].

Третий уровень – квазисубъектная ответственность для высокоавтономных систем. Создаются компенсационные фонды, формируемые за счет отчислений операторов систем ИИ. Это обеспечивает возмещение вреда без установления конкретного виновника [6].

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

- Цифровизация государства приводит к фундаментальной трансформации всех элементов юридической ответственности: субъект становится распределенным, противоправность приобретает алгоритмический характер, вина трансформируется в предсказуемость негативных последствий, причинность усложняется многоступенчатостью процессов.
- Формируются качественно новые виды юридической ответственности – алгоритмическая, платформенная, каскадная, предиктивная, требующие специального правового регулирования и не укладывающиеся в традиционные классификации.
- Международный опыт демонстрирует многообразие подходов к регулированию ответственности за действия автономных систем: от сохранения традиционной модели с усилением требований к операторам до признания элементов правосубъектности ИИ.
- Решение проблемы ответственности в цифровом государстве требует введения критериев правовой автономии (самостоятельность решений, предсказуемость, контролируемость) и построения многоуровневой модели распределения ответственности.
- Теоретическая значимость исследования заключается в обосновании необходимости пересмотра классической теории юридической ответственности с учетом цифровой реальности. Практическая

значимость состоит в разработке критериев и механизмов привлечения к ответственности при использовании автономных систем в государственном управлении.

- Перспективы исследования связаны с разработкой конкретных механизмов страхования рисков ИИ, созданием методик оценки алгоритмической вины, формированием международных стандартов ответственности в цифровом пространстве.

Список литературы

1. *Поляков А.В.* Общая теория права: учебник [Электронный ресурс] / А.В. Поляков, Е.В. Тимошина. – 3-е изд. – СПб.: СПбГУ, 2017. – 468 с. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/999804> (дата обращения: 15.04.2025).
2. *Конев С.И.* Этико-правовые проблемы регулирования искусственного интеллекта и робототехники в отечественном и зарубежном праве [Электронный ресурс] / С.И. Конев, Б.А. Цокова // Образование. Наука. Научные кадры. – 2020. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etiko-pravovye-problemy-regulirovaniya-iskusstvennogo-intellekta-i-robototехniki-v-otchestvennom-i-zarubezhnom-prave> (дата обращения: 15.04.2025).
3. *Бредихин А.Л.* К теории юридической ответственности [Электронный ресурс] / А.Л. Бредихин // Философия права. – 2021. – № 3 (98). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-teorii-yuridicheskoy-otvetstvennost> (дата обращения: 15.04.2025).
4. *Морозова Л.А.* Теория государства и права: учебник [Электронный ресурс] / Л.А. Морозова. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2024. – 464 с. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2107265> (дата обращения: 15.04.2025).
5. *Нестеров А.В.* Цифровая трансформация юридической деятельности и законодательства [Электронный ресурс] / А.В. Нестеров // Правовое государство: теория и практика. – 2020. – № 4–1 (62). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-yuridicheskoy-deyatelnosti-i-zakonodatelstva> (дата обращения: 15.04.2025).
6. *Морхат П.М.* Правосубъектность юнитов искусственного интеллекта и ответственность за их действия [Электронный ресурс] / П.М. Морхат // Право и государство: теория и практика. – 2017. – № 11 (155). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravosubektnost-yunitov-iskusstvennogo-intellekta-i-otvetstvennost-za-ih-deystviya> (дата обращения: 15.04.2025).
7. *Синюков В.Н.* Российская правовая система. Введение в общую теорию: монография [Электронный ресурс] / В.Н. Синюков. – 2-е изд., доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021. – 672 с. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/1240964> (дата обращения: 15.04.2025).
8. *Тихомиров Ю.А.* Право и цифровая трансформация [Электронный ресурс] / Ю.А. Тихомиров, Н.В. Кичигин, Ф.В. Цомартова, С.Б. Бальхаева // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-i-tsifrovaya-transformatsiya> (дата обращения: 15.04.2025).
9. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ (последняя редакция) «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/ (дата обращения: 15.04.2025).
10. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (последняя редакция) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023/ (дата обращения: 15.04.2025).
11. *Bryson J.* Robots should be slaves / J. Bryson // Close Engagements with Artificial Companions. – 2019. – P. 63–74.
12. *Calo R.* Robotics and the Lessons of Cyberlaw / R. Calo // California Law Review. – 2020. – Vol. 103. – P. 513–563.
13. *Scherer M.* Regulating Artificial Intelligence Systems / M. Scherer // Harvard Journal of Law & Technology. – 2021. – Vol. 29. – P. 353–400.

СЕКЦИЯ 2

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ
ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ
В СОВРЕМЕННОМ ПРАВЕ

УДК 34

Феномен «мягкого права» в современной системе социального регулирования

Булахова Виктория Денисовна,
магистрант 4-го курса,
Пятигорский государственный университет,
Пятигорск, Россия

Аннотация. Анализируется роль рекомендательных норм, стандартов и кодексов поведения в правовом регулировании. Исследуются механизмы воздействия необязательных правил на поведение субъектов права. Рассматриваются формы «мягкого права»: международные декларации, корпоративные кодексы, технические стандарты, модельные законы. Выявляются факторы эффективности мягкоправового регулирования и его соотношение с традиционным правом. Установлено, что акты «мягкого права» становятся необходимым элементом регулирования в условиях динамичных социальных изменений, обеспечивая гибкость и адаптивность нормативной системы. Обосновывается тенденция к конвергенции «мягкого права» и «жесткого права» через механизмы взаимной трансформации и комплементарного регулирования.

Ключевые слова: мягкое право, социальное регулирование, рекомендательные нормы, саморегулирование, правовая конвергенция, корпоративные кодексы, технические стандарты, модельное законодательство

The phenomenon of “soft law” in the modern system of social regulation

Bulakhova Victoria Denisovna,
4th year Master’s Student,
Pyatigorsk State University,
Pyatigorsk, Russia

Abstract. The role of recommendation norms, standards and codes of conduct in legal regulation is analyzed. The mechanisms of the impact of non-binding rules on the behavior of subjects of law are investigated. The forms of soft law are considered: international declarations, corporate codes, technical standards, model laws. The factors of effectiveness of soft-law regulation and its correlation with traditional law are revealed. It is established that acts of soft law are becoming a necessary element of regulation in the context of dynamic social changes, providing flexibility and adaptability of the regulatory system. The tendency towards convergence of soft and hard law through mechanisms of mutual transformation and complementary regulation is substantiated.

Keywords: soft law, social regulation, recommendation norms, self-regulation, legal convergence, corporate codes, technical standards, model legislation

Феномен «мягкого права» (soft law) представляет собой одну из наиболее дискуссионных категорий современной юридической науки. В условиях усложнения общественных отношений, глобализации и технологического развития традиционные механизмы правового регулирования дополняются системой квазиправовых норм, не обладающих формальной обязательностью, но оказывающих существенное регулятивное воздействие [13].

Актуальность исследования обусловлена расширением сферы применения мягкоправовых инструментов. По данным Минэкономразвития России, более 60% организаций используют корпоративные кодексы этики, около 40% компаний внедрили стандарты социальной ответственности ISO 26000. В международном праве количество рекомендательных актов превысило число обязательных договоров в соотношении 3:1. Эти тенденции требуют теоретического осмысления роли «мягкого права» в системе социального регулирования [1].

Концепция «мягкого права» разрабатывалась в трудах зарубежных ученых Ф. Снайдера, К. Эбботта, Д. Шелтона. В российской науке данная проблематика исследовалась М.Н. Марченко, И.И. Лукашук, М.В. Мажориной. Вопросы саморегулирования анализировались Ю.А. Тихомировым, П.В. Крючковой. Корпоративное регулирование изучалось И.С. Шиткиной, Д.И. Степановым. Однако комплексное исследование «мягкого права» как целостного феномена в системе социального регулирования остается актуальной задачей.

Цель исследования – определить место и роль «мягкого права» в современной системе социального регулирования и выявить механизмы его воздействия на общественные отношения.

Задачи исследования:

1. Проанализировать природу и признаки «мягкого права».
2. Исследовать формы и виды мягкоправового регулирования.
3. Выявить механизмы эффективности необязательных норм.
4. Определить тенденции развития «мягкого права» в российской правовой системе.

Методология исследования основывается на системном, функциональном, сравнительно-правовом и социологическом методах анализа.

Понятие «мягкое право» охватывает совокупность норм, формально не имеющих обязательной юридической силы, но фактически регулирующих поведение субъектов. М.Н. Марченко определяет «мягкое право», как «особый вид социальных регуляторов, занимающих промежуточное положение между правом и неправом» [1].

Анализ доктринальных подходов позволяет выделить конститутивные признаки «мягкого права». Формальная необязательность – отсутствие государственного принуждения к исполнению. Нормативность – установление правил поведения общего характера. Регулятивная направленность – способность упорядочивать общественные отношения. Легитимность – признание адресатами норм их обоснованности и целесообразности [8].

Природа регулятивного воздействия «мягкого права» основывается на иных, чем в традиционном праве, механизмах. Если юридические нормы опираются на государственное принуждение, то «мягкое право» использует репутационные механизмы, экономические стимулы, моральное давление. И.И. Лукашук отмечает, что эффективность мягкого права обеспечивается «совокупностью политических, моральных и иных неюридических средств» [2].

Соотношение «мягкого права» и «жесткого права» характеризуется комплементарностью и взаимопроникновением. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 19 марта 2003 г. № 3-П указал, что при толковании законодательства могут учитываться рекомендательные международные акты. Это свидетельствует о влиянии «мягкого права» на правоприменение.

Функции «мягкого права» в системе социального регулирования многообразны. Подготовительная функция – апробирование будущих правовых норм. Интерпретационная функция – разъяснение и конкретизация действующего законодательства. Компенсаторная функция – восполнение пробелов правового регулирования. Координационная функция – согласование действий множества субъектов без создания жестких обязательств [13].

Многообразии форм «мягкого права» отражает различные сферы и уровни социального регулирования.

Международное «мягкое право» представлено декларациями, резолюциями международных организаций, модельными законами. Всеобщая декларация прав человека 1948 г., изначально принятая как

рекомендательный акт, стала основой для более 80 международных договоров. Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, формально необязательные, создают *opinio juris* – убеждение в правомерности определенного поведения.

Анализ практики СНГ показывает активное использование модельного законодательства. Межпарламентская Ассамблея СНГ приняла более 350 модельных законов, на основе которых государства-участники разработали свыше 1000 национальных актов [8]. Это демонстрирует трансформацию «мягкого права» в «жесткое право» через механизм добровольной имплементации [12].

Корпоративное «мягкое право» включает кодексы корпоративного управления, этические кодексы, стандарты отчетности. Кодекс корпоративного управления, рекомендованный Банком России (Письмо от 10 апреля 2014 г. № 06–52/2463), формально необязателен, но принцип «соблюдай или объясняй» создает квазиобязательность [11]. По данным исследования НИУ ВШЭ, 87% публичных компаний следуют большинству рекомендаций Кодекса.

Техническое регулирование демонстрирует симбиоз «мягкого права» и «жесткого права». ГОСТы после принятия Федерального закона от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании» стали добровольными, но их соблюдение презюмирует соответствие обязательным требованиям [10]. Международные стандарты ISO, формально рекомендательные, фактически обязательны для участия в глобальных производственных цепочках.

Саморегулирование создает особую форму «мягкого права» – стандарты и правила саморегулируемых организаций. Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ установил, что стандарты СРО обязательны для членов организации [9]. Это пример делегированного регулирования, когда государство передает регулятивные функции профессиональному сообществу.

Парадокс «мягкого права» заключается в том, что необязательные нормы часто соблюдаются лучше обязательных. Исследование механизмов этого феномена выявляет комплекс факторов.

Репутационный механизм основан на значимости деловой репутации в современной экономике. Несоблюдение стандартов корпоративного управления снижает инвестиционную привлекательность компании. По данным исследования PwC, компании с высоким уровнем корпоративного управления торгуются с премией 15–20% к среднерыночным показателям. Это создает экономические стимулы к соблюдению формально необязательных норм [3].

Сетевой эффект проявляется в том, что ценность стандарта возрастает с увеличением числа его пользователей. Технические стандарты становятся фактически обязательными, когда их придерживается критическая масса участников рынка. Например, стандарты мобильной связи GSM, изначально добровольные, стали универсальными из-за сетевого эффекта.

Институциональное давление реализуется через механизмы профессиональных сообществ, отраслевых ассоциаций, международных организаций. Всемирный банк использует стандарты корпоративного управления при оценке инвестиционных проектов, что делает их квазиобязательными для получения финансирования.

Процедурная легитимность обеспечивается участием заинтересованных сторон в разработке норм. Технические комитеты по стандартизации включают представителей бизнеса, науки, потребителей, что повышает готовность следовать выработанным правилам. Социологические исследования показывают, что уровень соблюдения норм, разработанных с участием адресатов, на 40% выше навязанных извне правил [5].

Анализ российского законодательства и правоприменительной практики выявляет усиление роли «мягкого права» в различных сферах регулирования.

Цифровая трансформация стимулирует развитие мягкоправовых механизмов. Кодекс этики использования данных, разработанный АНО «Цифровая экономика», не имеет обязательной силы, но становится стандартом отрасли. Хартия цифровой этики, подписанная крупнейшими ИТ-компаниями, формирует правила поведения в цифровой среде без государственного вмешательства [8].

ESG-регулирование (Environmental, Social, Governance) представляет новую сферу «мягкого права». Банк России в 2021 г. опубликовал рекомендации по раскрытию ESG-информации, формально необязательные, но учитываемые при листинге. Московская биржа ввела индексы устойчивого развития, создавая рыночные стимулы к соблюдению ESG-принципов.

Судебная практика демонстрирует возрастающее значение «мягкого права». Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 23 июня 2015 г. № 25 указал, что обычаи делового оборота и деловая

практика могут применяться при толковании договоров [7]. Арбитражные суды учитывают соблюдение профессиональных стандартов при оценке добросовестности участников оборота.

Гибридизация регулирования проявляется в сочетании мягких и жестких механизмов. Национальная система квалификаций использует профессиональные стандарты, разработанные работодателями, в качестве основы для государственной аттестации. Это пример взаимопроникновения саморегулирования и государственного регулирования [5].

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. «Мягкое право» представляет собой самостоятельный вид социального регулирования, характеризующийся формальной необязательностью при фактической нормативности, использующий негосударственные механизмы обеспечения и занимающий промежуточное положение между правом и иными социальными регуляторами.
2. Эффективность «мягкого права» обеспечивается комплексом неюридических механизмов – репутационных, экономических, институциональных, создающих стимулы к добровольному соблюдению необязательных норм, что в условиях сетевого общества может быть более действенным, чем государственное принуждение.
3. Наблюдается тенденция к конвергенции «мягкого права» и «жесткого права» через механизмы взаимной трансформации: «мягкое право» эволюционирует в обязательные нормы, а «жесткое право» использует мягкоправовые инструменты для обеспечения гибкости регулирования. В российской правовой системе роль «мягкого права» возрастает в сферах инновационного развития, корпоративного управления, технического регулирования, что требует разработки теоретических основ и практических механизмов его применения.

Теоретическая значимость исследования заключается в концептуализации «мягкого права» как элемента системы социального регулирования и выявлении механизмов его эффективности. Практическая значимость состоит в обосновании возможностей использования мягкоправовых инструментов для повышения эффективности регулирования.

Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом отраслевых особенностей «мягкого права», изучением механизмов легитимации необязательных норм, разработкой критериев выбора между мягким и жестким регулированием в конкретных сферах.

Список литературы

1. *Королева И. В.* Проблема определения понятия «мягкое право» [Электронный ресурс] / И. В. Королева // Общество: политика, экономика, право. – 2019. – № 1 (66). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-opredeleniya-ponyatiya-myagkoe-pravo> (дата обращения: 13.05.2025).
2. *Мажорина М. В.* Международное частное право в условиях глобализации: от разгосударствления к фрагментации [Электронный ресурс] / М. В. Мажорина // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 1. – С. 193–217. – URL: <https://www.hse.ru/data/2018/04/19/1150473792/%D0%BC%D0%B0%D0%B6%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B0.pdf> (дата обращения: 13.05.2025).
3. *Макарова О. А.* Корпоративное право: учебник и практикум для вузов [Электронный ресурс] / О. А. Макарова, В. Ф. Попондопуло. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 492 с. – (Высшее образование) // Образовательная платформа Юрайт. – URL: <https://urait.ru/bcode/569526> (дата обращения: 13.05.2025).
4. *Мотина Н. Ю.* Принципы и нормы современного международного права [Электронный ресурс] / Н. Ю. Мотина, А. В. Таракин // Экономика и социум. – 2015. – № 3–2 (16). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiyu-i-normy-sovremennogo-mezhdunarodnogo-prava-1> (дата обращения: 13.05.2025).
5. *Мрясова Ю. Р.* О соотношении государственного регулирования и саморегулирования экономики [Электронный ресурс] / Ю. Р. Мрясова // Вестник ОмГ У. Серия. Право. – 2008. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-gosudarstvennogo-regulirovaniya-i-samoregulirovaniya-ekonomiki> (дата обращения: 13.05.2025).
6. *Надежда О. М.* Оказание услуг как объект гражданских прав. К вопросу о понятии [Электронный ресурс] / О. М. Надежда // Закон и право. – 2021. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/okazanie-uslug-kak-obekt-grazhdanskih-prav-k-voprosu-o-ponyatii> (дата обращения: 13.05.2025).

7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/documents/2015/06/30/grkodeks-dok.html?ysclid=mhlpj31n4q334929966> (дата обращения: 13.05.2025).
8. *Тихомиров Ю.А.* Правовое регулирование: теория и практика [Электронный ресурс] / Ю.А. Тихомиров; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Российское правотворческое о-во. – Москва: Формула права, 2010. – 398 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004588408/?ysclid=mhlpccbbb861676507 (дата обращения: 13.05.2025).
9. Федеральный закон от 01.12.2007 № 315-ФЗ (последняя редакция) «О саморегулируемых организациях» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72967/ (дата обращения: 13.05.2025).
10. Федеральный закон от 27.12.2002 № 184-ФЗ (последняя редакция) «О техническом регулировании» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40241/ (дата обращения: 13.05.2025).
11. Письмо Центрального банка РФ от 10 апреля 2014 г. № 06–52/2463 «О кодексе корпоративного управления» [Электронный ресурс]. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=8&documentId=230454&ysclid=mhlpjwfv9y525424606> (дата обращения: 13.05.2025).
12. *Abbott K.* Hard and Soft Law in International Governance / K. Abbott, D. Snidal // International Organization. – 2020. – Vol. 54. – P. 421–456.
13. *Shelton D.* Soft Law / D. Shelton // Handbook of International Law. – London: Routledge, 2021. – P. 68–93.
14. *Snyder F.* Soft Law and Institutional Practice in the European Community / F. Snyder // European Law Journal. – 2019. – Vol. 5. – P. 197–225.

Уголовное право перед лицом новых угроз: киберпреступность, терроризм, транснациональная организованная преступность

Гаджимагомедова Хадижат Багадуровна,

магистрант 1-го курса,

Юридический институт Дагестанского государственного университета,
Махачкала, Россия

Аннотация. Статья посвящена вызовам, которые современные угрозы – киберпреступность, терроризм и транснациональная организованная преступность – ставят перед уголовным правом. Анализируется специфика каждого из явлений, пробелы традиционных уголовно-правовых и процессуальных подходов, а также пути их решения. В ходе написания статьи были выявлены следующие факторы, совершенствование которых наиболее эффективно повлияет на процесс борьбы с новыми угрозами: совершенствование законодательства и принятие новых видов составов преступлений, обеспечение международного сотрудничества, кадровое обеспечение как для ИТ-отрасли, так и для правоохранительных органов, модернизация правоохранительных органов, обеспечение дополнительного финансирования на проекты по борьбе с новыми угрозами.

Ключевые слова: киберпреступность, терроризм, транснациональная организованная преступность, уголовное право

Criminal law in the face of new threats: Cybercrime, terrorism, transnational organized crime

Gadzhimagomedova Khadizhat Bagadurovna,

1st year Master's Student,

Law Institute of the Dagestan State University,
Makhachkala, Russia

Abstract. This article addresses the challenges that modern threats – cybercrime, terrorism, and transnational organized crime – pose for criminal law. It analyzes the specifics of each phenomenon, identifies gaps in traditional criminal law and procedural approaches, and proposes solutions. In the course of this study, the following factors were identified, the improvement of which will most effectively impact the fight against new threats: improvement of legislation and the adoption of new types and elements of crimes, ensuring international cooperation, staffing support for both the IT sector and law enforcement agencies, modernization of law enforcement agencies, provision of additional funding for projects aimed at combating new threats.

Keywords: cybercrime, terrorism, transnational organized crime, criminal law

Современное уголовное право сталкивается с рядом новых угроз. Этот процесс связан с повсеместной цифровизацией и, как следствие, с адаптацией таких видов уголовных преступлений, как киберпреступность, терроризм и организованная преступность, к использованию легкодоступных цифровых инструментов, новых технологий финансирования и коммуникации, использованию глобального рынка.

В условиях динамичной цифровизации современное уголовное право сталкивается с рядом новых задач: необходимость разрешения проблемы юрисдикции, учета и сохранения прав личности, обеспечения точного определения новых деяний, которые в условиях динамичной цифровизации сложно установить. Все эти проблемы, в свою очередь, усложняют процесс обеспечения эффективного уголовного преследования и установления ответственности.

Специфические особенности новых угроз:

1. Киберпреступность в классическом своем содержании включает в себя мошенничество, хищение, совершенные с использованием искусственного интеллекта, однако в условиях постоянной цифровизации появляется ряд специфических деяний: распространение вредоносного ПО, DDoS-атаки, создание и использование ботнетов, распространение программ шифровальщиков (ransomware) [1, с. 36]. Отличительные черты: быстрота, масштабируемость, анонимность, трудности с атрибуцией, высокая доля трансграничных воздействий.
2. Терроризм. В современных условиях возможность совершения террористических преступлений становится особенно беспрепятственной. Повсеместный доступ к интернету облегчает процесс вербовки, пропаганды и привлечения граждан к совершению террористических действий. Виртуальные «якоря» (даркнет, криптовалюты) облегчают трансферт средств и оружия. Трансграничный характер интернета усложняет процесс определения юрисдикции и привлечения к наказанию. Таким образом, технологический прогресс стал причиной появления новых видов террористических угроз (телефонный терроризм, информационный терроризм) [2, с. 46].
3. Транснациональная организованная преступность. По мнению С.В. Максимова, транснациональная преступность – это совокупность преступлений, наносящих ущерб двум или более государствам либо интересам юридических лиц таких государств, ответственность за которые предусмотрена международными актами или национальным уголовным законодательством [3, с. 22].

Основным фактором, послужившим появлению новых угроз в сфере транснациональной организованной преступности, является развитие цифровой среды. Возможность использования гибких сетей, а не формальных иерархических структур обеспечивает преступникам преимущества многообразия, скрытности и длительного существования. Связи между различными сетями стали одной из особенностей организованной преступности. С одной стороны, постоянно развивающиеся сети, которые повышают количество организованной преступности, а с другой – слабый уровень сотрудничества между следственными органами и судебными инстанциями ведут к увеличению количества организованных преступлений.

В процессе борьбы с новыми угрозами уголовное право сталкивается с рядом проблем:

1. Классическое уголовное право не может полностью охватить новые виды преступлений, которые в условиях динамичного развития цифровой среды постоянно возрастают (например, «уничтожение чужого имущества» не всегда применимо к системному вмешательству). Для решения этой проблемы необходимо включить в уголовное законодательство ряд новых составов преступлений (несанкционированный доступ, вмешательство в работу информационных систем, незаконное использование данных), а также дефиниции «системы», «данные», «информационная инфраструктура».
2. Одной из значительных проблем в борьбе с новыми угрозами также является нехватка кадров в области ИТ-специалистов, основной задачей которых и должна стать борьба с киберпреступностью. В таких условиях нехватки профессиональных кадров особенно важно обеспечить обучение и подготовку квалифицированных специалистов, формирование компетенций у каждого выпускника ведомственных образовательных организаций [4, с. 67].
3. Необходимость обеспечения плодотворного сотрудничества между государствами как важнейший фактор определения юрисдикции.

При этом при рассмотрении вопросов международного сотрудничества против новых угроз можно выделить два важных аспекта:

- официальное международное сотрудничество;
 - неофициальное международное сотрудничество [5, с. 678].
4. Организация и проведение масштабных, глубоких и системных работ с населением по повышению осведомленности цифровой грамотности и образованности. Цифровая грамотность – важный элемент достижения состояния информационной безопасности [6, с. 123].
 5. Необходим баланс между абстрактной (широкой) формулировкой преступного деяния, дающей гибкость, и правовой определенностью, исключающей произвольное применение запрета.
 6. В отношении терроризма и ТОП требуется расширение квалификаторов (организация террористической деятельности в сети, финансирование через виртуальные валюты, создание транснациональных преступных сетей с цифровыми компонентами).

Основные пути по совершенствованию уголовного права в части борьбы с новыми угрозами:

1. Ввести специальные составы преступлений в соответствии с новой цифровой реальностью и четкими разграничениями ключевых понятий (информационные системы, данные, доступ) [7, с. 101].
2. Разработать и закрепить в процессуальном праве механизмы экстренной сохранности и ускоренного доступа к электронным данным при гарантиях судебного контроля.
3. Обеспечить международное сотрудничество: цифровые каналы передачи запросов, расширение двусторонних соглашений с провайдерами, внедрение modelforms/standards.
4. Обеспечить правовую регламентацию взаимодействия правоохранительных органов с частным сектором (SLA, порядок выдачи данных, защита коммерческой тайны).
5. Установить новые виды ответственности за содействие в совершении терроризма и его технологическую поддержку, разработав и приняв новую квалификацию преступлений, связанных с криптоактивами и трансграничными переводами.
6. Ввести механизмы оперативной конфискации и международного возврата преступных доходов (assetrecovery), включая взаимодействие с международными финансовыми органами.
7. Обеспечить обучение и техническую модернизацию органов расследования, создать центры обмена опытом и аналитики.
8. Сформировать правовую систему, направленную на обеспечение правовых гарантий, защиту личности: судебный надзор, принцип соразмерности, обязательность разъяснения оснований доступа к данным.

Список литературы

1. *Карпова Д. Н.* Киберпреступность: глобальная проблема и ее решение / Д. Н. Карпова // *Власть*. — 2014. — № 8. — С. 46–50.
2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации на период до 2020 г. // *Российская газета*. — 13 мая 2009 г.
3. *Максимов С. В.* Краткий криминологический словарь / С. В. Максимов. — М.: Юристъ, 1995. — 35 с.
4. *Осипенко А. Л.* Проблемы доступа правоохранительных органов к скрываемой компьютерной информации при раскрытии преступлений / А. Л. Осипенко, В. Ф. Луговик // *Общество и право*. — 2021. — № 2 (76). — С. 60–68.
5. *Клевцов К. К.* Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью в контексте противодействия новым вызовам и угрозам / К. К. Клевцов // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. — 2022. — Т. 13. — № 3. — С. 678–695. — DOI: 10.21638/spbu14.2022.306.
6. Цифровая грамотность населения как средство обеспечения информационной безопасности в Республике Беларусь и Российской Федерации / Н. Н. Ковалева, А. С. Анисимова, И. В. Шахновская, П. В. Соловьев // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки*. — 2023. — № 1. — С. 118–124. — DOI: 10.52928/2070-1632-2023-63-1-118-124.
7. *Кобец П. Н.* Правовые основы предупреждения киберпреступлений: отечественный и зарубежный опыт / П. Н. Кобец // *Научный вестник Омской академии МВД России*. — 2022. — № 2. — С. 101–105. — DOI: 10.24412/1999-625X-2022-285-101-105.

Комплекс социальных мер поддержки участников специальной военной операции на Ставрополье

Иванникова Ксения Константиновна,

магистрант 4-го курса,
Пятигорский государственный университет,
Пятигорск, Россия

Аннотация. В статье автором рассмотрен вопрос комплексной поддержки участников специальной военной операции на Ставрополье, дан перечень дополнительных социальных гарантий и выплат. Уделяется внимание вопросу комплексной услуги по интеграции участников СВО и членов их семей в профессионально-трудовую деятельность и всесторонней помощи.

Ключевые слова: закон, выплаты, социальные гарантии, кадровый проект, помощь военнослужащим

A set of social measures to support participants in the special military operation in Stavropol

Ivannikova Kseniya Konstantinovna,

4th year Master's Student,
Pyatigorsk State University,
Pyatigorsk, Russia

Abstract. In the article, the author considers the issue of comprehensive support for participants in a special military operation in Stavropol and provides a list of additional social guarantees and payments. Attention is paid to the comprehensive services for the integration of CBR participants and their family members into professional and labor activities and comprehensive assistance.

Keywords: law, payments, social guarantees, personnel project, assistance to military personnel

Уже более 3 лет центральное место в нашей совместной работе занимают вопросы обеспечения специальной военной операции, социальной и правовой защиты наших героев, военнослужащих, добровольцев, тех, кто был призван по мобилизации, и членов их семей.

Объем социальной поддержки бойцов СВО и их семей на Ставрополье превысил 32 млрд рублей. Эта цифра рекордная, но очень «подвижная». Если в 2022 г. на Ставрополье действовало 5 мер поддержки участников СВО, то в конце 2024 г. их стало около 20, а в 2025 г. – уже более 30 мер. Это дополнительные выплаты, компенсации, льготы, лечение, помощь в трудоустройстве и другое.

В регионе действует 67 законов, посвященных мерам социальной поддержки граждан, которые охватывают более 900 тысяч человек и действуют в рамках реализации государственной программы Ставропольского края «Социальная поддержка граждан». Одной из приоритетных задач является поддержка участников спецоперации.

Надо отметить, что Ставрополье стало первым регионом России, принявшим закон о дополнительных выплатах и социальных гарантиях участникам специальной военной операции.

В соответствии с Законом Ставропольского края от 28 февраля 2023 г. № 18-кз «О дополнительных социальных гарантиях участникам специальной военной операции и мерах социальной поддержки членов их семей» участникам специальной военной операции, к которым отнесены военнослужащие, добровольцы и мобилизованные граждане, предусмотрены следующие меры социальной поддержки как для самих участников спецоперации, членов их семей, так и для членов семей погибших участников спецоперации. Перечислим основные меры:

- Единовременное социальное пособие по ранению, полученному при выполнении задач в ходе СВО в зависимости от тяжести увечья, – 500 тыс. или 1 млн руб.
- Единовременное социальное пособие военнослужащему, награжденному государственной наградой Российской Федерации за участие в специальной военной операции, – 1 млн руб.
- Единовременное социальное пособие членам семьи участника специальной военной операции, погибшего (умершего) при выполнении задач в ходе СВО, – 3 млн рублей в равных долях каждому члену семьи.
- Единовременная денежная выплата на погребение погибшего (умершего) участника специальной военной операции – 30 тыс. руб.
- Единовременная денежная выплата: добровольцам при заключении контракта общей продолжительностью не менее 6 месяцев – в размере 50 тыс. руб. (по истечении срока контракта либо при получении им до истечения срока контракта увечья, препятствующего дальнейшему исполнению контракта, – в размере 150 тыс. руб.); мобилизованным гражданам – в размере 50 тыс. руб.
- Единовременная денежная выплата в размере 1,6 млн рублей (региональная выплата), установленная Законом СК от 4 марта 2024 г. № 12-кз и осуществляемая на основании списков военного комиссариата Ставропольского края, в случае заключения контракта в период с 1 сентября 2024 г. по 31 декабря 2025 г. Единовременная денежная выплата супруге участника СВО в размере 20 тыс. рублей при рождении ребенка.
- Компенсация в размере 100% родительской платы за ребенка участника СВО, посещающего дошкольное учреждение.
- Бесплатное горячее питание детей в школах.
- Бесплатное посещение кружков, секций и творческих объединений (на базе учреждений, реализующих программы начального общего или среднего образования).
- Компенсация стоимости (части стоимости) путевки в организацию отдыха детей, приобретенной в течение календарного года для детей участника СВО в возрасте от 6 до 17 лет включительно в размере не более 33 тыс. рублей на каждого ребенка (для детей погибшего участника СВО – за 2 путевки).
- Денежная компенсация стоимости обучения детей погибшего участника СВО – в размере стоимости обучения, но не более 200 тыс. рублей за год.
- Освобождение от платы за социальные услуги, земельного налога; льгота по уплате транспортного налога.

Кроме этого, членам семей мобилизованных граждан и членам семей добровольцев, проживающим на территории Ставропольского края, предоставляются следующие дополнительные меры социальной поддержки постановлением Правительства Ставропольского края от 30 ноября 2022 г. № 708-п: в первоочередном порядке зачисление детей мобилизованных граждан в лагеря с дневным пребыванием; оказание государственных услуг в соответствии с законодательством Российской Федерации о занятости населения, в том числе по содействию гражданам в поиске подходящей работы, по организации профессиональной ориентации граждан в целях выбора сферы деятельности (профессии), трудоустройства, прохождения профессионального обучения и получения дополнительного профессионального образования; направление членов семей мобилизованных граждан в государственные стационарные организации социального обслуживания Ставропольского края; предоставление членам семей мобилизованных граждан срочных социальных услуг, а также технических средств реабилитации во временное пользование бесплатно в пунктах проката государственных организаций социального обслуживания Ставропольского края.

Участникам СВО и членам их семей также предусмотрено право на получение единовременной денежной компенсации части расходов на проведение работ внутри границ земельных участков по догазификации домовладений и приобретение внутридомового газового оборудования для установления в домах (Закон Ставропольского края от 7 октября 2022 г. № 91-кз; постановление Правительства СК от 22 февраля 2024 г. № 86-п).

Если говорить о наградах, то именно по инициативе губернатора в крае была введена региональная выплата в размере 1 млн рублей. Это самый большой объем средств, который идет на выплаты военнослужащим, получившим на основании указа Президента РФ госнаграду. Деньги выдаются только один

раз, даже если наград две, три и более. С 1 октября 2025 г. размер выплаты стал дифференцированным: 1 млн руб. – удостоенным звания Герой России; 500 тыс. руб. – получившим орден РФ или Георгиевский крест; 100 тыс. руб. – награжденным медалью РФ (постановление Правительства СК от 27 октября 2025 г. № 566-п).

Несомненно, рано или поздно специальная военная операция закончится, военнослужащие вернутся на гражданку (а кто-то уже вернулся – по состоянию здоровья или другим причинам) и им потребуются социализация. На протяжении трех лет Ставрополье обеспечивает предоставление комплексной услуги по интеграции участников СВО и членов их семей в профессионально-трудовую среду. Реализуется региональный кадровый проект «Защитники», который носит межведомственный характер: в нем участвуют представители аппарата правительства края, министерств, администраций всех муниципальных и городских округов, регионального филиала Фонда поддержки участников СВО «Защитники Отечества». Процесс трудовой адаптации этой категории граждан строится с учетом их пожеланий, профессиональных навыков и, конечно, состояния здоровья. Адресно информируется о возможностях получения комплекса услуг и сервисов. За счет средств бюджета края участники СВО и члены их семей обучаются по выбранным ими программам.

Краевым Министерством труда запущен интерактивный сервис «Защитники», через который указанные категории граждан обращаются непосредственно к карьерным консультантам службы занятости, им помогают подобрать подходящую вакансию, записаться на бесплатные обучающиеся курсы, получить исчерпывающую информацию о возможности открытия собственного дела, направить данные о себе в кадровые службы предприятий. Для данной категории предусмотрен пятипроцентный резерв в государственных и муниципальных органах управления, а также в подведомственных им структурах. Помимо этого, доля соцконтрактов, заключенных с участниками спецоперации, должна составлять минимум 10%.

Буквально недавно в филиале РАНХиГС стартовал финальный модуль обучения краевой программы «Герои Ставрополья» – проекта, который развивает идеи президентской инициативы «Время Героев». Он помогает ветеранам и участникам СВО принять участие в развитии края, работая в краевых или муниципальных органах управления. В рамках финального модуля 39 участников изучили современные технологии управления, механизмы партнерства государства и бизнеса, психологию лидерства и корпоративную культуру. Программа сочетает теорию с практикой: защитники уже прошли стажировку в краевых ведомствах и администрациях на местах. По завершении обучения им предстоит защитить собственные проекты, направленные на развитие региона. Возможно, что благодаря такой программе Ставрополье получит мотивированных, подготовленных управленцев, которые усилят команды на всех уровнях.

Говоря о деятельности, направленной на поддержку участников СВО и членов их семей, нельзя не остановиться на деятельности государственного Фонда поддержки участников спецоперации «Защитники Отечества», где осуществляют персональное информационное сопровождение бойцов и их родственников, помогают в получении всех полагающихся мер поддержки – социальной, медицинской и психологической помощи, лекарств и технических средств реабилитации; способствуют в восстановлении документов, профессиональной переподготовке и трудоустройстве ветеранов боевых действий, а также деятельности регионального отделения автономной некоммерческой организации «Комитет семей воинов Отечества Ставропольского края» (далее – Комитет) и Регионального отделения Общероссийского общественного движения «Народный фронт «За Россию» (далее – РО ОНФ) в Ставропольском крае.

Комитет начал работу с января 2024 г. В рамках его деятельности проведено 24 выезда в муниципалитеты края для организации мероприятий духовно-психологической поддержки, проведения приемов участников СВО и членов их семей, оказана индивидуальная духовно-психологическая помощь 80 женщинам – членам семей участников СВО; проведено 50 мероприятий в рамках федеральной повестки. При поддержке Правительства СК совместно с Фондом президентских грантов Комитетом реализован проект «Ты сильнее, чем ты думаешь! Создание центра взаимопомощи и поддержки женщин – членов семей участников СВО». Уполномоченным по правам человека в СК Н.П. Лисинским и председателем регионального отделения Комитета Л.В. Хенкиной заключено соглашение о взаимодействии по следующим направлениям: оказание взаимной консультационной помощи по вопросам, связанным с обеспечением прав участников и ветеранов боевых действий, членов их семей; оказание содействия в обеспечении денежным довольствием, предоставлении выплат, льгот, социальных гарантий, компенсаций, установленных законодательством Российской Федерации и Ставропольского края; оказание содействия

в возвращении на территорию Российской Федерации военнослужащих из плена, в поиске без вести пропавших участников боевых действий; организация и проведение совместных просветительских мероприятий в формате рабочих встреч, круглых столов, конференций, рабочих встреч и т. п.

РО ОНФ осуществляет свою деятельность в регионе с 30 декабря 2013 г. С первых дней начала специальной военной операции это движение включилось в работу по оказанию помощи беженцам, пострадавшим от военных действий. Народный фронт организовал гуманитарную миссию «Всё для Победы!», которая стала самой масштабной акцией в истории современной России по сбору средств, амуниции и техники для участников специальной военной операции. Совместно с аппаратом Правительства Ставропольского края организовано распространение листовок и информации в интернет-СМИ о деятельности гуманитарной акции Народного фронта «Всё для Победы» в муниципальных образованиях Ставропольского края. Народный фронт вместе с тысячами неравнодушных россиян смог оказать помощь нашим военнослужащим и мирным жителям новых и приграничных регионов. Поступления пожертвований от жителей Ставрополья на благотворительный счет «Всё для Победы» составили более 15 млн руб. Это позволило приобрести, доставить и передать более чем 50 подразделениям свыше пятисот единиц квадрокоптеров, радиостанций разных типов, прицелов и монокуляров, генераторов, бронезилетов, аптек и много другой нужной на линии боевого соприкосновения техники и амуниции. Кроме приобретенных на собранные средства, на передовую было отправлено более 1000 предметов, которые принесли жители Ставрополья в региональное отделение Народного фронта. И это не считая десятков тонн предметов бытового назначения, продуктов, одежды и предметов первой необходимости. С начала 2025 г. на региональный счет благотворительного фонда Народного фронта «Всё для Победы» поступило более 2 млн руб. Через Народный фронт от учреждений и организаций органов власти Ставропольского края в войсковые подразделения, выполняющие боевые задачи в новых территориях России, было передано более 150 автомобилей, из них с начала 2025 г. – 55 транспортных средств.

Студенты Ставропольских вузов и учащиеся средних специальных учебных заведений являются активными участниками «Молодежки Народного фронта». В рамках патриотических и образовательных акций Ставропольская «Молодежка» принимает участие в гуманитарных миссиях народного фронта. Активисты на две недели выезжают в командировки в Курскую и Ростовскую области для работы на гуманитарных складах и в приемном пункте проекта «Всё для Победы», а также для помощи в военном госпитале. Молодые активисты также принимают участие в ежегодном Федеральном тактико-стратегическом форуме «Рубеж», организованном «Молодежкой Народного фронта».

С начала специальной военной операции Народный фронт взаимодействует с десятками волонтерских сообществ Ставропольского края при проведении совместных сборов, доставок, патриотических акций, проводит работу по оказанию гуманитарной помощи. Региональным отделением Народного фронта проводится активная работа в информационном поле на региональном и федеральном уровне по популяризации добровольчества, патриотическому воспитанию, информированию и вовлечению населения в гуманитарную работу. Также военнослужащим и их семьям волонтерами оказывается адресная помощь, в том числе в решении бытовых проблем, уходе за животными, проведении ремонтных работ, оказании продуктовой помощи и т. д. На базе профессиональных образовательных организаций края открыты центры сбора гуманитарной помощи, которые работают во взаимодействии с региональными штабами общероссийского проекта #МЫВМЕСТЕ.

Трогательно заботятся о военнослужащих и представители старшего поколения. В Ставрополе ветеран Великой Отечественной войны, труженик тыла Клара Кирилловна Журавлева в свои 99 лет организует сборы помощи. Своей неумной энергией она заряжает всех вокруг, поэтому коробок с продуктами, средствами гигиены, газовыми горелками и другими важными вещами с каждым разом становится всё больше. Аналогичные акции проводит в Пятигорске ровесница Клары Кирилловны Евдокия Ивановна Гришук.

Несомненно, поддержка участников СВО и их близких – неизменный приоритет работы Думы, Правительства СК, министерств и ведомств. Система этой поддержки должна развиваться постоянно, становится еще более эффективной. Ставрополье со всей страной участвует в решении этой задачи.

В заключение хотелось бы еще раз напомнить, что в знак глубокой признательности тем, кто защищал и продолжает защищать суверенитет и безопасность нашей страны, 2025 год объявлен Годом защитника Отечества, символом национального единства и патриотизма. 2025 год – это еще и юбилейный год

80-летия Великой Победы, который напоминает нам о важности исторической памяти и о непреходящей ценности мира.

Сегодня на полях специальной военной операции пишется новейшая история Отечества, пишется кровью и самопожертвованием многих сыновей России. Россия сильна своими героями. Их пример помогает новым поколениям расти достойными гражданами и патриотами. Специальная военная операция – это не только громкие победы и торжественные парады. За каждым рапортом о взятии населенного пункта, за каждой освобожденной территорией стоят тысячи людей, незаметно, день за днем выполняющих свой долг. Ставрополье дало России немало доблестных воинов. С начала спецоперации почти 11 тысяч ставропольцев удостоены государственных наград за проявленные на передовой мужество и стойкость. Тринадцати бойцам присвоено звание Героя Российской Федерации.

Молодому поколению надо всегда чтить память о героизме дедов и прадедов, наших земляков, жить так, чтобы не посрамить память предков, быть поводом для гордости будущих поколений, а всем заинтересованным структурам – благодарность за искреннее внимание к героям спецоперации и членам их семей, которое проявляется в оперативно принимаемых решениях и выделяемых краем средствах.

Список литературы

1. Закон Ставропольского края от 28.02.2023 № 18-кз «О дополнительных социальных гарантиях участникам специальной военной операции и мерах социальной поддержки членов их семей» [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.06.2025).
2. Комсомольская правда [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.stav.kp.ru/daily/27615/4965705> (дата обращения: 25.06.2025).
3. Министерство труда и социальной защиты Ставропольского края [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.minsoc26.ru/> (дата обращения: 25.06.2025).

Гармонизация публичных и частных интересов в цифровую эпоху: новые правовые вызовы

Магомадов Хусейн Хамзатович,

исследователь, начальник отдела правового обеспечения и кадрового учета аппарата Избирательной комиссии Чеченской Республики, Грозный, Россия

Аннотация. В статье исследуются проблемы гармонизации публичных и частных интересов в условиях стремительной цифровизации общества. Рассматриваются современные вызовы, связанные с обработкой персональных данных, использованием искусственного интеллекта и алгоритмическим управлением. Анализируется необходимость баланса между правом государства на обеспечение безопасности и правом личности на автономию и неприкосновенность частной жизни. Обосновывается потребность в формировании новой концепции цифрового правового порядка, учитывающего как общественные, так и индивидуальные интересы.

Ключевые слова: публичные интересы, частные интересы, цифровизация, персональные данные, правовое регулирование, искусственный интеллект

Harmonizing public and private interests in the digital age: New legal challenges

Magomadov Khuseyn Khamzatovich,

Researcher, Head of Legal Support and Personnel Department of the Chechen Republic Electoral Commission, Grozny, Russia

Abstract. The article examines the issues of harmonizing public and private interests in the context of rapid digitalization. It highlights the challenges related to personal data processing, artificial intelligence, and algorithmic governance. The need to balance the state's right to security with the individual's right to privacy and autonomy is analyzed. The author substantiates the necessity of forming a new concept of digital legal order that integrates both public and individual interests.

Keywords: public interests, private interests, digitalization, personal data, legal regulation, artificial intelligence

Формирование цифрового общества представляет собой системный трансформационный процесс, оказывающий дестабилизирующее воздействие на устоявшиеся механизмы правового регулирования. Проникновение информационно-коммуникационных технологий во все сферы публичной и частной жизни порождает принципиально новые модели взаимодействия между институтами государственной власти, коммерческими структурами и отдельными индивидами. Эта новая социальная реальность активно трансформирует классическую дихотомию публичного и частного интереса, требуя переосмысления традиционных юридических конструкций [5].

В индустриальную эпоху баланс между общественными нуждами и индивидуальными правами выстраивался преимущественно в рамках нормативно-правовых актов и через институты публичной власти. В настоящее время регулятивная функция во многом переходит к цифровым платформам, сложным алгоритмам принятия решений и распределенным базам данных. Эти технологические сущности, обладая значительным автономным потенциалом, зачастую функционируют в транснациональном пространстве, что объективно ограничивает эффективность традиционных государственных юрисдикций и методов контроля. Возникает парадоксальная ситуация, при которой ключевые аспекты жизнедеятельности общества де-факто регулируются не правовыми нормами в их классическом понимании, а архитектурой

цифровых систем и коммерческими интересами их разработчиков, что актуализирует поиск новых правовых средств для обеспечения суверенитета и защиты фундаментальных прав человека [1].

Современный этап технологического развития характеризуется переходом от инструментального использования цифровых систем к становлению алгоритмического управления как нового типа социальной организации. В этом контексте системы искусственного интеллекта и большие данные формируют особую среду, где информационные потоки трансформируются в механизмы непрямого воздействия. Особенность такой модели управления заключается в ее предиктивном характере: анализ цифровых следов позволяет не только реагировать на уже совершившиеся действия, но и прогнозировать потенциальные поведенческие сценарии, создавая основу для превентивного регулирования [3].

Публичный интерес в условиях цифровой трансформации претерпевает существенную метаморфозу. Традиционные функции государства по обеспечению безопасности эволюционируют в сторону управления цифровыми рисками, что предполагает создание комплексных систем кибербезопасности, защиту критической информационной инфраструктуры и противодействие деструктивному информационному воздействию. Однако технологический императив часто приводит к расширительному толкованию мер защиты, что создает предпосылки для возникновения «превентивного государства», в котором мониторинг цифровой активности постепенно перерастает в формы тотального контроля [2].

Частная автономия личности сталкивается с принципиально новыми вызовами в контексте развития технологий персональной аналитики. Цифровая идентичность индивида оказывается рассредоточенной множеством платформ и баз данных, что существенно ограничивает возможность реализации права на забвение и контролирование собственных цифровых следов. Особую сложность представляет проблема сохранения приватности в условиях повсеместного внедрения Интернета вещей и биометрических систем, где сбор данных часто происходит в латентном режиме. Трансграничная природа цифрового пространства создает дополнительные сложности для защиты частных интересов. Деятельность международных цифровых платформ, оперирующих в юрисдикционных лакунах, приводит к формированию правового вакуума в сфере защиты персональных данных. Противоречие между глобальным характером данных и национальными режимами их защиты порождает феномен «цифрового национализма», проявляющийся в требованиях локализации данных и ограничении их трансграничной передачи [4].

Разрешение обозначенных противоречий требует разработки новых правовых концепций, способных учесть динамичный характер технологических изменений. В частности, представляется перспективным развитие доктрины «технологического нейтралитета» права, предполагающей создание нормативных, ориентированных на регулирование последствий технологического применения, а не конкретных технических решений. Одновременно необходима гармонизация международных стандартов в области защиты цифровых прав, что позволит преодолеть существующие юрисдикционные разрывы и создать действенные механизмы защиты частных интересов в глобальном цифровом пространстве.

Современная правовая система сталкивается с необходимостью концептуального переосмысления фундаментальных категорий в условиях формирования цифровой среды. Одной из наиболее дискуссионных проблем становится квалификация правовой природы данных. Традиционная дихотомия вещных и обязательственных прав оказывается недостаточной для адекватного регулирования оборота цифровой информации. Данные демонстрируют свойства как материальных объектов (возможность владения и использования), так и нематериальных благ (неистощимость при потреблении), что требует выработки специального правового режима. В частности, актуален вопрос о разграничении правомочий между создателями данных, их обработчиками и субъектами, к которым эти данные относятся. Отсутствие четких критериев порождает правовую неопределенность в вопросах распоряжения производными данными (метаданными, агрегированными массивами), создаваемыми в результате аналитической обработки.

Особую сложность представляет установление деликтной ответственности при причинении вреда решениями, сгенерированными системами искусственного интеллекта. Традиционные конструкции вины и противоправности поведения оказываются малоприменимыми к ситуациям, когда вредоносный результат возникает вследствие неалгоритмируемой деятельности нейросетей, способных к самообучению и непредсказуемой эволюции. Существующие подходы к распределению ответственности между разработчиками, операторами и владельцами ИИ-систем не учитывают возможности возникновения «правового вакуума ответственности» в случаях, когда невозможно установить причинно-следственную связь между действиями человека и решением алгоритма. Требуется разработка новых цивилистических

конструкций, возможно введение специальных видов ответственности по аналогии с источником повышенной опасности, но с учетом цифровой специфики.

Парадигма цифрового наблюдения претерпевает качественную трансформацию – от целевого мониторинга к тотальной массовой аналитике поведенческих паттернов. Технологии предиктивной аналитики и проактивного идентифицирования потенциальных угроз создают предпосылки для возникновения системы «превентивного правоприменения», основанного на вероятностных моделях, а не на конкретных противоправных деяниях. Это ставит под сомнение фундаментальные принципы правового государства, включая презумпцию невиновности и запрет на ответственность за мысли и намерения. Особую остроту приобретает проблема установления правовых пределов использования биометрических идентификаторов, данных телеметрии и цифровых профилей в правоохранительной деятельности.

Разрешение указанных вызовов требует не просто технической адаптации правовых норм, а фундаментального пересмотра ряда правовых доктрин. Необходима разработка межотраслевого регулирования, сочетающего административно-правовые методы управления цифровыми рисками с гражданско-правовыми механизмами защиты нарушенных прав. Перспективным направлением представляется создание специализированных цифровых юрисдикций и внедрение технологий регулятивных «песочниц» для тестирования правовых новелл в контролируемой среде. Ключевым условием эффективного правового реагирования становится обеспечение баланса между технологическим прогрессом, безопасностью общества и защитой автономии личности в цифровую эпоху [1].

Преодоление системных противоречий между публичными и частными интересами в цифровой среде требует реализации комплексной стратегии, основанной на принципах процессуальной гибкости и институционального разнообразия. Эффективное решение обозначенных проблем предполагает синхронное развитие трех взаимодополняющих направлений правовой политики.

1. Совершенствование нормативно-правового регулирования

Модернизация законодательства должна выйти за рамки простого регламентирования обработки персональных данных и охватить формирование целостной системы управления цифровыми рисками. Ключевым аспектом становится развитие доктрины «контекстно-зависимой защиты», предполагающей дифференциацию правового режима в зависимости от категории данных, целей их использования и потенциальных последствий нарушения. Особого регулирования требуют вопросы цифровой идентификации – необходимо законодательное закрепление статуса биометрических, поведенческих и агрегированных цифровых профилей, установление четких границ их верификации и применения. Перспективным направлением является внедрение технологий Privacy by Design в качестве правового императива для разработчиков цифровых систем, что предполагает интеграцию защитных механизмов на архитектурном уровне информационных продуктов.

2. Институционализация отраслевого саморегулирования

Комплексность и динамизм технологических изменений обуславливают необходимость развития гибридных форм регулирования, сочетающих государственное нормотворчество с отраслевыми стандартами. Целесообразно стимулировать создание системы профессиональной сертификации ИТ-специалистов с акцентом на этические аспекты разработки и внедрения алгоритмических систем. Значительный потенциал содержит развитие механизмов «регулятивного диалога» между государственными органами и технологическими компаниями, включая практику предварительных консультаций по правовым аспектам новых технологий. Корпоративная социальная ответственность цифровых платформ должна трансформироваться в систему конкретных обязательств по обеспечению прозрачности алгоритмического управления, включая публикацию принципов ранжирования контента и процедур модерации.

3. Формирование цифровой правовой культуры

Устойчивое функционирование цифрового правопорядка невозможно без преодоления системного разрыва между технологической и правовой компетентностью участников цифровых отношений. Требуется реализация программ правового просвещения, ориентированных на формирование «цифровой грамотности» как элемента общего правосознания. Особое значение приобретает развитие механизмов общественного участия в цифровом нормотворчестве через проведение публичных экспертиз законопроектов

с привлечением профессиональных сообществ. Прозрачность государственной цифровой политики должна обеспечиваться через создание системы мониторинга эффективности защитных механизмов и регулярной публичной отчетности о случаях доступа к персональным данным.

Таким образом, гармонизация публичных и частных интересов в цифровую эпоху представляет собой не статичное состояние, а динамический процесс непрерывного правового творчества. Создаваемая система балансов должна основываться на принципах технологического нейтралитета, процессуальной справедливости и пропорциональности ограничений. Ключевым условием эффективности такой модели становится формирование «правового партнерства» между государством, технологическим бизнесом и гражданским обществом, основанного на взаимном доверии и разделении ответственности за устойчивое развитие цифровых институтов.

Цифровая трансформация общества детерминирует необходимость эволюции правовой системы, которая должна не просто реагировать на технологические вызовы, а проактивно формировать нормативные рамки цифрового развития. Ключевым императивом такой трансформации становится сохранение фундаментальных правовых ценностей – автономии личности, достоинства человека и социальной справедливости – в условиях тотальной цифровизации общественных отношений.

Анализ современных правовых коллизий демонстрирует, что гармонизация публичных и частных интересов не может быть достигнута через простое расширение государственного регулирования или, напротив, через абсолютную либерализацию цифрового пространства. Необходима разработка сложносоставной правовой модели, основанной на принципе контекстно-зависимого балансирования. Такой подход предполагает дифференциацию правовых режимов в зависимости от природы цифровых отношений, степени потенциальных рисков и социальной значимости защищаемых благ.

Перспективным направлением совершенствования правового регулирования представляется развитие так называемого антропоцентричного подхода в цифровом праве, при котором технологические решения и нормативные требования должны проектироваться исходя из приоритета защиты прав и свобод человека. Это предполагает не только законодательное закрепление запретов на необоснованное вмешательство в частную жизнь, но и активное использование превентивных механизмов, таких как обязательная оценка воздействия на конфиденциальность данных (при внедрении новых технологий).

Особую значимость приобретает международно-правовая гармонизация подходов к регулированию цифрового пространства. Противоречия между различными правовыми системами в вопросах юрисдикции, защиты данных и ответственности цифровых платформ создают правовые лакуны, используемые для злоупотреблений. В этой связи актуализируется задача формирования многоуровневой системы международно-правовых стандартов, обеспечивающих взаимное признание цифровых прав и создание эффективных механизмов трансграничной правовой защиты.

Таким образом, построение правового государства в цифровую эпоху требует не просто адаптации существующих юридических конструкций, но и выработки новых парадигм правового регулирования, основанных на принципах технологической нейтральности, процессуальной гибкости и ценностной преемственности. Успешность этого процесса будет определяться способностью правовой системы обеспечить динамическое равновесие между инновационным развитием, национальной безопасностью и неотчуждаемыми правами человека, что в итоге составит основу цифрового конституционализма XXI века.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3451.
3. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».
4. Proposal for the Regulation of the European Parliament and of the Council Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) and Amending Certain Union Legislative Acts: (COM (2021) 206 final).
5. Попондопуло В. Ф. О частном и публичном праве / В. Ф. Попондопуло // Правоведение. – 1994. – № 5–6. – С. 53.

Современные тенденции процессуального права: диджитализация, упрощение и доступность правосудия

Магомедова Паризат Гаджимурадовна,

магистрант 1-го курса,
Юридический институт Дагестанского государственного университета,
Махачкала, Россия

Аннотация. Настоящая статья анализирует ключевые векторы трансформации процессуального права, обусловленные процессами цифровизации, тенденцией к упрощению судебных процедур и задачей повышения доступности правосудия. В фокусе исследования находятся практические аспекты внедрения цифровых решений: функционирование электронных платформ для подачи и обработки исков, автоматизация отдельных процессуальных действий и развитие механизмов дистанционного судопроизводства. Центральное место занимает оценка влияния упрощенных процедур на динамику рассмотрения дел и соблюдение процессуальных гарантий. Авторы также исследуют сопутствующие вызовы, такие как проблема цифрового разрыва и риски ослабления состязательного начала в результате избыточной оптимизации процессов. В заключении обосновывается необходимость сбалансированного подхода, обеспечивающего синтез технологических новаций, процессуальной экономии и реальной доступности правовой защиты, а также подчеркивается императивность соблюдения прав участников судопроизводства в условиях модернизации судебной системы.

Ключевые слова: цифровизация судебного процесса, электронное правосудие, упрощение процедур, доступность правосудия, гражданский процесс, судебные технологии, эффективность судебной системы, процессуальные гарантии

Contemporary trends in procedural law: Digitalization, simplification, and accessibility of justice

Magomedova Parizat Gadzhimuradovna,

1st year Master's Student,
Law Institute of the Dagestan State University,
Makhachkala, Russia

Abstract. This article examines the key vectors of transformation in procedural law, driven by the processes of digitalization, the trend towards simplification of judicial procedures, and the imperative to enhance access to justice. The research focuses on the practical aspects of implementing digital solutions: the operation of electronic platforms for filing and processing claims, the automation of individual procedural actions, and the development of remote legal proceedings mechanisms. Central to the analysis is an assessment of the impact of simplified procedures on case processing timelines and the preservation of procedural safeguards. The authors also explore associated challenges, such as the digital divide and the risks of weakening the adversarial principle due to excessive process optimization. In conclusion, the paper substantiates the need for a balanced approach that ensures a synthesis of technological innovation, procedural economy, and genuine accessibility of legal protection, while emphasizing the imperative of upholding the rights of trial participants amidst the modernization of the judicial system.

Keywords: digitalization of judicial proceedings, electronic justice, procedural simplification, access to justice, civil procedure, judicial technologies, efficiency of the judicial system, procedural safeguards

Трансформация процессуального права в условиях цифрового развития общества представляет собой одно из наиболее значимых направлений модернизации современного правосудия. Судебная система сталкивается с необходимостью повышения эффективности, сокращения сроков рассмотрения

дел и расширения возможностей для реализации права на судебную защиту. В этих условиях особую актуальность приобретают процессы цифровизации судебной деятельности и реформирования процессуальных процедур, направленные на их упрощение.

Цифровая трансформация правосудия реализуется через интеграцию электронных технологий в судебное разбирательство. Ее основными компонентами выступают электронные сервисы для подачи процессуальных документов, инструменты для дистанционного участия в заседаниях, автоматизация отдельных судебных действий, а также консолидация информационных систем судов. Подобные нововведения создают предпосылки для роста прозрачности и открытости системы правосудия. Однако они порождают и новые проблемы, включая угрозы информационной безопасности, недостаточную правовую определенность и риск усиления цифрового разрыва между участниками судопроизводства.

Вопросы, связанные с цифровизацией судопроизводства, упрощением процессуальных форм и гарантией доступности судебной защиты, являются предметом активного обсуждения в современной российской процессуальной науке. Научные изыскания в данной области структурируются по нескольким ключевым направлениям (табл. 1), которые охватывают как теоретико-концептуальные, так и сугубо прикладные аспекты модернизации процессуального права.

Таблица 1

Ключевые векторы научного анализа

Направление	Авторы/источники	Основные выводы
Цифровизация судопроизводства	Т.С. Апушкина, Н.В. Мхитарьянц, Ю.А. Свиринов, М.К. Треушников	Внедрение электронных документов, дистанционного участия, автоматизации; требует сохранения принципов состязательности и гласности
Упрощение процессуальных форм	Н.А. Громошина, К.В. Болотина, Д.С. Беляков	Сокращение сроков и издержек; ограничение устного разбирательства; сохранение процессуальных гарантий
Доступность правосудия	Д.Г. Попова, И.М. Лукина, Н.Г. Доронина	Доступность определяется юридическими, территориальными, экономическими и цифровыми аспектами; требует соотнесения с международными правовыми стандартами

Существенный вклад в исследование феномена цифровизации правосудия внесли работы, посвященные анализу электронных сервисов, дистанционных форм участия в процессе и автоматизации процессуальных действий. В трудах Т.С. Апушкиной подчеркивается комплексность процесса цифровой трансформации, затрагивающего как технологическую инфраструктуру судов, так и организационные аспекты деятельности судебной системы. Автор обращает внимание на необходимость синхронного развития нормативной базы и технических решений, указывая на существующие правовые лакуны, препятствующие полноценному функционированию электронного правосудия.

Н.В. Мхитарьянц рассматривает электронное правосудие как самостоятельный правовой феномен, трансформирующий традиционные представления о способах коммуникации между судом и участниками процесса. Особое внимание уделяется идентификации участников, юридической силе электронных документов и роли информационных систем в обеспечении прозрачности судебной деятельности.

В работах М.С. Николаева анализируются проблемы информационной безопасности и технической надежности цифровых решений в судах. Исследователь указывает на угрозу нарушения тайны судебного совещания, риски несанкционированного доступа к материалам дела и необходимость создания устойчивой к внешним воздействиям цифровой инфраструктуры.

Современная процессуальная доктрина в целом признает объективную неизбежность цифровизации правосудия. Вместе с тем ученые настаивают, что этот процесс должен быть сбалансированным, его темпы и формы должны согласовываться с обеспечением гарантированных прав участников процесса и реальным уровнем цифровой грамотности в обществе.

Значительная часть научных изысканий сосредоточена на анализе упрощенных и ускоренных типов судопроизводства, их роли в повышении эффективности работы судов и их соответствии требованиям

защиты прав граждан. В частности, Н.А. Громошина определяет допустимые пределы такой оптимизации, предупреждая, что излишнее сокращение процессуальных стадий способно негативно сказаться на глубине и качестве судебного исследования обстоятельств дела, а также подорвать состязательные начала процесса.

К.В. Болотина в своей работе акцентирует вопрос о соответствии сокращенных процедур базовым принципам гражданского процесса. Сформулированный ею вывод гласит, что успешное применение упрощенных механизмов достижимо исключительно при условии обеспечения процессуального паритета сторон и создания системы компенсаторных гарантий, нивелирующих возможные перекосы.

Т.В. Соловьева анализирует воздействие подобных реформ на принцип состязательности. Ее исследование указывает на то, что уменьшение количества судебных инстанций и смещение акцента на письменное производство потенциально сужает для сторон возможности полноценно изложить свою позицию и оперативно парировать доводы противоположной стороны. Эти выводы важны для оценки того, в какой мере упрощение соотносится с задачей обеспечения справедливого судебного разбирательства.

Таким образом, демонстрируется двойственный характер упрощения: с одной стороны, оно способствует разгрузке судов и ускорения процесса, с другой – создает риски формализации правосудия и ограничения процессуальных гарантий.

Проблеме доступности правосудия посвящен значительный массив научных публикаций, в которых анализируются как правовые, так и социальные аспекты реализации права на судебную защиту. В исследованиях Д.Г. Поповой доступность правосудия исследуется через анализ организационных и процедурных препятствий. В их число автор включает финансовые затраты на судебную защиту, фактор географической удаленности, а также общую сложность процессуальных формальностей. Попова настаивает на комплексном подходе к устранению данных барьеров, блокирующих для граждан возможность обращения в суд.

И.М. Лукина подходит к проблеме доступности, оценивая ее сквозь призму соблюдения процессуальных стандартов. Ученый полагает, что суть доступности не должна ограничиваться лишь упрощением или ускорением производства. По ее мнению, центральным критерием является обеспечение для каждого лица практической реализации всего объема предоставленных ему законом процессуальных прав.

Ученые единодушно признают, что цифровизация, обладая значительным потенциалом для демократизации доступа к правосудию, при недостаточно развитой инфраструктуре и низком уровне цифровых компетенций населения способна породить новый серьезный барьер – цифровое неравенство.

Обобщая основные теоретические позиции, можно констатировать следующее. Во-первых, цифровизация воспринимается как ключевой драйвер модернизации судебной системы. Во-вторых, оправданием упрощения процедур служит цель процессуальной экономии, однако эта тенденция вызывает обоснованные опасения относительно сохранения гарантий справедливого судебного разбирательства. В-третьих, современная доктрина трактует доступность правосудия как комплексную, многомерную категорию, охватывающую юридический, социально-экономический и технологический аспекты.

Наряду с этим, в литературе справедливо отмечается дефицит научных работ, сфокусированных:

- на изучении взаимосвязи и взаимодействия цифровизации и упрощения как тенденций, которые могут как взаимодополнять, так и противоречить друг другу;
- эмпирическом измерении реального влияния внедряемых цифровых сервисов на уровень доступности правосудия;
- анализе кумулятивных рисков, формирующихся при синхронном проведении цифровой трансформации и реформы по упрощению процедур.

Таким образом, научная литература создает теоретическую основу для исследования, однако требует дополнения комплексным анализом и междисциплинарным подходом, учитывающим технологические, правовые и социальные параметры современных изменений.

Анализ теоретических и эмпирических данных выявил основные проблемы цифровизации и упрощения судопроизводства:

Нормативные пробелы: фрагментарность регулирования электронного правосудия, отсутствие единых стандартов электронных доказательств и правил использования алгоритмов.

Практические сложности: технические сбои в электронных системах, неравномерная цифровая доступность участников и регионов, недостаток цифровой грамотности.

Упрощенные процедуры: риск ограничения процессуальных прав, недостаточная мотивация решений и проблемы извещения участников.

Позитивные результаты включают сокращение сроков рассмотрения, удобство дистанционного участия, снижение затрат и повышение прозрачности процедур. Негативные последствия – цифровое неравенство, снижение качества отдельных процедур и потенциальная зависимость судов от технологий.

Выявленные противоречия:

- между скоростью и качеством судебного разбирательства;
- между эффективностью и доступностью;
- между цифровизацией и равенством сторон;
- между алгоритмизацией и независимостью суда;
- между нормами и практикой.

Результаты показывают необходимость комплексного подхода к цифровизации и упрощению с учетом процессуальных гарантий (табл. 2).

Таблица 2

Проблемы и результаты цифровизации и упрощенных процедур

Проблема	Проявления	Возможные последствия
Фрагментарное регулирование	Разные стандарты электронных доказательств, отсутствие единого закона	Непредсказуемость судебной практики
Технические сбои	Сбои в ГАС «Правосудие», нестабильная видеосвязь	Затягивание процесса, нарушение прав участников
Цифровое неравенство	Ограниченный доступ участников в регионах	Неравные условия доступа к правосудию
Ограничения упрощенных процедур	Сокращение действий сторон, ограничение доказательств	Снижение качества разбирательства, риск ошибок
Недостаточная мотивировка решений	Краткость актов суда	Сложности обжалования, снижение прозрачности

Двойственный эффект цифровизации и упрощения

Позитивные эффекты:

- сокращение сроков;
- удобство дистанционного участия;
- снижение затрат.

Негативные последствия:

- цифровое неравенство;
- технические сбои;
- снижение качества некоторых процедур.

Проведенный анализ тенденций цифровизации, упрощения и обеспечения доступности правосудия позволяет сформулировать комплекс выводов и выработать предложения, направленные на совершенствование российского процессуального законодательства и повышение эффективности правосудия в условиях цифровой трансформации.

Цифровизация и упрощение повышают эффективность судопроизводства, но создают новые правовые риски и требуют нормативного закрепления.

Необходим комплексный закон об электронном правосудии, включающий:

- статус электронных документов и доказательств;
- порядок идентификации участников;
- стандарты видео-конференц-связи;
- правила использования алгоритмов и автоматизации.

Упрощенные процедуры следует доработать для сохранения процессуальных гарантий: расширить возможности представления доказательств, улучшить извещение, усилить требования к мотивировке решений.

Практические меры:

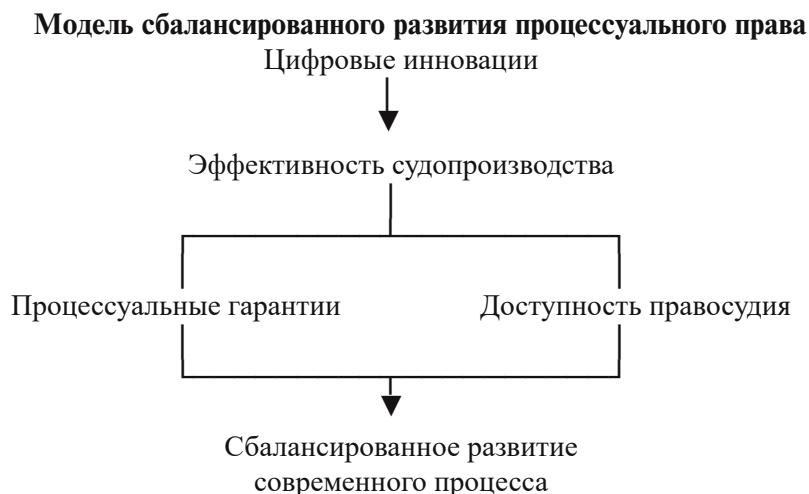
- унификация судебной практики через постановления Пленума ВС РФ;
- повышение цифровой грамотности участников и судей;
- модернизация технической инфраструктуры судов;
- регулярная оценка качества цифровых сервисов.

Концептуальный вывод: дальнейшее развитие процессуального права (табл. 3) должно сочетать технологические инновации и сохранение базовых принципов правосудия – независимости суда, равенства сторон и доступности судебной защиты.

Таблица 3

Предложения по совершенствованию законодательства и практики

Направление	Конкретные меры	Цель/эффект
Законодательство	Принятие комплексного закона об электронном правосудии	Согласованность норм, определенность статуса электронных документов и доказательств
Упрощенные процедуры	Расширение возможностей представления доказательств, улучшение уведомлений, усиление требований к мотивировке решений	Сохранение процессуальных гарантий при ускорении производства
Практика судов	Постановления Пленума ВС РФ для унификации практики	Единообразие судебной практики
Цифровая грамотность	Обучение участников и судей, методические материалы	Повышение эффективности использования электронных сервисов
Инфраструктура	Модернизация оборудования судов, резервирование данных, обеспечение стабильности систем	Надежная работа ГАС «Правосудие», защита прав участников
Оценка качества	Регулярный аудит цифровых сервисов и их доступности	Мониторинг и устранение технических и организационных проблем

Современные тенденции развития процессуального права демонстрируют устойчивое движение к цифровизации, упрощению процедур и повышению доступности правосудия. Данные тенденции направлены на существенное повышение операционной эффективности судебной системы, сокращение временных издержек на рассмотрение дел и расширение арсенала инструментов для вовлечения граждан в судебный процесс.

Однако практическая реализация цифровых решений сталкивается с комплексом трудностей, включая пробелы в правовом регулировании, технические сбои, риски создания новых форм социальной эксклюзии и потенциальную девальвацию качества отдельных юридических процедур. В этой связи центральной задачей для законодателя и правоприменительной практики становится поиск оптимального равновесия между внедрением технологических инноваций и неукоснительным соблюдением фундаментальных процессуальных гарантий.

Таким образом, формирование устойчивой и инклюзивной модели правосудия нового типа требует системных усилий по следующим направлениям: совершенствование законодательной базы, оптимизация судебной практики, модернизация технологической инфраструктуры и последовательное повышение цифровой компетентности всех участников судопроизводства.

Список литературы

1. *Апушкина Т.С.* Цифровизация гражданского судопроизводства: проблемы и перспективы / Т.С. Апушкина // Российская юстиция. – 2022. – № 7. – С. 45–49.
2. *Болотина К.В.* Соблюдение принципов гражданского процесса в упрощенном производстве / К.В. Болотина // Аллея науки. – 2020. – Т. 2. – № 11 (50). – С. 502–505.
3. *Беляков Д.С.* К вопросу о проблемах упрощенного производства в гражданском процессе / Д.С. Беляков, М.Л. Малакаева, А.И. Горбатенков // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей LVI Международной научно-практической конференции. – 2022. – С. 209–211.
4. *Боннер А.Т.* Гражданский процесс: учебник / А.Т. Боннер. – 7-е изд. – Москва: Норма, 2020. – 672 с.
5. *Глебова Т.А.* Гражданский процесс: учебное пособие / Т.А. Глебова. – Москва: Юрист, 2021. – 320 с.
6. *Громошина Н.А.* Упрощение судебных процедур как тенденция развития гражданского процесса / Н.А. Громошина // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 5. – С. 35–52.
7. *Доронина Н.Г.* Доступность правосудия в условиях цифровой трансформации / Н.Г. Доронина // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 3. – С. 21–28.
8. *Лукина И.М.* Доступ к правосудию: зарубежный и российский опыт / И.М. Лукина. – Москва: Статут, 2020. – 240 с.
9. *Мхитарьянц Н.В.* Электронное правосудие: правовые основы и практика применения / Н.В. Мхитарьянц // Право и цифровая экономика. – 2022. – № 4. – С. 12–19.
10. *Николаев М.С.* Цифровое правосудие: проблемы и перспективы / М.С. Николаев, Т.В. Махмудов // Судебная власть в условиях новых вызовов: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 25-летию кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности РГУП: в 2 ч. – 2024. – С. 223–228.
11. *Попова Д.Г.* Право на доступ к правосудию: международные стандарты и российская реализация / Д.Г. Попова // Государство и право. – 2020. – № 8. – С. 77–89.
12. *Свирин Ю.А.* Электронные доказательства в гражданском процессе: вопросы теории и практики / Ю.А. Свирин // Арбитражный и гражданский процесс. – 2021. – № 9. – С. 30–36.
13. *Соловьева Т.В.* Принцип состязательности в условиях упрощения и цифровизации процесса / Т.В. Соловьева // Актуальные вопросы развития государственности и публичного права: материалы VI Международной научно-практической конференции: в 2 т. – 2020. – С. 53–57.
14. *Треушников М.К.* Гражданский процесс: учебник / М.К. Треушников. – 26-е изд. – Москва: Статут, 2021. – 560 с.
15. *Ярков В.В.* Арбитражный процесс: учебник / В.В. Ярков. – 11-е изд. – Москва: Инфотропик Медиа, 2021. – 544 с.

Гибридные модели правового регулирования общественных отношений

Сурхайханов Шамиль Сайгидаламович,

аспирант,
Карачаево-Черкесский филиал Университета «Синергия»,
Черкесск, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию влияния цифровизации на механизмы государственного управления в федеративном государстве. Актуальность темы обусловлена активным внедрением цифровых технологий в систему публичной власти, что существенно трансформирует традиционные модели взаимодействия между федеральным центром и субъектами федерации. Цель исследования – выявление закономерностей трансформации федеративных отношений под воздействием цифровизации и определение перспективной модели «сетового федерализма». Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой и системно-структурный методы. В результате исследования установлено, что цифровые платформы государственного управления формируют новые каналы централизованного контроля, одновременно создавая возможности для горизонтальной координации между регионами. Сделан вывод о формировании гибридной модели федерализма, сочетающей элементы централизации и децентрализации. Научная новизна заключается в концептуализации понятия «сетовой федерализм» применительно к российской правовой системе.

Ключевые слова: цифровой федерализм, государственное управление, цифровизация, публичная власть, федеративные отношения, электронное правительство, сетовой федерализм, межуровневое взаимодействие, цифровые платформы

Hybrid models of legal regulation of public relations

Surkhaykhanov Shamil Saigidalamovich,

Postgraduate,
Karachay-Cherkess Branch of the Synergy University,
Cherkessk, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of the impact of digitalization on the mechanisms of public administration in a federal state. The relevance of the topic is due to the active introduction of digital technologies into the system of public administration, which significantly transforms the traditional models of interaction between the federal center and the constituent entities of the federation. The purpose of the study is to identify the patterns of transformation of federal relations under the influence of digitalization and to determine a promising model of "network federalism". The study is based on formal legal, comparative legal, and systemic-structural methods. The study found that digital platforms for public administration are creating new channels for centralized control, while also providing opportunities for horizontal coordination between regions. The study concludes that a hybrid model of federalism is emerging, combining elements of centralization and decentralization. The scientific novelty lies in the conceptualization of the concept of «network federalism» in relation to the Russian legal system.

Keywords: digital federalism, public administration, digitalization, public power, federal relations, e-government, network federalism, inter-level interaction, digital platforms

Современный этап развития государственности характеризуется масштабным проникновением цифровых технологий во все сферы публичного управления. Процессы цифровой трансформации затрагивают не только организационно-технические аспекты деятельности органов власти, но и фундаментальные основы территориальной организации государства. В условиях федеративного устройства особую

значимость приобретает вопрос о влиянии цифровизации на баланс полномочий между уровнями публичной власти.

Российская Федерация реализует масштабную программу цифровой трансформации государственного управления. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» предусматривает создание единой цифровой среды взаимодействия органов власти всех уровней [1]. Формирование государственных информационных систем, интегрирующих данные федеральных и региональных органов, ставит вопрос о переосмыслении традиционных представлений о федерализме.

В научной литературе проблематика цифровизации государственного управления получила значительное развитие. И.Л. Бачило исследовала информационно-правовые основы деятельности органов публичной власти, обосновав необходимость формирования целостной системы информационного права [2, с. 45–67]. А.В. Минбалеев раскрыл особенности правового регулирования цифровых отношений в системе государственного управления [3]. Вместе с тем дискуссионным остается вопрос о влиянии цифровых технологий на конституционно-правовые основы федеративного устройства.

Зарубежные исследователи обращают внимание на феномен «цифрового централизма» – тенденции к концентрации властных полномочий на федеральном уровне посредством контроля над цифровой инфраструктурой [4, с. 112–128]. Р. Китчин указывает на амбивалентность цифровизации, способной как усиливать централизацию, так и создавать новые возможности для региональной автономии [5, с. 34].

Недостаточно изученным представляется вопрос о специфике трансформации федеративных отношений в условиях российской правовой системы. В данной статье ставится вопрос: каким образом цифровизация государственного управления изменяет механизмы взаимодействия и контроля между уровнями публичной власти в Российской Федерации?

Цель исследования – выявление закономерностей трансформации федеративных отношений под воздействием цифровизации и обоснование концепции « сетевого федерализма ».

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи: проанализировать нормативно-правовую основу цифровизации государственного управления; выявить механизмы влияния цифровых платформ на распределение полномочий между уровнями власти; определить перспективную модель федеративных отношений в условиях цифровизации.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический метод, позволивший проанализировать нормативные акты в сфере цифровизации; сравнительно-правовой метод, обеспечивший сопоставление российского и зарубежного опыта; системно-структурный метод, примененный для исследования взаимосвязей между элементами системы публичной власти.

Правовую базу цифровизации государственного управления в Российской Федерации формирует комплекс нормативных актов стратегического и программного характера. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» определил цифровую трансформацию в качестве приоритетного направления государственной политики [6]. Документ закрепил принцип единства информационного пространства, предполагающий интеграцию информационных систем всех уровней публичной власти.

Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» конкретизировала механизмы реализации стратегических целей. Федеральный проект «Цифровое государственное управление» предусматривает создание единой цифровой платформы, обеспечивающей взаимодействие федеральных и региональных органов исполнительной власти [1]. Следует отметить, что данный подход предполагает унификацию административных процедур на всей территории государства.

Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» закрепил правовые основы функционирования порталов государственных услуг [7]. Единый портал государственных услуг (ЕПГУ) выступает центральным элементом системы электронного правительства, агрегируя услуги федерального, регионального и муниципального уровней. Как справедливо отмечает Л.К. Терещенко, «интеграция региональных порталов в единую систему создает предпосылки для централизованного мониторинга деятельности органов власти субъектов Федерации» [8, с. 78].

Существенное значение имеет Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», установивший механизм «регуляторных песочниц» [9]. Данный инструмент позволяет субъектам Федерации экспериментировать с цифровыми технологиями, что потенциально расширяет их автономию в сфере инноваций.

Вместе с тем анализ нормативной базы свидетельствует о преобладании централизаторских тенденций. Требования к совместимости государственных информационных систем, единые стандарты обмена данными, централизованные системы идентификации – всё это ограничивает возможности регионов по формированию собственной цифровой инфраструктуры [10, с. 156].

Цифровизация существенно трансформирует механизмы взаимодействия между федеральным центром и субъектами Федерации. Государственные информационные системы формируют новую инфраструктуру контроля, позволяющую осуществлять мониторинг деятельности региональных органов власти в режиме реального времени.

Государственная информационная система регионального управления (ГИС РУ) обеспечивает сбор и анализ данных о социально-экономическом развитии субъектов Федерации. По мнению А. Н. Козырина, подобные системы «создают технологические предпосылки для перехода от координации к субординации в отношениях между уровнями власти» [11, с. 89]. Федеральный центр получает инструменты для оперативного выявления отклонений от установленных показателей и принятия корректирующих мер.

Система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) обеспечивает автоматизированный обмен данными между органами власти. Функционирование данной системы предполагает соблюдение единых технических регламентов, определяемых на федеральном уровне. Регионы, не обеспечивающие совместимость своих информационных систем со СМЭВ, фактически исключаются из единого информационного пространства государственного управления.

В то же время цифровизация создает возможности для горизонтальной координации между субъектами Федерации. Цифровые платформы позволяют регионам обмениваться опытом, тиражировать успешные практики, осуществлять совместные проекты без обязательного посредничества федерального центра [12]. Формируются элементы « сетевого федерализма », при котором взаимодействие между субъектами Федерации приобретает многовекторный характер.

Показательным примером служит развитие региональных цифровых платформ. Несмотря на общие стандарты, субъекты Федерации реализуют собственные проекты в сфере « умного города », электронного здравоохранения, цифрового образования. Москва, Татарстан, Ленинградская область демонстрируют различные модели цифровизации, адаптированные к региональной специфике [3, с. 234].

Таким образом, влияние цифровизации на федеративные отношения носит амбивалентный характер. Централизация контрольных механизмов сочетается с расширением возможностей для регионального экспериментирования и межрегионального сотрудничества.

Выявленные тенденции позволяют обосновать концепцию « сетевого федерализма » как перспективной модели организации федеративных отношений в условиях цифровизации. Данная концепция предполагает сочетание вертикальных и горизонтальных связей между субъектами федеративных отношений, опосредованных цифровыми платформами.

Традиционная модель федерализма основана на иерархическом разграничении предметов ведения и полномочий. Цифровизация трансформирует эту модель, формируя сетевую структуру взаимодействия. Как отмечает М. Н. Марченко, « информационные технологии создают предпосылки для преодоления жесткой дихотомии централизации и децентрализации » [13, с. 445].

« Сетевой федерализм » характеризуется следующими признаками. Во-первых, множественность каналов взаимодействия: наряду с традиционными административными механизмами функционируют цифровые платформы, обеспечивающие прямую коммуникацию между участниками федеративных отношений. Во-вторых, транспарентность: цифровые системы обеспечивают доступность информации о деятельности органов власти всех уровней. В-третьих, адаптивность: цифровые технологии позволяют оперативно корректировать модели взаимодействия в зависимости от изменяющихся условий.

Вместе с тем сетевой федерализм сопряжен с определенными рисками. Централизация контроля над цифровой инфраструктурой создает угрозу эрозии региональной автономии. Зависимость от технологических решений, принимаемых на федеральном уровне, ограничивает возможности субъектов Федерации по формированию собственной политики в сфере цифровизации [14, с. 67].

Для минимизации указанных рисков представляется необходимым законодательное закрепление принципов цифрового федерализма. Конституционно-правовые гарантии должны обеспечить

баланс между унификацией цифровой инфраструктуры и сохранением регионального многообразия. По мнению Т.Я. Хабриевой, «правовое регулирование цифровизации должно учитывать федеративную природу российского государства» [15, с. 12].

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Цифровизация государственного управления существенно трансформирует механизмы взаимодействия между уровнями публичной власти в федеративном государстве. Нормативно-правовая база цифровизации преимущественно ориентирована на унификацию и централизацию, что создает предпосылки для усиления контроля федерального центра над деятельностью региональных органов.
2. Государственные информационные системы формируют новую инфраструктуру мониторинга и контроля, обеспечивающую оперативный доступ к данным о деятельности субъектов Федерации. Одновременно цифровые платформы создают возможности для горизонтальной координации между регионами.
3. Перспективной моделью организации федеративных отношений в условиях цифровизации выступает «сетевой федерализм», сочетающий централизованный контроль с многовекторным взаимодействием субъектов Федерации. Данная модель требует конституционно-правового закрепления принципов, обеспечивающих баланс централизации и децентрализации.

Теоретическая значимость исследования заключается в концептуализации понятия «сетевой федерализм» и определении его существенных признаков применительно к российской правовой системе. Практическая значимость определяется возможностью использования результатов при совершенствовании правового регулирования цифровизации государственного управления.

Ограничением исследования является преимущественное внимание к нормативному измерению проблемы при недостаточном учете правоприменительной практики. Перспективным направлением дальнейших исследований представляется эмпирический анализ функционирования цифровых платформ государственного управления в контексте федеративных отношений.

Список литературы

1. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 г. № 16) // СПС «КонсультантПлюс».
2. *Бачило И.Л.* Информационное право: учебник / И.Л. Бачило. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2020. – 419 с.
3. *Минбалеев А.В.* Правовое обеспечение цифровой экономики / А.В. Минбалеев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2018. – Т. 18. – № 4. – С. 230–237.
4. *Margetts H.* Digital Era Governance: IT Corporations, the State, and e-Government / H. Margetts, P. Dunleavy. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – 312 p.
5. *Kitchin R.* The Data Revolution: Big Data, Open Data, Data Infrastructures and Their Consequences / R. Kitchin. – London: SAGE Publications, 2014. – 222 p.
6. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.
7. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4179.
8. *Терещенко Л.К.* Государственные услуги: правовое регулирование и цифровизация / Л.К. Терещенко // Журнал российского права. – 2021. – № 8. – С. 75–88.
9. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31. – Ст. 5017.
10. *Талапина Э.В.* Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы / Э.В. Талапина // Журнал российского права. – 2018. – № 2. – С. 153–165.
11. *Козырин А.Н.* Цифровые технологии в публичном управлении: правовые аспекты / А.Н. Козырин // Административное право и процесс. – 2020. – № 6. – С. 85–92.

12. *Южаков В. Н.* Государственное управление в условиях цифровой трансформации / В. Н. Южаков, Е. И. Добролюбова // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2022. – № 1. – С. 7–25.
13. *Марченко М. Н.* Теория государства и права: учебник / М. Н. Марченко. – 3-е изд. – Москва: Проспект, 2021. – 640 с.
14. *Василенко И. А.* Цифровое правительство и федерализм: проблемы и перспективы / И. А. Василенко // Государственная служба. – 2021. – № 2. – С. 64–70.
15. *Хабриева Т. Я.* Право перед вызовами цифровой реальности / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2018. – № 9. – С. 5–16.

Частное право в цифровую эпоху: смарт-контракты, токенизация активов и новые формы обязательств

Телекаева Амина Эльдаровна,

магистрант 1-го курса,
Дагестанский государственный университет,
Махачкала, Россия

Аннотация. В статье анализируется правовая природа смарт-контрактов, токенизации активов и новых форм обязательств в российском законодательстве. На основе анализа Федерального закона №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах» и изменений в Гражданский кодекс РФ выявлены пробелы правового регулирования и противоречия судебной практики. Представлена статистика развития рынка цифровых финансовых активов в России, показавшая рост объема рынка от первых выпусков до прогнозируемого 1 трлн руб.

Ключевые слова: смарт-контракт, цифровые финансовые активы, токенизация, цифровые права, блокчейн

Private law in the digital age: Smart contracts, asset tokenization, and new forms of liability

Telekaeva Amina Eldarovna,

1st year Master's Student,
Dagestan State University,
Makhachkala, Russia

Abstract. The article analyzes the legal nature of smart contracts, asset tokenization, and new forms of obligations in Russian legislation. Based on an analysis of Federal Law no. 259-FZ "On Digital Financial Assets" and amendments to the Civil Code of the Russian Federation, gaps in legal regulation and contradictions in judicial practice are identified. Statistics on the development of the digital financial asset market in Russia are presented, showing the market volume's growth from initial releases to a forecasted 1 trillion rubles.

Keywords: smart contract, digital financial assets, tokenization, digital rights, blockchain

Цифровизация гражданского оборота представляет собой одну из наиболее значимых правовых трансформаций XXI века. В России процесс легитимации цифровых активов начался с принятия в 2019 г. Федерального закона № 34-ФЗ, внесшего в Гражданский кодекс РФ понятие «цифровые права» (ст. 141.1 ГК РФ), и продолжился принятием в 2020 г. специального Федерального закона № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1].

Актуальность исследования обусловлена стремительным ростом рынка цифровых активов: первый выпуск ЦФА состоялся в июне 2022 г., а в 2025 г. уже прогнозировалось достижение объема рынка в 1 трлн руб. Однако динамичное развитие технологий опережает правовое регулирование, что порождает множество проблем правоприменения: от противоречивой судебной практики до отсутствия механизмов защиты прав участников цифрового оборота. Смарт-контракты, токенизация активов и новые формы обязательств требуют переосмысления классических институтов гражданского права с учетом технологических особенностей блокчейна и распределенных реестров.

Смарт-контракты в российском правовом поле

Российский законодатель не ввел понятие «смарт-контракт» как самостоятельный правовой институт, избрав путь встраивания механизма автоматического исполнения в существующую систему гражданско-правовых отношений. Часть 2 ст. 309 ГК РФ (в редакции Федерального закона № 34-ФЗ от 18.03.2019) [2] закрепляет принципиальную возможность: «Условиями сделки может быть предусмотрено исполнение ее сторонами возникающих из нее обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки». Аналогичная норма содержится в ч. 2 ст. 4 Федерального закона № 259-ФЗ применительно к обращению цифровых финансовых активов.

Ведущий российский исследователь и эксперт в сфере права интеллектуальной собственности, права информационных технологий и цифрового права М.А. Рожкова убедительно доказывает, что смарт-контракт не является договором в гражданско-правовом смысле, а представляет собой компьютерную программу – «цифровую надстройку» классического договора, технический инструмент автоматизации исполнения [4]. Эта концепция объясняет, почему законодатель не выделяет смарт-контракт как отдельный вид сделки, рассматривая его лишь как способ исполнения обязательств. Машиночитаемый код – это форма компьютерной программы, а не самого договора, что принципиально важно для определения правового режима.

Ключевой проблемой остается ответственность за ошибки в программном коде. Законодательство не определяет, кто несет ответственность: программист, заказчик или оператор платформы. Автоматическое исполнение смарт-контракта исключает возможность применения традиционных механизмов изменения и расторжения договора по соглашению сторон (гл. 29 ГК РФ). Т.В. Шатковская и А.А. Евстафьева обосновывают необходимость разработки специальных юридических механизмов изменения и расторжения смарт-контрактов, включая встраивание в код условий об изменении параметров или о «кнопке экстренной остановки» [6].

Токенизация активов в системе российского права

Токенизация в российском правовом пространстве реализуется через институт цифровых прав, введенный ст. 141.1 ГК РФ [2]. Цифровыми правами признаются обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Принципиальная особенность цифровых прав – их осуществление и распоряжение возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу, что отражает децентрализованный характер блокчейн-технологий.

Российское законодательство выделяет два основных вида цифровых активов. Цифровые финансовые активы (ЦФА), согласно ст. 1 Федерального закона № 259-ФЗ [1], представляют собой цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения записей в информационную систему на основе распределенного реестра. Утилитарные цифровые права, согласно ст. 8 Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ», включают право требовать передачи вещи, право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, право требовать выполнения работ или оказания услуг.

Н.А. Петраков в своем исследовании отмечает, что цифровое имущество и цифровое право – не тождественные категории. Цифровое право есть абсолютное право с правомочиями цифрового доступа, пользования и распоряжения, тогда как цифровое имущество является объектом гражданских прав, объективированным виртуальными единицами благом [7]. Эта концепция важна для понимания правового режима токенизированных активов.

Статистика развития рынка ЦФА в России демонстрирует впечатляющую динамику (табл. 1). С момента первого выпуска в июне 2022 г. объем рынка вырос многократно – с 60 млрд руб. в 2022 г. до прогнозируемого 1 трлн руб. в 2025 г. Количество выпусков ЦФА увеличилось с единичного первого выпуска в июне 2022 г. до 950 выпусков в 2024 г. Значительно расширилась инфраструктура рынка: количество операторов информационных систем выросло с 1 до 15, появились операторы обмена ЦФА (Московская биржа, СПБ Биржа), численность владельцев ЦФА достигла 108,2 тыс. человек.

Динамика развития рынка цифровых финансовых активов в России (2023–2025 гг.)

Показатель	2023	2024	2025 (прогноз)
Объем рынка ЦФА, млрд руб.	60	346,5–580	1000–1100
Количество выпусков ЦФА	350	950	н/д
Количество операторов информационных систем (ОИС)	10	14	15–17
Количество операторов обмена ЦФА (ООЦФА)	1	2	2
Количество владельцев ЦФА, тыс. чел.	45	108,2	560,9
Объем вложений физических лиц, млрд руб.	н/д	159	н/д

Составлено по данным [9].

Сравнительный анализ показывает, что в ЕС действует Пилотный режим DLT (Regulation 2022/858), Германия приняла Закон об электронных ценных бумагах (eWpG 2021), а Принципы UNIDROIT (2023) предлагают концепцию «контроля» цифрового актива [8].

Д.А. Кочергин отмечает, что российская модель ограничивает ликвидность рынка и снижает возможности участия зарубежных эмитентов и инвесторов из-за закрытого характера платформ (проблема «платформ-колодцев»), строгих требований к операторам и ограниченного круга допустимых активов [3]. Указание Банка России № 5635-У устанавливает ограничение на приобретение физическими лицами ЦФА на сумму не более 600000 руб. в год (за исключением ЦФА, обеспеченных ОФЗ или драгоценными металлами), что сдерживает развитие розничного сегмента.

Новые формы обязательств в цифровой среде

Внедрение блокчейн-технологий трансформирует классические институты обязательственного права. Принцип неизменности записей в распределенном реестре вступает в противоречие с диспозитивным характером гражданско-правового регулирования, предполагающим возможность изменения и расторжения договора по соглашению сторон или в судебном порядке. Автоматическое исполнение обязательств через смарт-контракт исключает применение традиционных способов обеспечения исполнения обязательств: невозможно наложить арест на цифровой актив, находящийся под контролем алгоритма.

Особенности исполнения обязательств через блокчейн проявляются в мгновенности и необратимости транзакций. Если классическое исполнение обязательства допускает разумный срок на проверку качества, возврат или отказ от принятия, то исполнение через смарт-контракт происходит одномоментно при наступлении запрограммированных условий. Это порождает риски для слабой стороны договора, особенно потребителей. О.С. Гринь и соавторы указывают на необходимость соблюдения основополагающих принципов гражданского права – законности, справедливости, защиты слабой стороны – при разработке смарт-контрактов [5].

Верховный Суд РФ в Определении от 02.02.2021 № 44-КГ20-17-К7 фактически признал экономическую природу криптовалюты, указав, что лицо, передавшее криптовалюту взамен денежных средств, преследовало экономическую цель, следовательно, действия правомерны. Однако положение осложняется ст. 14 Федерального закона № 259-ФЗ, запрещающей распространять информацию о предложении и приеме цифровой валюты в качестве встречного предоставления за товары, работы, услуги. Таким образом, российское законодательство признает цифровые активы в качестве объектов гражданских прав, но ограничивает их оборотоспособность.

Новые формы обеспечения обязательств в цифровой среде получили развитие на платформе «Мастерчейн»: цифровые банковские гарантии, цифровой аккредитив, электронные закладные. В июле 2024 г. платформа «Токеон» провела тестовую сделку в Арбитражном суде Удмуртии для отработки механизма обращения взыскания на ЦФА с залогом земельного участка. Это свидетельствует о формировании судебных механизмов защиты прав инвесторов в ЦФА.

Перспективы развития законодательства РФ

Развитие российского законодательства о цифровых активах осуществляется по нескольким направлениям. Федеральный закон от 08.08.2024 № 221-ФЗ существенно расширил регулирование, введя понятия майнинга цифровой валюты, майнинг-пула, майнинговой инфраструктуры и создав соответствующие реестры. Это свидетельствует о движении законодателя от запретительного подхода к регуляторному.

Ключевым направлением является интеграция цифровых активов в финансовую систему. С октября 2025 г. планируется использование цифрового рубля Банка России в бюджетных платежах, к 2027 г. — на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Платформа цифрового рубля будет поддерживать смарт-контракты, что создаст инфраструктуру для массового внедрения автоматизированных обязательств. Первые дефолты эмитентов ЦФА (в частности, ООО «Автосити» на сумму 200 млн руб. в 2025 г.) ускорят формирование механизмов взыскания и судебной практики.

Необходимо совершенствование регулирования: закрепление правил ответственности за ошибки в коде, механизмы изменения смарт-контрактов, создание единой инфраструктуры учета ЦФА и детализация налогового режима.

Перспективным представляется рецепция отдельных положений Принципов UNIDROIT о цифровых активах и частном праве (2023), в частности концепции «контроля» цифрового актива как правообразующего факта, каскадной системы определения применимого права для трансграничных транзакций, правил защиты добросовестного приобретателя и специального регулирования цифрового кастодиальства [8].

Исследование показало, что российское законодательство создало правовую основу для функционирования цифровых активов, избрав путь встраивания новых институтов в существующую систему гражданского права. Смарт-контракты получили признание через нормы ст. 160, 309 ГК РФ как способ автоматического исполнения обязательств, но не как самостоятельный вид договора. Токенизация активов реализуется через институт цифровых прав (ст. 141.1 ГК РФ) с выделением двух основных видов — ЦФА и утилитарных цифровых прав.

Динамика рынка ЦФА демонстрирует взрывной рост: с 60 млрд руб. в 2023 г. до прогнозируемого 1 трлн руб. в 2025 г., что подтверждает востребованность новых правовых инструментов. Однако быстрое развитие технологий опережает правовое регулирование, порождая проблемы правоприменения: противоречивую судебную практику, отсутствие механизмов защиты при ошибках в коде, сложности доказывания в условиях анонимности блокчейна.

Для гармонизации публичных и частных интересов необходимо установить специальные правила ответственности за ошибки в смарт-контрактах; разработать механизмы изменения и расторжения автоматизированных договоров; создать единую инфраструктуру учета ЦФА; детализировать налоговый режим цифровых активов. Развитие законодательства должно сочетать технологическую нейтральность, обеспечивающую гибкость правового регулирования, с императивными гарантиями прав участников цифрового оборота, особенно слабой стороны договора.

Список литературы

1. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.11.2025).
2. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. — 2019. — 20 марта. — № 62.
3. Кочергин Д.А. Современная токенизация денег и активов: формы, особенности и перспективы для России / Д.А. Кочергин // Экономический журнал Высшей школы экономики. — 2025. — Т. 29. — № 3. — С. 407–447. — DOI: 10.17323/1813-8691-2025-29-3-407-447.
4. Рожкова М.А. Смарт-контракт в договорной практике: программный код и «цифровая надстройка» классического договора / М.А. Рожкова // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2023. — Вып. 1 (39). — С. 60–72. — DOI: 10.58741/23134852_2023_1_60.

5. *Гринь О.С.* Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения / О.С. Гринь, Е.С. Гринь, А.В. Соловьев // *Lexrussia (Русский закон)*. – 2019. – № 8 (153). – С. 51–62. – DOI: 10.17803/1729–5920.2019.153.8.051–062.
6. *Шатковская Т.В.* Правовое регулирование изменения и расторжения смарт-контракта по законодательству РФ / Т.В. Шатковская, А.А. Евстафьева // *Северо-Кавказский юридический вестник*. – 2023. – № 2. – С. 85–94. – DOI: 10.22394/2079-1690-2023-1-2-85-94.
7. *Петраков Н.А.* Цифровое имущество как объект гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук: / Петраков Никита Андреевич. – Москва, 2024. – 181 с.
8. UNIDROIT Principles on Digital Assets and Private Law. – Rome: International Institute for the Unification of Private Law, 2023. – 158 p.
9. Рынок цифровых финансовых активов: рывок к триллиону // *Эксперт РА*. – 2024. – URL: https://raexpert.ru/researches/digital_fin_market_2024/ (дата обращения: 16.11.2025).

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1

ОСНОВЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА И ГОСУДАРСТВА И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ ЧЕРЕЗ ИНСТИТУТЫ

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОГО ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ ГРАЖДАН 3

Боташева Альбина Хаджи-Даутовна

Институт отзыва выборных лиц: сравнительный анализ федерального
и регионального регулирования 3

Веприцкий Александр Геннадьевич

Механизм правового регулирования взаимоотношений личности
и государства: элементы, стадии, эффективность 7

Гаджиев Гаджи Ахмедович

Публичное право в условиях глобальной нестабильности:
новые угрозы для государственного суверенитета и безопасности. 13

Газиев Хабиб Лабазанович

Право человека на защиту персональных данных:
баланс между приватностью и цифровым развитием 17

Джашеев Руслан Ахматович

Цифровой профиль личности: баланс публичных
и частных интересов при обеспечении кибербезопасности в сфере экономики. 21

Кипкеева Айшат Леонтьевна

Эволюция правового поля: ключевые тенденции развития правовой системы России. 26

Кишева Наргиз Мамедовна

Международное право в эпоху турбулентности:
актуальные проблемы и поиск новых форм сотрудничества. 29

Клычев Рафаэль Арзабекович

Поведенческие факторы эффективности правового регулирования 33

Манкиева Аза Вахидовна

Правовая идентичность личности в контексте цифровой трансформации 37

Римар Иван Викторович

Трансформация механизма правового регулирования в условиях цифровизации 41

Сайдумов Джамбулат Хамидович,

Сайдумов Марат Хамидович

Правовой плюрализм в условиях глобализации:
взаимодействие национального и международного права 46

Степанян Георгий Эдуардович

Научно-технологический прогресс как фактор модернизации
отраслевой структуры современного права 53

Темирова Радмила Расуловна

Механизм правового регулирования взаимоотношений личности
и государства: элементы, стадии, эффективность 57

Шрамкова Мария Николаевна

Цифровизация государства и новые формы юридической ответственности 62

СЕКЦИЯ 2

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВЕ 66

Булахова Виктория Денисовна

Феномен «мягкого права» в современной системе социального регулирования. 66

Гаджимагомедова Хадижат Багадуровна

Уголовное право перед лицом новых угроз: киберпреступность, терроризм, транснациональная организованная преступность 71

Иванникова Ксения Константиновна

Комплекс социальных мер поддержки участников специальной военной операции на Ставрополье 74

Магомадов Хусейн Хамзатович

Гармонизация публичных и частных интересов в цифровую эпоху: новые правовые вызовы. 79

Магомедова Паризат Гаджимурадовна

Современные тенденции процессуального права: диджитализация, упрощение и доступность правосудия 83

Сурхайханов Шамиль Сайгидаламович

Гибридные модели правового регулирования общественных отношений 89

Телекаева Амина Эльдаровна

Частное право в цифровую эпоху: смарт-контракты, токенизация активов и новые формы обязательств 94

Сборник материалов

Современные тенденции действия и совершенствования права: теория и практика

Сборник научных трудов

Ответственный редактор *З.Б. Караева*
Редактор и корректор *Ю.А. Голоперова*
Компьютерная верстка *Д.О. Мальков*
Дизайн обложки: Издательский дом Университета «Синергия»

Дата опубликования: 24.03.2026

Усл. печ. л. 6,375.

Университет «Синергия»
125315, Москва, Ленинградский пр-т, д. 80Б, корпус 3.
Тел. (495) 800-10-01

ISBN 978-5-4257-0706-2

9 785425 707062

Университет «Синергия»
125315, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 80Б, корп. 3
Тел.: +7 (495) 800-10-01